

уральский

следопыт

№4 *** 1982

**КОМСОМОЛ ВСЕГДА БЫЛ
НАДЕЖНЫМ ШЕФОМ
СОВЕТСКИХ СТРОЕК.**

Л. И. БРЕЖНЕВ

Читайте 2-ю стр.

В номере:

С. Васильков ЗАПИСЫВАЙ, РОМАНТИК, АДРЕСА!	2
ПЕРВАЯ МОЯ...	3
В. Станцев БАЛЛАДА О МЕСЯЦЕ АПРЕЛЕ	6
Р. Енакаев НЕДОПЕТАЯ ПЕСНЯ	9
В. Нестеренко СТРОКА ЛЕНИНИАНЫ	10
ВЫ СПРАШИВАЛИ...	13
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	14
Р. Каптиков В ГОСТЯХ У СЕВЕРНОГО ВЕРБЛЮДА	16
С. Крапивин ПЯТЬ ДНЕЙ ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ. Повесть. Начало	17
Ю. Курочкин КЛАДЫ БАБУШКИНЫХ СУНДУКОВ	46
Р. Кошурникова КУРОЧКА РЯБА. Рассказ	52
Е. Брандис РАЗВЕДЧИК ТРАССЫ — ИВАН ЕФРЕМОВ	62
«БУДЬТЕ ВСЕГДА ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫМИ...»	65
Ю. Липатников РАСКРЫЛАСЬ КНИГА ГОРНАЯ	68
А. Омельчук КУРИОЗНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ДЕЛИЛЯ	69
П. Коверда «ПРОЧЬ С ЗАВОДА!»	70
В. Слукин СКРЫТО ЗЛАТО ВОСВОЯСИ...	72
Л. Богоявленский ЛЕС ДЛЯ ГОРОДА	76
МИР НА ЛАДОНИ	79

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Владимир СТАРИКОВ
 (ответственный секретарь)

Художественный редактор
Мargarита ГОРШКОВА
 Технический редактор
Людмила БУДРИНА
 Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
 620219,
 Свердловск, ГСП-353,
 ул. 8 Марта, 8
 Телефоны: 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 11.12.81.
 НС 11019.
 Подписано к печати 19.02.82.
 Бумага 84×108/16.
 Печатных листов 2,62.
 Печатных листов 8,8.
 Учетно-издательских листов 10,9.
 Тираж 255 000.
 Заказ 413.
 Цена 40 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий»,
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1 стр. обложки — рис.
 С. СУХОВА.

© «Уральский следопыт». 1982

ЛИТЕРАТУРНО-
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 ДЛЯ ДЕТЕЙ
 И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
 СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 РСФСР
 СВЕРДЛОВСКОЙ
 ПИСАТЕЛЬСКОЙ
 ОРГАНИЗАЦИИ
 И СВЕРДЛОВСКОГО
 ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
 С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
 СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
 КНИЖНОЕ
 ИЗДАТЕЛЬСТВО

№4 * 1982

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

ЗАПИСЫВАЙ, РОМАНТИК, АДРЕСА!

**Сергей
ВАСИЛЬКОВ**

заведующий сектором ударных
комсомольских строек
Свердловского обкома ВЛКСМ

Одна из ярких строк действительности — ударные комсомольские стройки. Они — поле, где молодость страны являет лучшие свои качества — энтузиазм, мастерство, энергию, горячую заинтересованность в том, что делается.

Ежегодно Центральный Комитет ВЛКСМ объявляет свыше 150 строек Всесоюзными, ударными...

Многие из них уже вошли, а сегодня входят в легенды и летопись: освоение газовых богатств Западной Сибири, строительство Байкало-Амурской магистрали, Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса, Усть-Илимского лесопромышленного комплекса, мелиорация земель и сельское строительство в Нечерноземной зоне РСФСР.

Какое поле поиска! Записывай, романтик, адреса! Не обойден громкими и важными стройками и древний Урал. Семнадцать областных и одна Всесоюзная ударная комсомольская — вот над чем шефствует свердловский комсомол.

Через область пройдет система магистральных газопроводов из района Западной Сибири в европейскую часть страны — очень важный объект, и ЦК ВЛКСМ объявил его всесоюзно значимым.

Как тут без одержимых, без преданных великому племени романтиков, лозунг которых — «Бороться и искать, найти и не сдаваться!»

Сегодняшним молодым строителям участвовать в осуществлении разрабатываемой по инициативе Л. И. Брежнева продовольственной программы, воздвигать объекты, связанные с производством сырья для тяжелой и легкой промышленности Урала.

Вот первые и важнейшие адреса: Красноуральский Волковский рудник, объединенные предприятия стройиндустрии Главнечерноземводстроя в городе Реже, Рефтинская птицефабрика. Разрабатывается программа освоения севера Урала, где сосредоточены мощные сырьевые ресурсы не только нашего экономического района, но и страны!

Итак, юный друг, стройки ждут тебя. Товарищ Л. И. Брежнев на XXVI съезде еще раз подчеркнул, что сорокамиллионная армия комсомольцев — смена, помощник партии; молодые люди, которым сегодня 18—25 лет, завтра разуют костяк нашего общества. И помни, дорогой романтик, главное богатство стройки — рабочий. А он сегодня другой, чем, скажем, лет десять назад.

На учебу он использует в два раза больше времени, а с полным средним образованием рабочих стало в четыре раза больше! Вот в какую знающую, сознательную компанию ты попадаешь на стройке! То, что вы построите сегодня качественно, будет завтра характеризовать ваше же поколение... Активная позиция молодого человека — не тема для диспута. Это — утверждение трудом. Через ударные комсомольские отряды области прошли более двух тысяч добровольцев и для них это — школа ответственности, причастности к свершениям дня.

Зашел к нам однажды в обком комсомола паренек. Рюкзак набит до отказа, одет по-походному. «Еду на стройку, — сообщил он торжественно, — имею специальность каменщика и предметы первой необходимости, вплоть до спальника. Что еще взять!»

— Самое главное, — сказали мы ему, — ты взял, и не ошибся. Решительность, умение, самостоятельность при себе!

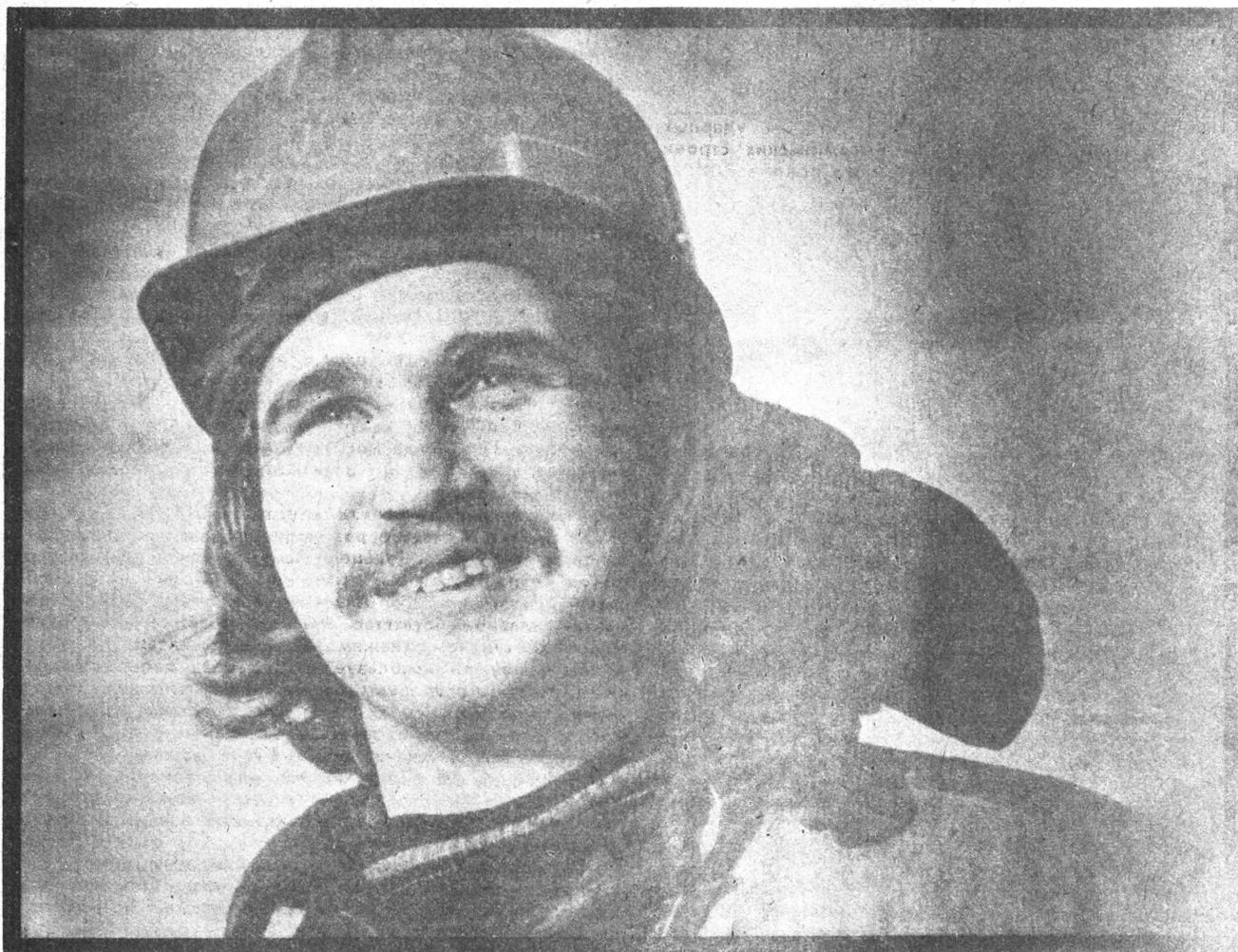
— При себе!

— Приступай к делам без сомнений!

ПЕРВАЯ МОЯ...

*«Уральский следопыт» на ударных
комсомольских стройках*

Стройку Красноуральского Волковского рудника представляет газосварщик Александр ШАХОВ, выпускник СГПТУ-49 города Нижнего Тагила.

...Как-то попал мне в руки медный пятак екатерининских времен. Солидная денюга! Вся Россия в то время уральскими медяками брэнчала, из богословской руды их лили, на Екатеринбургском монетном дворе...

Вот уж не думал, что самому придется вплотную столкнуться с продолжением медного производства на Урале.

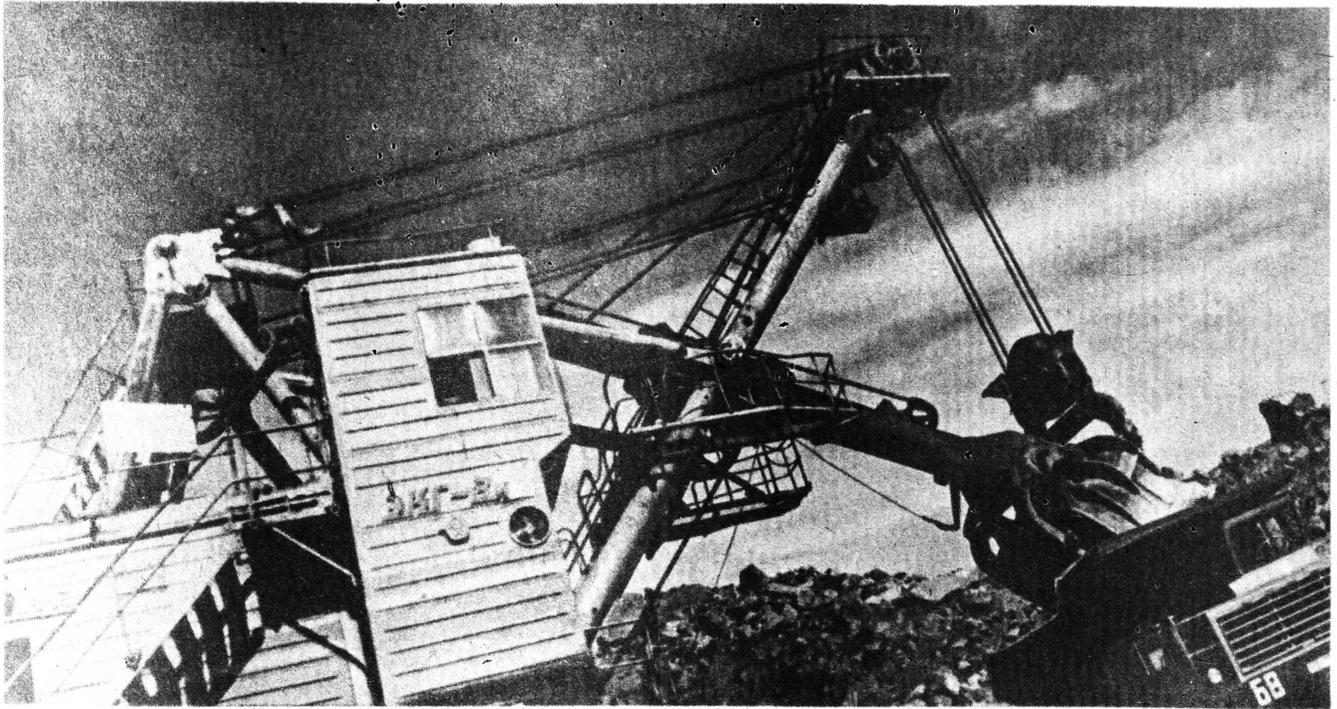
А, впрочем, надо быть готовым к таким вот не-

ожиданным прикосновениям к истории нашего края — это все же Урал. У нас в СГПТУ-49 часто напоминали ленинские слова: «Урал — не маленький «уголок», это громаднейшая и богатейшая область...» Напоминали в том смысле, что есть где поработать после выпуска!

И я не унимаю волнения, когда первый раз приезжаю на стройку. Не шутка — отдать ей частичку жизни. Вспомнит ли она тебя, вспомнишь ли ты ее?

На Волковский рудник ехал приятно. Дорога от города идет селами — люблю их, домовитые, крепостные, древние. Народ здесь обходительный, но и прямой.

Недалеко Лайский свиноводческий комплекс —

Самая типичная картина всех уральских рудников: экскаватор, самосвал... И пошла руда!

знатная в свое время стройка была! Но я не успел поучаствовать — учился.

Если кто увидит объявление о наборе в наше СГПУ-49, то заметит, что электрогазосварщики помечены первыми. Так оно и есть. Производство сварных конструкций по стране составляет около половины в металлических заготовках вообще. От сотых долей миллиметра до нескольких метров — любое соединение обеспечим.

Я и спросил: «Сильно нужны сварщики на стройке?» «Еще как, — ответили мне, — нужны такие как ты — молодые — стройка — пусковая, ударная, комсомольская!» Бригадир мой, Сергей Точилос — ас, конечно, сварочного дела, — подбодрил: «Обеспечим и дух молодежный!» У меня это была первая комсомольская стройка, а у Сергея за плечами несколько ударных — шестая домна в Нижнем Тагиле, рельсо-балочный стан. Он всегда знает, что говорит, обеспечивает то, что действительно необходимо.

...Я сразу проңикся уважением к стройке. Небольшая она. Если говорить точно — четыре крупных объекта: дробильно-сортировочная станция, отделение фильтрации и сушки апатитового концентрата, отделение сгущения железованадиевого концентрата, отделение сгущения апатитового концентрата.

Но проект рудника уникальный! И дело вот в чем. Наши уральские руды особенные. Во-первых, в них содержится очень мало меди — в 30—40 и даже в 50 раз меньше, чем железа в железных рудах. Вон сколько надо руды переработать, прежде чем напитать сырьем Красноуральский медеплавильный комбинат, который, как мы сразу же узнали, сильно в Волковском руднике нуждается.

Во-вторых, руды, помимо собственно меди, содержат в себе серу, цинк, редкие и благородные металлы. Их надо выплавлять! Этим займется вторая очередь рудника. Руду добывают открытым способом Красивый котлован, — я долго стоял у края его, — вольно здесь,

грандиозно. Нацеленными взрывами отваливают глыбы иной раз диаметром до двух метров — и в грохот! Таких громадных грохотов в нашей стране пока нет — вот в чем уникальность дробильной станции.

И еще приятная особенность — сразу же вводятся в строй очистные сооружения. Так что реки вокруг рудника будут чистыми...

Но стоят пока пустые коробки. Для специалиста они — укор. Раз приехали, надо работать. Надо быстро ввести в строй основные объекты, мы это понимали. Осень и начало зимы 1981 года всем запомнились.

Однажды при пуске котельной возникла необходимость поработать и в выходные. Товарищ из Москвы сказал нам: «Пиночет в Чили запретил продавать медь стране. Что ж, у нас есть своя. Вот и выплавим ее!»

Со мной, например, много разговаривать не надо. Какой-то там Пиночет решил укусить нас — не пришлось бы выкусить! Бригадир тоже головой кивнул — стройке котельная нужна!

А морозы уже поджимают. Ближе к вечеру над каждым — облачко от дыхания. Сначала сроки испугали — огромный корпус дробильно-сортировочной станции страшил своей пустотой. Да еще часть рабочих ушла на возведение котельной...

Небольшая стройка походила на табор. Почти двадцать трестов и стройорганизаций, у каждой — свой вагончик, свои костры. Иной раз подумает: партизанский бивуак! А что: атмосфера суровая, деловая.

Еще бы: комсомольский отряд насчитывал почти сто человек. Сильно работали. Но мы все отдавали должное и тем, кто стройкой руководил.

Не просто увязать интересы и дела двадцати разных организаций. Я класс профессиональный в человеке сразу подмечаю. Видел, директор рудника Федосеев Виктор Константинович и начальник стройки Григорий Овсевич Голденберг — настоящие специалисты. Умеют не просто подсказать, а если надо, и показать! Я сам слышал, как Григорий Овсевич давал совет одному сварщику — и такой точный, дельный.

Отряд комсомольский под руководством Николая Морозова четко поставил соревнование. Что удивило — организовать социалистическое соревнование помогал научный сотрудник нормативно-исследовательской станции при тресте Уралгражданспецстрой Юрий Васильевич Жданов. Он нас и познакомил с научными основами соревнования. Соревнование, оказывается,— это целая наука!

Я задал вопрос коварный:

— А как думает наука, за что мы соревнуемся? Уж не за те ли пять-десять рублей, которые мы получаем при еженедельном подведении итогов?

Спросил так, потому что лично я не за деньги соревновался. Мне важно сохранить профессиональное достоинство, постоять за честь бригады.

— Есть понятия, которые человек держит в себе бережно, поглубже. Не каждый день о них говорит. Так и стимул соревнования — не на поверхности он лежит, но в основе уважения к тому, что делаешь. А деньги — поощрение, награда,— так мне ответил Юрий Васильевич.

Запомнил я его слова; запомнил потому, что волну меня такие вопросы — соревнование, бережливость, честь рабочая. Вот стройка, десять миллионов она стоит. Спешим ее закончить. А я смотрю — в уголке один рабочий ножовкой бревно пилит. Это на таком динамичном участке, как наш, все равно что море ложной черпать! Да и оскорбляет такой бессмысленный ручной труд человека. Или: пять женщин простым топором рубят железную ленту. Каменный век!

Так, наверное, работали еще тогда, когда крестьянин Константин Чащин открыл этот рудник. Да и то, думаю, уж бревна-то они поперечной пилой разделявали.

Я не успокоился, поинтересовался у прораба Владимира Вершинина насчет ножовки.

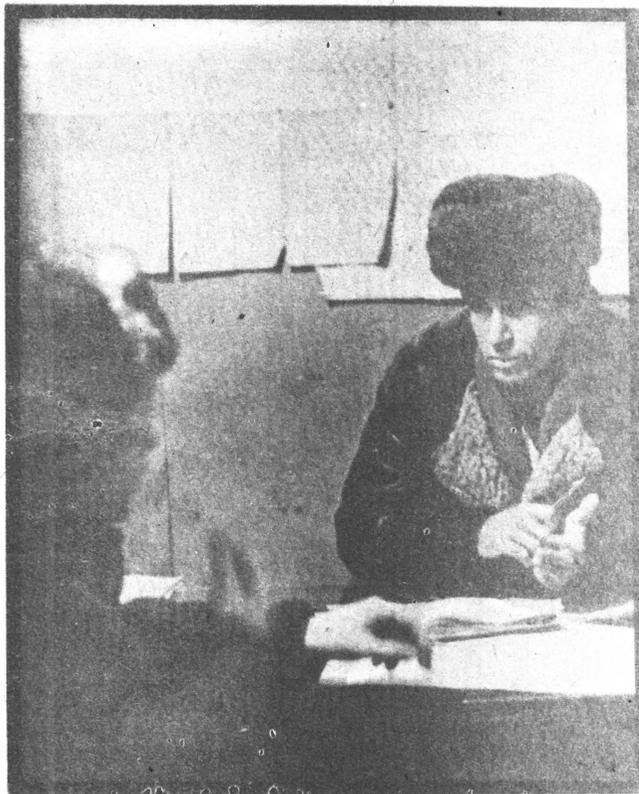
— Куда-то исчезли пилы и бензопила,— сокрушался и он.

Я читал в газетах, что промышленность группы Б, то есть та, что должна поставлять инструмент, будет в новой пятилетке развиваться быстрее группы А, то есть тяжелой промышленности. Правильно! Кранов, тягачей, тракторов на стройках хватает, а вот малая механизация пока в забытьи.

...Я полюбил эту стройку. Узнал теперь, что такое комсомольская, что такое ударная! Триста человек у нас побывали из комсомольских отрядов. Школу прошли! А она, эта школа, быстро прорисовалась: строить быстро, качественно, чтобы не переделывали. Думаю, если бы на таких комсомольских стройках, как Магнитка, Днепрогэс, Комсомольск-на-Амуре, переделывали, скольким поколениям было бы стыдно!

За эту стройку не будет стыдно. Я за свои швы уверенно говорю. За дробильную фабрику с ответственностью заявляю... На комсомольских стройках особенно ярко проявляется эта особенность, когда слово сдержишь, честно в глаза людям смотришь. Так что трудовой успех, может быть, не просто производственное явление, но душевное!

...Да, мы свое дело сделали. Горячие были дни, и мы не остывали. Пустили котельную. Подвели к готовности фабрику. И те металлические пролеты, которые я сваривал, повисли как гирлянды. Да, они мне цветы напоминают. Вот-вот будет пущена первая очередь. Получит медь страна из волковского пласта. Я не знаю точно, куда эта медь пойдет — может, на детали к спутнику, может, на ручку к дверям дворца бракосочетания. Не буду я сильно рассказывать про морозы, ветры на высоте, про то, что не всегда приходилось горячий обед перехватить, что бывало и нервничали из-за неувязок, главное — я близко увидел своих сверстников в деле, по-

Александр Удовкин — мастер. Здесь, в кубрике теплушки, решаются важные, неотложные вопросы стройки.

смотрел их, себя сравнил, и стройка эта комсомольская подтвердила — правильную линию в жизни взял, именно ту профессию выбрал...

Понял я еще многое про коллективизм наш — Свердловск, Тагил, Североуральск, Кушва — вот сколько городов возводили рудник, миром трудились, как говорят на Урале.

Мы, рабочие, хорошо слышим, когда нас страна просит. И не просто слышим, а думаем, как лучше сделать.

Я вот тоже думаю: будет вводиться вторая очередь стройки, сварщики здесь нужны... Первая моя комсомольская стройка, может, и в каком другом смысле очень важной окажется. Не зря я вам про дворец бракосочетания упомянул...

Выпуск подготовили
специальные корреспонденты
«Уральского следопыта»
Ю. БОРИСИХИН, А. ЛЫСЯКОВ

Баллада

Венедикт
СТАНЦЕВ

Рисунки
В. Меринова

24 июня 1941 года выпускники Балашовского учительского института должны были сдавать последний государственный экзамен. Но 22 июня началась война.

Студенты пошли в военкомат, подали заявления — послать их на фронт добровольцами. Среди них был девятнадцатилетний паренек Венедикт Станцев.

Свой государственный экзамен сдавал он на тяжких дорогах войны долгих четыре года. Экзамен на мужество и верность.

25 ноября в боях под Москвой Станцева тяжело ранило.

Через несколько госпитальных месяцев, 22 апреля 1942 года, в день своего рождения, он снова в строю, снова лицом к лицу с врагами. Бой под Синявино и Мгой на Волховском фронте. Болота, стын. Отчаянный натиск противника. Еще верящие в свое всемогущество фашисты и непоколебимо уверенные в победе наши солдаты.

Две силы. Одна правда.

Выполнив задачу, обескровленная дивизия, стрелковая, уральская, 3-я гвардейская, отведена на переформирование.

И опять — в самое пекло.

Помните повесть Юрия Бондарева «Горячий снег»!

Она о подвиге артиллеристов и пехоты, среди которой был и Станцев.

Они стояли насмерть на пути танковой лавины Манштейна, стремящейся любой ценой прорваться к окруженным у Сталинграда немецким дивизиям. Навсегда запомнилось Станцеву село Васильевка на реке Мышкова.

Просты и незаметны были их названия на степных просторах России.

А стали в летописи войны вровень с высокими понятиями воинской доблести.

Не выветрится гранит, не потускнеет бронза памятников и обелисков.

Первой боевой медалью был награжден Венедикт Тимофеевич за эти бои. Награды же в 1942 году давались скупко.

Большой боевой луть выпал на долю Станцева. Миус, Каховка, Перекоп, Севастополь.

Затем переброска с юга на север, сражения под Шяуляем, в Восточной Пруссии.

Тысячу раз он мог умереть, но пощадила судьба. 60 лет исполняется нынче Венедикту Тимофеевичу.

Юность прошла в окопах, под обстрелами, бомбежками, на переправах, в атаках.

Еще во время войны он начал писать стихи, остался верен военной теме и сегодня, а значит — и юности.

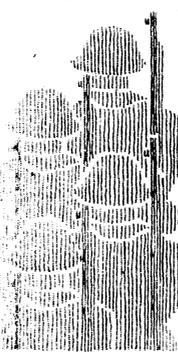
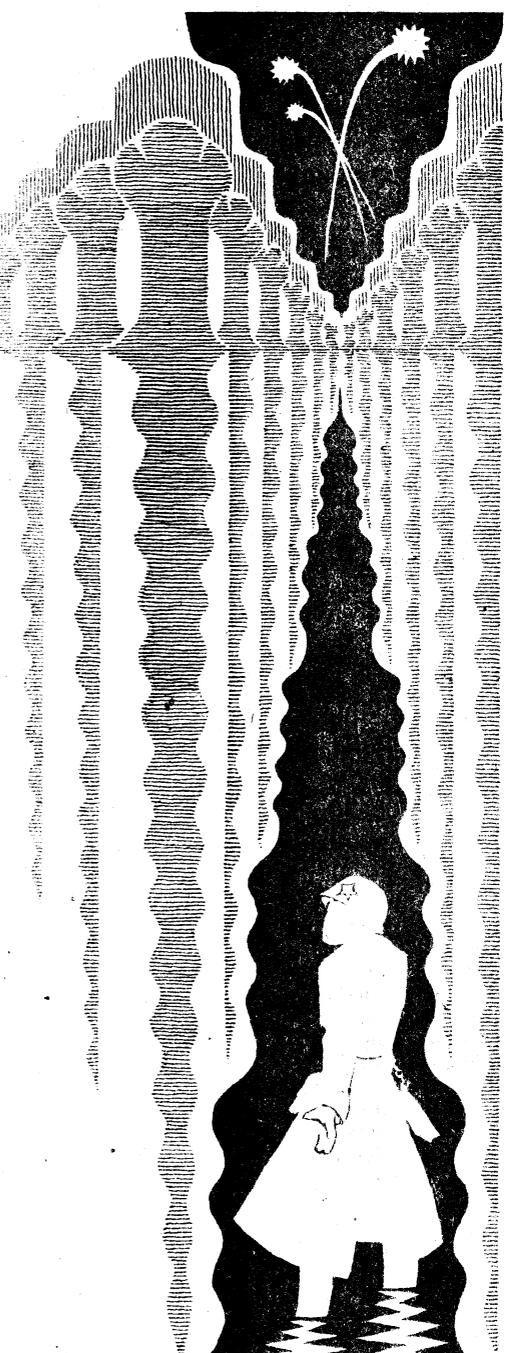
Он по-юношески подвижен, безогляден в дружбе, с ним молодеешь душой.

Станцев член Союза писателей.

Многие его стихи, поэмы, баллады хорошо известны читателям.

С «Уральским следопытом» у поэта-фронтовика давние и добрые творческие связи:

совместные поездки и выступления перед молодежью, первые публикации на страницах журнала.

О месяце апреле

1.

Мы шли по колено в воде,
с трудом поднимая ноги,
мы — это все,
что осталось от роты.
Лейтенант Костромин
сатанински ругался в бога
и в гроб, и в войну,
и в проклятое это болото.
Он шагал впереди,
переполненный злобой и мстью,
и ругань его
громыхала средь сосен.
Еще до рассвета
нас было

без малого двести,
а после рассвета
осталось всего

сорок восемь.

Вернее, не шли мы — плелись,
окруженные талой водою,
студеной водой,

погибая от жажды.

Хотя бы глоток,
один бы глоток после боя,
но каждый терпел,
и судьбу проклинал свою каждый.
В этом диком болоте
бой свирепствовал двое суток,
тысячи тел
вода едва прикрывала...
Наконец-то земля!
Мы упали, теряя рассудок,—
и сердце пропало,
и белого света не стало.
Я свалился под старую ель...
Шел сорок второй,
был месяц апрель...

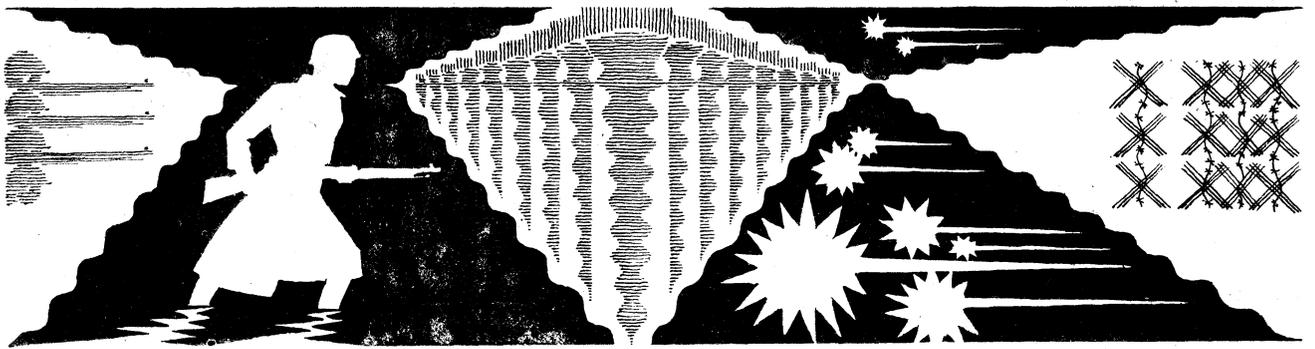
2.

Речка —
узкая, узкая,
хрупкие льдины
плывут, похрустывая.
Речка —
чистая, чистая —
без кровиночки,
по берегам —
пушистые хворостиночки.
Пьет из речки
сама весна:
«Ах, как вода вкусна...»
Зовет, зовет нас
синь-река:
«У меня вода
голуба, сладка,
вы устали

в последнем бою,
я вас умою и напою...»
Ах, ты, речка, речка,
доброе сердечко,
мы бы душою
к тебе прильнули,
мы бы губами
к тебе прильнули,
да не пускают
немецкие пули...
Речка —
узкая, узкая,
наша речка —
русская.
Ах, ты, речка,
трава-повитель...
Шел сорок второй,
был месяц апрель...

3.

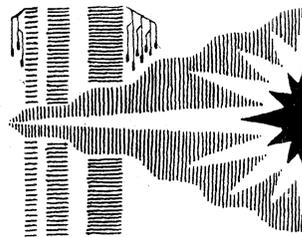
Лейтенант Костромин
командует: «Вперед!..»
Лейтенант командует,
а цепь не встает.
До речки шагов —
не более ста,
но стрельба из-за речки
очень густа,
и речная вода
холоднее льда,
и патронов — в обрез,
и сил — в обрез,
и жить хочется позарез.
Лейтенант Костромин
снова кричит: «Вперед!..»
Лейтенант кричит,
а цепь не встает.
Лейтенант в упор
на меня глядит:
«Ты — комсорг,
вставай и веди!..»
Я не зову никого,
не веду,
я просто встаю
и к речке иду,
думаю грустно:
«Ну что, боец,
вот и тебе
геройский конец...»
Пули звенят,
пули грозят,
пули приказывают:
«На-з-з-з-з-ад!»
А я уже в речку
по пояс вхожу,
винтовку, подсумки
повыше держу.

Вода уже льется
за воротник,
все тело мое,
как безумный крик,
я будто глотаю
лед из огня;
будто вбивают
гвозди в меня.
Еле влезая
на берег другой,
курок у винтовки
тугой-претугой.
И слева палят,
и справа палят...
Сколько же силы
у наших ребят?
Речка давно
где-то там — за спиной,
опять в меня входят
жажда и зной...
Боже, забыл я
из речки напиться...
Лейтенант Костромин
кричит: «Закрепиться!»
Я лежу под березой
без воды и без хлеба,
пар от меня
тихо уходит в небо...
А где-то звенит
и поет капель...
Шел сорок второй,
был месяц апрель...

Я пил,
и крепло мое сердце,
и сила юная росла.
Вот так,
в канун вишневого цветенья,
я отмечал свой день рожденья.
Двадцать, ах, двадцать,
годок золотой...

Был месяц апрель,
шел сорок второй...

4.

Без штыка на фронте не прожить,
он может все —
напарник верный:
колоть и бить,
вскрывать консервы
и перемерзлый хлеб крошить.

От удара чуть качнулся ствол,
из раны сок холодный брызнул,
и был тот сок —
посланцем жизни,
и был тот сок, —
как хлеб — на стол.
Мне береза матерью была,
а я ее
грудным младенцем.

Недопетая песня

Равиль
ЕНАКАЕВ

«Малая земля» — книга о людях на войне, о Солдате — рядовом труженике войны. В ней немало фамилий людей, героически сражавшихся с немецко-фашистскими захватчиками под Новороссийском.

Вот одна из них — Валлиулин... Товарищ Л. И. Брежнев пишет в своих воспоминаниях: «Салахутдина Валлиулина я хорошо знал по Малой земле, он был одним из лучших парторгов. Бесспорно, человек знал, что идет на верную смерть. Но вряд ли говорил себе в этот момент: «Сейчас совершу подвиг». Нет, эта храбрость была не картинно-героическая, а немногословная, неброская, я бы даже сказал, скромная, какую особенно ценил, судя по роману «Война и мир», Л. Н. Толстой. И подвиг был в толстовском понимании этого слова: человек делает то, что должен он делать, не смотря ни на что».

Желая узнать как можно больше о подвиге Салахутдина Валлиулина, я написал запросы в Москву, Казань, Баку. Ответы пришли незамедлительно. Писали мне ветераны войны, красные следопыты, научные сотрудники архивов и музеев, люди, знавшие Салахутдина Халиуловича. Салахутдин хотел иметь рабочую специальность. Он начал трудиться на текстильной фабрике. Потом Салахутдин работал кочегаром на одном из пароходов, чернорабочим, слесарем, диспетчером копторы бурения бакинских нефтяных промыслов. В 1939 году вступил в ряды Коммунистической партии.

А затем — война... С октября 1941 года по июнь 1942-го Салахутдин Валлиулин был красноармейцем стрелкового батальона на Закавказском фронте.

Свой подвиг Салахутдин Валлиулин совершил на Малой земле. Несколько суток шли жестокие бои в Новороссийске. Советские бойцы дрались с гитлеровскими полчищами отважно, мужественно, показывая настоящие примеры героизма. Обратимся снова к книге Л. И. Брежнева «Малая земля»: «Трижды рота морских пехотинцев безуспешно атаковала фашистские укрепления. Командир роты Иванов решил создать добровольную штурмовую группу для прорыва. В нее вошли одиннадцать человек во главе с парторгом роты Валлиули-

ным и еще четырьмя коммунистами. Решительным ударом они пробili оборону врага, и за ними ринулись бойцы. Однако в конце улицы фланговый огонь остановил их движение. Тогда Валлиулин сказал старшине Дьяченко: «Когда замолкнет пулемет, поднимай людей в атаку». И уполз. Перед самым окном подвала, откуда бил пулемет, его сразило. Но окровавленный, он бросился на это окно...»

Да, собрав последние силы, Салахутдин Валлиулин, приблизившись к амбразуре, из которой строчил пулемет, закрыл ее своим телом. Погиб герой...

Ночью старшина Дьяченко принес тело Валлиулина в расположение роты.

Мне удалось узнать, что в Новороссийске проживает бывший командир батальона, в котором воевал Салахутдин Валлиулин. Вот он-то должен многое помнить о мужественном парторге!.. Я написал несколько писем майору в отставку Семену Тимофеевичу Григорьеву. Он хорошо помнит Валлиулина:

«Боевой был парторг... Настоящий морской пехотинец — отважный, смелый до дерзости, инициативный. Одним словом, был таким, каким и должен быть морской пехотинец. Ведь не зря фашисты звали нас «полосатой смертью»... Салахутдин прибыл к нам из 165-й отдельной стрелковой бригады и в первом же бою отличился, за что был награжден орденом Красной Звезды. Помню его всегда в тельняшке, реке — в выгоревшей побуревшей гимнастерке. Он умел увлечь людей, хотя оратором его, конечно, не назовешь. Но в нужный момент он находил самые убедительные слова.

По словам родственников, Салахутдин очень любил плотничать и столярничать. Он любил не разрушать, а строить. Был сильным, крепким, всегда выходил победителем во время схваток с джигитами на знаменитых сабантуях.

Люди, знавшие Салахутдина Валлиулина, говорят, что он еще любил петь. Пел и татарские, и русские народные песни, у него был приятный голос. Песню жизни он недопел, помешала война. А память о войне, повторившем подвиг Александра Матросова, живет вечно...

**Виталий
НЕСТЕРЕНКО**

*Рисунок
М. Надеенко*

Все, связанное с деятельностью вождя революции Владимира Ильича Ленина, равновелико: каждая написанная его рукой строка, каждая минута его бессмертной жизни. Ведь за ними — гений первого в мире руководителя государства рабочих и крестьян.

Потому и вчитываться в ленинскую строку, вникать в суть каждого мгновения жизни Владимира Ильича — это значит открывать, открывать...

Всегда во мне рождалось чувство большого почтения к тем, кто посвящает себя созданию Ленинианы — громадной работе по изучению жизни и деятельности вождя. Чтобы вписать строку в Лениниану, нужно быть достойным такой чести.

...Он вступал в пионеры, когда родной город был в кольце фашистской блокады. Торжественные слова пионерского отзыва «Всегда готов!» звучали для Миши Ирошникова и его одноклассников как военная присяга. Готов идти на дежурство, оберегать крышу родной школы, дома от вражеских бомб-зажигалок. Готов тянуть салазки от самой Невы, слабеющими руками удерживать в равновесии бидон с речной водой для питья — для себя и соседей...

И когда в 205-й ленинградской школе родилась идея — послать привет, подбодрить ребят из районов, оказавшихся под фашистской пятой, пионеры решили выпустить листовку. Они единодушно назвали

ее Ирошниковой: «Пусть Миша напишет — он в стенгазете работает лучше всех!»

Листовка рассказала о добрых делах юных ленинцев песгибаемого города Ленина, призвала к действиям против оккупантов, говорила о скорой победе над врагом.

Тогда, в зиму тяжелого, голодного, простреленного гитлеровскими снарядами 1943 года, листовку, написанную Ирошниковым и его товарищами по пионеротряду, отпечатали в типографии. Через линию фронта, в глубокой ночи к занятой врагом территории Ленинградской области пророкотали моторами «небесные тихоходы». Так называли полусухопутно, но уважительно легкие двухкрылые ПО-2, против которых полностью пасовала вражеская зенитная артиллерия.

Самолеты разбросали листовки. Под каждой из них стояла подпись: «Миша Ирошников». Это был его вклад в грядущую победу.

С той блокадной поры для Миши имя Ленина стало олицетворением несгибаемой силы всего нашего государства, нашей партии, вышестоянной в горниле революции.

Сразу после Победы он стал помногу читать. Затем пошел учиться, непрестанно пополняя знания, вникая в Лениниану, в то, что уже написано, изучено другими.

В Ленинградском университете он учился сразу на двух факультетах — историческом и на факультете, который вписан в диплом

В. Ульянова, — юридическом. Ведь именно в Петербургском университете Владимир Ильич в конце прошлого века держал экзамены и с блеском их выдержал.

...Оба диплома Ирошникова отдают золотом букв: с отличием.

Нынче в творческом багаже доктора исторических наук Михаила Павловича Ирошникова около ста печатных работ, книг, посвященных Владимиру Ильичу Ленину. Работает Михаил Павлович старшим научным сотрудником Ленинградского отделения Института истории СССР Академии наук нашей страны.

О себе он рассказывает неохотно: едва удалось «выжать» из него отрывочные воспоминания о блокаде, листовке, об учебе в университете и настойчивом движении к цели, к тому, что нынче является его работой. Она предельно напряжена. Предельно ответственно: это же все связано с именем, которое знает весь мир.

— Надо бы напомнить, — рассказывает Михаил Павлович, — что у Владимира Ильича не было официального биографа. У всех, буквально у каждого, даже маленького политического деятеля большинства стран мира, как правило, он имелся. Биограф детально, шаг за шагом, записывал слова, мысли, высказанные по тому или иному поводу «шефом», выражаясь по-современному. Владимир Ильич занимался революцией, ее подготовкой, создавал первое в мире государство рабочих и крестьян. Но вот что касается собственной персоны — на это не было у нашего вождя ни времени, ни желания.

...Совсем иначе говорит теперь Михаил Павлович: охотно, с желанием как можно больше рассказать о личности, потрясающей и по сей день масштабностью своих деяний, поступков, высказываний и трудов.

— Круг моих интересов ко всему, что написано самим Лениным и о нем, заужен, сфокусирован лишь на одном: Ленин — государственный деятель.

Еще до нашей встречи мне довелось познакомиться с двумя книгами, написанными Ирошниковым. Они только что изданы в Ленинграде. В красиво оформленных обложках. Каждая страниц по 400, но вот тиражи не очень большие. Стоит, думаю я перед встречей с их автором, расспросить Михаила Павловича, как ему удалось собрать материалы для этих книг. Это же не просто — сказать свое, отличающееся новизной слово, вписать строку в Лениннану.

— Да, — соглашается Ирошников, — но зато и интересней! Вот, на полках и стеллажах кабинета, где мы беседуем с вами, — десять томов размером с энциклопедию. «Декреты Советской власти»...

Здесь — труд Ленина, создателя государства Советов. Как историку, взявшему на себя такую ответственную тему, мне надо досконально знать и одиннадцать томов Биографической хроники — это словно бы компас для каждого, изучающего жизнь, деятельность Ленина. Разумеется, нужны и знания непосредственно работ, трудов Владимира Ильича.

Я так пока что и не назвал книги. Одна из них «Председатель Совнаркома В. Ульянов (Ленин)». Фактически — это докторская диссертация Ирошникова. Вот как писал о ней журнал «История СССР» (№ 1, 1981): «Из числа работ, получивших признание научной общественности, назовем диссертацию М. П. Ирошникова...» — и далее шло только что приведенное мною название теперь уже книги. Она начиналась с поисков: кто же стал работать в органах народоуправления под руководством Ленина в самый первый год деятельности нашего государственного аппарата?

Конечно, и до публикации Ирошникова было известно — кто именно возглавил первые наши «министерства» (по предложению Владимира Ильича в первые годы Советской власти они звались народными комиссариатами).

Другие исследователи, несомненно, встречали в ленинских работах фразу о том, что в первые месяцы существования наркоматов, Совета народных комиссаров было проведено анкетирование всех, работавших в госаппарате.

Где эти анкеты? Вот вопрос, который поставил перед собой исследователь. Начались поиски в партийных, государственных архивах. На это ушли не недели и не месяцы.

Наконец, перед ученым оказались несколько объемистых папок. Более шестидесяти лет ими не интересовались. В научных кругах существовало и скептическое отношение к самому факту — может, анкеты вообще не сохранились — вот и все...

Были они. Сохранились. И только одна их часть состояла из 25.000, заполненных разными почерками, чернилами, плотноватых листов грубой бумаги.

— Для анализа такого количества анкет вы, Михаил Павлович, наверняка воспользовались услугами ЭВМ. Стоило лишь зашифровать, перенести все на перфокарты, — и электронный мозг мог бы...

— Нет, не мог бы, — отвергает мою версию собеседник. Заведомо не доверил машине столь тонкое дело, требующее, считаю, только человеческого ума, а не электронного. Ума — и души. Взгляните, к примеру, на эту анкету, заполненную в 1918 году рукой Феликса

Эдмундовича Дзержинского. Как бы распорядилась ЭВМ с двумя его ответами? На вопрос: «Сколько часов работаете в день урочно и сколько сверхурочно?» следует ответ «железного Феликса»: «Работать сколько нужно». «Состояние вашего здоровья?» — вопрошает анкета. Ответ: «Здоровьем не отличаюсь».

...Еще одна фотокопия анкеты у меня в руках. Заполнил ее Василий Иванович Митюрев. До революции он был рабочим петербургского завода «Сименс и Шуккерт», после нее — сотрудником комиссариата иностранных дел. В анкете на вопрос: «Пользуетесь ли вы советских учреждениях обедами, пайками и т. п.» проставлена дневная норма: «1 фунт хлеба, чай и сахар». Вот и весь паек для работника государственного аппарата, который в графе о своем здоровье написал: «Поражены легкие»... Наверняка у ЭВМ не хватило бы сообразительности «обдумать», сопоставить эти два ответа.

Впервые в нашей исторической науке сопоставлены и другие ранее не проанализированные факты.

Но об этом чуть позже. Сначала о том, как выдвигались в руководители того или иного наркомата.

25 октября (по старому стилю) В. И. Ленин выступил в Смольном перед депутатами Петроградского Совета с докладом о задачах власти Советов. «Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый...»

Новый... Где же его взять? У кого из соратников Владимира Ильича, достойных во всех отношениях людей, преданнейших партийцев с дореволюционным стажем — у кого из них был опыт руководства госучреждениями, страной в конце концов?

Не было опыта — его нужно было приобретать. Это понимал не только Ленин. В книге Ирошникова приводятся редко цитируемые строки из воспоминаний члена большевистской партии с 1903 года Г. И. Опрокова (А. Ломова): «Желающих попасть в наркомы было немного... боялись не справиться с работой. Ленин энергично искал кандидатов в наркомы и на ответственные посты. И после этого ЦК тут же оформлял очередное назначение. Разногласий не было никаких».

Все, кто любит кино, знают старый сериал фильмов о петроградском большевике: «Юность Максима». «Возвращение Максима»... Там есть эпизод: героя картины, питерского рабочего, назначают... директором банка. Он входит в здание, где ему предстоит работать, а в нем ни души. Бывшие служащие, саботируя, всячески мешали наладить заново работу. Но

и эта трудность стала по плечу нашим наркомом, директорам банков и так далее.

Наиболее емкое определение проделанной Ирошниковым аналитической, исследовательской работы я нашел в журнале «Рабочий класс и современный мир» № 1 за 1981 год. «Основные вопросы ленинского учения о сломе буржуазного и создании пролетарского государственного аппарата,— пишет журнал,— М. П. Ирошниковым исследованы с привлечением им новых, не известных ранее науке статистических данных».

Эти данные приведены в другой, столь же новой, только что изданной книге «Осуществление мечты».

Не дает мне покоя знакомая читателю цифра: 25 000. Каждую анкету проштудировать, выбрать на первый раз ориентиры к дальнейшей работе над этой же самой анкетой. Вернувшись к ней, сопоставить с уже имеющимися, обработанными... Это же сколько раз?!

Итак, установлены все, опубликованы впервые полным составом все 267 человек, участвовавших в 190 заседаниях Совета Народных Комиссаров в рассматриваемый в книге период (с июля 1918 года по март 1920), проанализировано, кто именно и на скольких заседаниях участвовал в работе СНК. 175 раз председательствовал на них В. И. Ленин. 15—18 часов продолжался рабочий день Владимира Ильича.

Еще одна редкостная публикация: фотокопия удостоверения на бланке Управделами СНК. Сам текст, правда, уже публиковался, но любопытно, интересно видеть копию документа, который гласит: «Владимир Ильич Ульянов (Ленин) занимается умственным трудом неограниченное число часов, ввиду чего он имеет право пользоваться продовольственной и хлебной карточкой первой категории».

Не устаешь поражаться громадной работоспособностью Ленина, его неистребимой жаждой деятельности, его «неумением» хоть чуточку жалеть себя...

«Это была не просто работа,— вспоминает о тех первых месяцах Советской власти Надежда Константиновна Крупская,— это была работа, поглощающая все силы... И немудрено, что, придя поздно ночью за перегородку комнаты, в которой мы с ним жили в Смольном, Ильич все никак не мог заснуть, опять вставал и шел кому-то звонить, давать какие-то неотложные распоряжения, а заснув, наконец, во сне продолжал говорить о делах...»

Может, здесь будет и многовато цифр, но как от них избавиться, коль речь идет в принципе о статистике. Зато какая она многозна-

чительная. «говорящая» сухим цифровым языком статистика!

Взять хотя бы данные о наркомате продовольствия. При этом надо не забывать время, когда представитель правительственного аппарата, как описывалось выше, получал на сутки 400 граммов хлеба да мизерный кусочек сахара.

Итак: в наркомате из 1445 человек 257 — рабочие, 879 — из трудовой интеллигенции.

Конечно, им, тем самым «Максимам» из старого хорошего фильма, снятого на жизненной, правдивой основе,— было тяжело.

Показательно в этой связи свидетельство ветерана нашей партии И. С. Вагнера. Он вспоминает одно из совещаний членов ЦК и ведущих работников партии, собиравшихся тогда, в год первый власти Советов, в Смольном. Шел разговор о будущей деятельности молодого советского правительства. Выступил В. И. Ленин. «Я учился по книжкам,— сказал он,— а в книжках об этом ничего не сказано. Давайте вместе работать. Бросимся в море — научимся плавать».

Как это, совсем по-ленински. Прямо. Честно. Образно — и вдохновляюще.

...Не дает мне покоя мысль: может, Михаил Павлович и не такой уж очень особенный человек? Два факультета окончить с отличием? Ну, есть и кроме Ирошникова такие же примеры.

«Чистить себя под Ленина», следуя совету Маяковского,— это обязан делать каждый из нас, кто окончил даже один факультет, и, возможно, без отличия.

Скорее всего, здесь будет правильным обобщение иного порядка. Когда впрямую, воочию прикасаешься к документу, подлинному, живому, связанному с Ленинианой, хочется быть лучше, чем ты был до этого. Хочется, ну на самую малую толику, стать достойнее времени, которое было и которое есть.

В этой связи вспоминается маленький поселок. Назван он в честь вождя — Ильичево. Чтобы попасть в него, нужно сесть в электричку на Финляндском вокзале Ленинграда, моего любимого города.

Через сорок минут езды будет город Зеленогорск. В старину он назывался Териоки. Сюда в августе 1917 года, спасаясь от преследований Временного меньшевистского правительства, приехал тайком, на паровозе № 293 (теперь он — памятник, стоит под стеклом на перроне Финляндского вокзала), Ленин.

Его встречал с телегой мальчишка, сын финского крестьянина П. Г. Парвйайнена. Лошадь, испугавшись паровозного гудка, понесла.

Пришлось добрый десяток верст идти пешком — Владимира Ильича после Разлива, близ петроградского пригорода Сестрорецка, ожидало подполье еще более надежное.

Очень советую всем, кто будет в окрестностях Ленинграда, побывать и в бывших Териоках. От Зеленогорска до Ильичево (старое его название — Ялкала) ходит рейсовый автобус. Четверть часа езды — и вы у крохотного, приземистого домика. Сюда и добрался Ильич в августе семнадцатого, когда мальчонка не удержал вожжи, не осилил всего одну лошадиную силу...

Этим скромным, по сравнению, скажем, с ленинградскими, московскими, ленинским музеем многие годы заведует Георгий Степанович Куций.

Он изучил весь период, связанный с пребыванием Ленина в Разливе, в путешествии — опасном, рискованном — до Териок, Ялкалы.

Теперь лишь одна его книжка — «Паровоз № 293» — выдержала несколько изданий. Воспоминания очевидцев, документы, факты, изложенные в ней, внушают уважение, заставляют с особым почтением относиться к словам экскурсовода по Дому-музею в Ильичево. Это все один и тот же человек — Г. С. Куций.

А в прибалтийском городе Выборге, куда в лето 1917-го завела судьба нашего вождя, музеем, по своей скромности под стать Ильичевскому, руководит Николай Иванович Закатилов. От первого до последнего дня Великой Отечественной войны прошел он испытание на право зваться коммунистом. Его строка в Лениниане — скромна, но значима, освящена великим именем.

Перед самым важным, ответственным днем Великого Октября, пишет Н. И. Закатилов в своей книжке, обстановка потребовала, чтобы Владимир Ильич на какое-то время задержался в Выборге. В Петроград, битком набитый шпионами Временного, ему никак нельзя.

«Я, нижеподписавшийся, настоящим удостоверяю, что Центральный Комитет РСДРП(б)... постановил: Владимиру Ильичу Ленину впредь до особого распоряжения ЦК въезд в гор. Петроград воспретить. (Подпись)».

Собрал, обнародовал этот и другие документы, относящиеся к Выборгскому периоду ленинской трудовой, полной опасностей и лишений жизни, человек, имя которого названо несколькими строками выше.

Они все — обычные люди. Такие, как мы. Мы все, кто прикасается к ленинской жизни, трудам и делам его, становимся лучше, чем были доселе...

ВЫ СПРАШИВАЛИ...

Есть в отделе публицистики журнала папка для писем читателей с пометкой «Космос». Ближе к весне она быстро пополняется — юные читатели «Уральского следопыта» знают, что в апрельском номере по традиции мы отвечаем на вопросы, так или иначе связанные с космическими профессиями.

«Дорогая редакция! Я хотела бы получить не просто профессию повара, а такую, чтобы участвовать в производстве и конструировании новых видов пищи. Той, которой питаются космонавты. Или того особого питания, которое берут альпинисты при восхождении на высочайшую вершину мира Эверест. Тоже ведь космическая высота!»

*Аля БАЯНКИНА,
г. Набережные Челны.*

И просто профессия повара не помешает — в Звездном городке, на Байконуре космонавтов и ученых кормят, конечно же, специалисты своего дела. Готовят их и в вашем крае, Аля. Казанский техникум советской торговли (г. Казань, ул. Ульяновых, 22) имеет отделение технологии приготовления пищи. Ну, а для углубленного изучения проблем космического питания необходимо высшее образование. Технологический институт пищевой промышленности есть в Москве (Волоколамское шоссе, 4).

«Здравствуй, «Уральский следопыт». Интересно, а где плавят такой качественный металл, что при громадных температурах он терпит. Я бы пошел в ГПТУ на литейщика...»

*Александр ЧИКЛЯВ,
г. Свердловск.*

Сталь, Саша, выплавляют на заводах. Конкретно на Урале металл и специальные марки стали (возможно, и космической!) готовят Нижнетагильский, Верх-Исетский, Алапаевский и другие металлургические комбинаты и заводы. Что касается профессии литейщика, то даем конкретный адрес: г. Свердловск, ул. Гагарина, 30. ГПТУ-3.

«Здравствуйте! Меня волнует такой вопрос. Первыми покорили космос животные. Мы про Лайку как-то забываем. Я хочу получить специальность, связанную с исследованием друзей наших меньших.»

Уверена, что собаки еще не раз явятся космическими первопробниками.

*Елена ХРИСТОФОРОВА,
поселок Итра Удмуртской АССР».*

Не совсем согласны с тобой, Лена. Роль животных в науке отмечена человеком. У нас в стране отлит памятник собаке в Колтушах, где работал знаменитый физиолог И. П. Павлов. В память же о Лайке, не вернувшейся из космоса, на ВДНХ установлена ее модель-копия. А мечту свою, Лена, можно осуществить, получив специальность биолога, например, в Удмуртском университете (Ижевск, ул. Красногеройская, 71).

«Уважаемый «Уральский следопыт»! Многие называют меня мечтателем, когда я говорю, что хочу в космонавты. А что тут такого! Закончу ГПТУ, устройся на завод, где космические корабли делают, а там, смотришь, заметят, в космонавты пригласят. Только я хочу, чтобы училище было со спортивным уклоном. Нужно здоровье в космосе!»

*Саша ФЕДОРОВ,
деревня Вялки
Московской области.*

Если и называют мечтателем, Саша, обижаться не надо. Мечтатель — звание почетное! Советуем поступить в Воскресенское ГПТУ-15, где наряду со специальностями слесарь КИП и автоматики, электрик по обслуживанию электрооборудования учащиеся постигают секреты хоккея, бокса, лыж.

Желаем успеха и тебе, Александр, и всем другим мечтателям, романтикам. Не забывайте — едва ли есть такая профессия, которая бы не имела никакого отношения к космическим делам. В космос уходит человек и ничто земное ему не чуждо.

Ждем новых писем!

ЧТО ЗА ДВЕРЬЮ

● В один и тот же день в годы войны морские пехотинцы В. Попов, А. Крамаренко и Ф. Соколов в боях на Кольском полуострове закрыли собой амбразуры вражеских дотов. В музее боевой славы междуреченской школы (Мурманская область) собран материал о героях Заполярья.

● Юными разведчиками 56-й армии заинтересовались следопыты школы № 33 Ростова. В результате поиска установлены имена семи подростков, погибших в боях. Материалы поиска стали новыми экспонатами школьного музея, посвященного Ростовскому полку народного ополчения.

● Кофты-вышиванки, чумарки, платки, гребни — чего только не нашлось в домах деревенских старожил... Экспозицию для своего музея учащиеся добролюбивской школы в Запорожье составили из подарков сельских жителей.

● Екатерине Ивановне Зеленко, летчице, совершившей воздушный таран, посвящен музей средней школы № 10 на родине героини — в Курске.

● Почетной грамотой «Следопыт» газета «Пионерская правда» наградила следопытов деревни Беззубово Московской области. Тема поиска учеников сельской школы — беспосадочный перелет из Москвы в Северную Америку в 1936 году. Центральное место в школьном музее занимает экспозиция, посвященная уроженцу деревни А. В. Белякову.

● Восемь лет существует в школе № 53 Рязани музей «По страницам рязанской печати». Экспонаты музея рассказывают об истории районных газет.

● Фронтая землянка, обшитая тесом... Чья-то кожаная тужурка, словно только что скинутая летчиком, вернувшимся с боевого вылета, шлем, часы. Работает рация... В музее ленинградской школы № 538 часто бывают летчики-ветераны, некоторые из них встретили здесь, спустя много лет после Победы, своих фронтовых друзей.

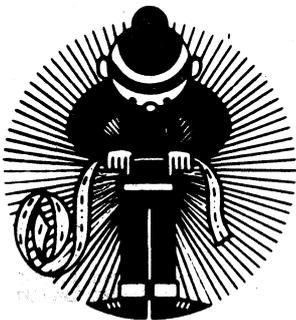
● Вот уже который год вместе с грозненскими коллегами трудятся на стройках Чечено-Ингушетии строители из братской Болгарии. В средней школе

№ 44 Старопромысловского района, где учатся и советские, и болгарские ребята, создан музей вождя болгарского народа Георгия Димитрова.

● С историей районной комсомольской организации связан поиск следопытов Муромского Дома пионеров и школьников. О ней рассказывают двенадцать разделов музея. Ребята собрали любопытные документы: протокол собрания от 2 февраля 1919 года, на котором была создана организация; письмо комсомольца Г. Неудачина в губком РКСМ от 1920 года с жалобой, что его не посылают на фронт, и другие.

● Артему — Федору Андреевичу Сергееву, соратнику В. И. Ленина, уроженцу Славяногорска Донецкой области — посвящены экспонаты музея славяногорской школы № 91.

● Историк тоншаевской средней школы (Горьковская область), заслуженный учитель РСФСР В. С. Ложкин создал рукописную историю района. Этому труду учитель отдал двадцать три года. В школе открыт краеведческий музей.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ?

● Страница из жизни земляка

Фронт за колючей проволокой... Немало патриотов сражались и на этом, самом тягостном фронте, в условиях плена, в аду фашистских концлагерей.

Однажды следопыты земетчинской средней школы № 2, что в Пензенской области, просматривали книгу «Норвежские были», читали воспоминания норвежских антифашистов и советских бывших военнопленных. Впервые ребята узнали тогда о восстании смертников на корабле «Норд». Как ясно они представили себе те события: вот конвоиры строят узников, из лазарета выносят больных, и на шатком трапе вдруг слышат военнопленные шепот: «Нижний трюм — оружие...» Риск? Ну, что ж, они и так перед лицом смерти, а дерзость и внезапность могут и удачу принести. Снять часовых вызвался Иван Дорошенко...

— А не наш ли это Иван Иванович из райсельхозтехники? — задумались школьники. — Он ведь тоже летчик-истребитель, и в плену был. И роста высокого...

И оказалось, действительно: Иван Иванович Дорошенко участвовал в восстании на «Норде». А потом ребята отыскали Федора Филипповича Якубенко, который принял на себя командование захваченным кораблем, и Николая Ивановича Валентахова, товарища И. И. Дорошенко по лагерю для военнопленных...

За два года поиска школьники многое узнали о работе подпольного комитета в лагере, о стойкости советских патриотов, которые умудрялись вредить врагу даже в его логове. Материалы поиска стали экспонатами школьного музея.

● Сестра милосердия, красный боец Тася

Славное девичье лицо... Прямой взгляд, пышные волосы, глухой ворот гимнастерки под нежным подбородком. Тася Плотникова — боец и сестра милосердия из буденновских войск.

Немногое могли найти для своего музея следопыты школы № 3 города Георгиевска Ставропольского края. Старая фотография, несколько документов. Дополнили экспозицию о Тасе картины «Пулеметная тачанка на марше» и «На помощь спешит медицинская сестра». Воспоминаний тоже немного — поумирали старые буденновцы, и родственники не написали: одиноко жила все годы Таисия Георгиевна Плотникова.

А между тем жизнь ее была яркой. В красногвардейском отряде выучилась на пулеметчика. Однако медсестры были нужнее.

Однажды Тася с горсткой раненых конников следовала в лазарет и увидела неподалеку в степи белогвардейский отряд. Тася не растерялась, выстроила своих раненых бойцов и дала команду: «Эскадрон!.. По противнику залпом, — пли!..» Белогвардейцы даже не успели сообразить, что перед ними не красное войско, а раненые, — обратились в бегство.

За смелость и отвагу в бою под станицей Егорлык-

ской медицинская сестра Тася Плотникова была награждена орденом Боевого Красного Знамени. Награду вручил командарм С. М. Буденный, а член Военного совета Первой Конной К. Е. Ворошилов подарил отважной сестричке золотые именные часы. Был у нее и второй такой орден — за отличие в боях против денкинцев.

Таисия Георгиевна Плотникова — единственная женщина, награжденная в гражданскую войну двумя орденами Боевого Красного Знамени.

● Имени огненного пилота

Класс-музей муромской школы № 33 имеет звание «отличного школьного музея». Он посвящен Николаю Францевичу Гастелло и носит его имя.

Личные вещи героя красноречивее слов рассказывают о его биографии. Курточка цвета хаки со значком КИМ, коньки и гетры из коричневой замши, вязаная спортивная шапочка... Мандолина, на ней Николай Гастелло неплохо играл... Книги, которые он любил, грампластинки... Сапоги и защитного цвета китель — это уже из предвоенного времени. Один из стендов называется «Три дня из жизни Гастелло». Подробно, чуть не по часам, воспроизведены события 24, 25 и 26 июня 1941 года — это сутки и часы перед тем мгновением, когда пилот твердой рукой направил свой ДБ-3ф на таран.

В специальной картотеке, которую ведут активисты школьного музея, собраны сведения о летчиках, которые совершили наземный таран с воздуха. В ней значатся около трехсот имен из 650 героев, повторивших подвиг Николая Гастелло.

● «Я для Родины песней был...»

Всего одну классную комнату занимает музей Махтумкули в третьей школе города Геркеза. Скромнен по размерам музей, но он представляет целую эпоху, слышавшую песни поэта, устами которого говорила сама Туркмения.

Я врачом для недужных был,
Я душой для бездушных был.
Для слепых я глазами был,
Для немых я устами был...
Для народа я сказкой был,
Я для Родины песней был...

Под гнетом религии, жестоких нравов расцвел талант Махтумкули (Фраги). В условиях межплеменных раздоров, странствий и плена как луч сверкало слово непревзойденного поэта. До нас дошли свыше десяти тысяч строк его стихов.

В стеклянной стойке, в центре школьной комнаты-музея, хранятся книги Махтумкули, изданные на туркменском и русском языках. На стенах — портрет поэта, его родословная, фотокопии стихов, его изречения. Макеты кибиток, ржавая цепь с обручами, в которые заковывали непокорных, каменные жернова — предметы давно ушедших дней создают атмосферу XVIII века.

К 250-летию поэта открылся еще один музей Махтумкули — в районном центре Кара-Кулы.

В ГОСТЯХ У СЕВЕРНОГО ВЕРБЛЮДА

**Роальд
КАПТИКОВ**

*Рисунки автора
Цветное фото
и репродукция
А. Нагибина*

По краю дороги вместо предохранительных столбиков лежат огромные каменные глыбы. На самой первой — крупные буквы «Ге».

В отличие от былинных героев у нас нет выбора: ни налево, ни направо пути нет, и машина ползет вперед и выше. Наконец — перевал. Великолепная панорама северного Качканара с вершиной Верблюда. Вершина действительно очень похожа на это животное...

Верблюд неторопливо идет куда-то вверх. Голова его поднята гордо, величественно. Один горб еще большой, второй же заметно поубавился и потерял первоначальную форму... Давно он в пути — может быть, тысячу лет, а может быть, и больше.

Я уговариваю начальника и остаюсь писать этюд. Жарко. Открываю зонт, пишу в спасительной тени. Вдруг силуэт верблюда бледнеет, заволакивается туманом, а затем совсем пропадает за завесой дождя.

Дождь... Едва ли не первый в это необычно жаркое лето. Закрываю этюдник — кажется, это надолго. Мой каменный верблюд как будто отступил, так и не одолев подъема. Здоровенная, должно быть, глыбища — метров двадцать или больше, да очень далеко она — на самой вершине горы.

Мои размышления прерываются ревом мотора. Это наш «ГАЗ-66», используя все свои мосты, вскарабкался на перевал. «Э! Да ты здесь недурно устроился, — кричит из кабины шофер, — а я-то думал, надо спасать от потопа!.. А где остальные?» — «Там», — делаю я неопределенный жест.

Машина урчит дальше: там, в небольшом пробном карьерчике, работают геологи. Им, наверное, хуже, чем мне, — ведь у них нет зонтов...

Вечером, в лагере, сидя у костра, вспоминаем события дня. Геологи — Нина Васильевна, Юлия Павловна и коллектор Юра тоже не слишком промокли, укрывшись под скалой.

Результатом дня были килограммов тридцать камней (по-научному — образцов), отобранных геологами, и килограмма три брусники,

собранной нашей поварихой Диной. Сюда же можно приплюсовать и мой незаконченный этюд и кое-какие (тоже, впрочем, неокончательные) выводы шефа — кандидата геолого-минералогических наук Вениамина Григорьевича Фоминых.

Мы находимся в районе Качканарского массива. И проблему, которой занимается Вениамин Григорьевич, а следовательно и все мы, можно сформулировать так: закономерности распределения рудных компонентов в собственно Качканарском месторождении.

— А нельзя ли сказать попроще? — спрашиваю я.

— Проще? Конечно, можно: распределение магнетита в пироксенитах. Понятно?..

Я знаю, что тема эта заказана Качканарским горно-обогатительным комбинатом и имеет большое практическое значение.

Григорьич, как запросто мы называем нашего начальника, задумывается, подбрасывает в костер ветку. Немало воспоминаний связано у него с этими местами.

Еще в 1956 году ходил он в маршруты «в гости к Верблуду». Тогда Качканарский горно-обогатительный комбинат еще не начинал строиться.

Не было ни северного, ни западного карьеров, а мальчишки из поселка Валерияновск, приехавшие в лагерь геологов на велосипедах, и не предполагали, что будут работать на этих не существующих еще карьерах.

Они и сейчас навещают нас, бывшие мальчишки. Правда, уже не на велосипедах, а на мотоциклах, а кто и на собственных «Жигулях».

Теперь они — экскаваторщики, шоферы, бригадиры... Парни вспоминают свое детство — «валерияновских сорванцов» и как Григорьич воспитывал их...

Мне кажется: несмотря на краткость общения, эти встречи запали ребятам в душу и, быть может, имели определенное влияние на их судьбу.

Валерияновск — типичный поселок изыскателей. Вокруг нет полей, лугов. Даже огороды жителей сравнительно невелики. Со всех сторон поселок окружают великолепные

горы, которые издавна были для людей не только природой, но и средством к существованию, своеобразным цехом под открытым небом. Здесь проходит платиноносный пояс Урала. Еще в XIX веке добывали здесь драгоценные металлы — золото, платину.

Главное же богатство края — железная руда — оставалось нетронутым.

Жизнь поселка теперь тесно связана с этими «магнетитами в

пирроксенитах». Большинство жителей либо добывают, либо перерабатывают руду. Значит, и к ним работа геологов имеет отношение.

Но, конечно же, ребят влечет в наш лагерь не только интерес к работе геологов, но и желание пообщаться со «свежими» людьми, поболтать у костра, спеть под гитару.

Потрескивая в костре сухие ветки, рядом неторопливо бормочет о чем-то река Выя, шумит лес

вокруг лагеря. Хорошо! И совсем не хочется спать. Однако Григорьич уже говорит о планах на завтрашний день: кто остается, кто идет в маршрут, значит, скоро — отбой.

Кажется, нам с Юрой удастся все-таки «сползть» на гору.

Что же, до встречи, Верблюд! Мы будем рады познакомиться с тобой поближе...

ГОРИЗОНТЫ КАЧКАНАРА.

В ЛАГЕРЕ.

КАМЕННОЕ БЕЗМОЛВИЕ.

ПОСЕЛОК ВАЛЕРИЯНОВСК.

ПЯТЬ ДНЕЙ ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Сергей
КРАПИВИН

Повесть

Рисунки
С. Сухова

Часть первая

Тяжелый слитный гул ночного поезда рассек тишину необъятного бора. Поезд шел на запад, и за ним начинало предрассветно светлеть небо.

В глубокой борозде между вековыми соснами и непролазным ельником заворочался молодой бурый медведь. Он недавно вернулся из похода на овсяное поле, где славно полакомился сытными сержками, и склонен был с рассветом забраться подремать в этот самый ельник, но его излюбленное место было занято. Оказалось, что есть и люди, которым не спится по ночам. Кто-то, пахнувший рекой и еще многим непонятным, разжег рядом с лежкой огонь, долго стоял около него, потом бродил взад и вперед по ельнику, наконец, исчез, но, видимо, недалеко, потому что густой запах так и остался в зарослях.

Долго лежать в борозде тоже нельзя. С первыми лучами солнца придут за лесной малиной шумливые бабы и ребятишки с отвратительно гремящими ведрами. А спать очень хочется. Может

Сергей Петрович Крапивин родился в 1926 году в Кировской области. Во время войны учился в школе и работал на заводе в Тюмени. В 1946 году по направлению ЦК ВЛКСМ уехал в Западную Белоруссию, где был на комсомольской и партийной работе, помогал восстанавливать разрушенные войной колхозы. Стал профессиональным журналистом, работал в областных и республиканских газетах Белоруссии. Помимо чисто журналистских материалов, выступал в печати (в том числе и в «Уральском следопыте») с рассказами.

В соавторстве с братом — известным уральским писателем Владиславом Крапивиным — выпустил повести «Алые перья стрел» и «Каникулы Вершинина-младшего», связанные общими героями (они вышли отдельной книгой в 1977 году). В них рассказывалось о ребятах, чье детство пришлось на предвоенные годы, о полных приключений событиях первого послевоенного лета в Западной Белоруссии.

Публикуемая нами повесть представляет собою третью часть книги о Вершининных. Над нею С. Крапивин работал без соавтора.

быть, тот человек все-таки удалился из его владений?

Медведь бесшумно выбрался наверх и заковылял в ельник, изредка тихонько пофыркивая от падавших на нежный нос колючек.

Мир тесен

В вагонах спали. Спал и студент второго курса факультета журналистики Уральского университета Алексей Вершинин. Он ехал из Москвы после месячной практики в «Комсомолке», но двигался не на восток, не в родную Сибирь, как ему полагалось бы, а совсем наоборот — в Белоруссию, да еще в самую западную, прямо к границе. Шесть лет назад он уже побывал здесь — зеленым шестиклассником гостил у старшего брата Дмитрия, осевшего после войны в Гродно на комсомольской работе. Сейчас-то Митя уже на партийной, секретарствует в одном из лесных тамошних районов. Взял клятву, что остаток каникул Лешка проведет у него, и, взамен встречи с тайгой, обещал прелести ночной рыбалки на Немане и грибных походов по непролазной пуце.

Правда, с некоторыми из «прелестей» пуци и Немана Алексей был уже знаком по первому своему визиту к брату. Правда и то, что мать тогда так полностью и не узнала о передерягах своего младшенького на западе, иначе просто не разрешила бы ему сейчас сюда ехать. Девятнадцатилетний верзила с вполне реальной растительностью на физиономии для матери по-прежнему «Леша, надень калоши» в ботинках тридцать первого размера. А не нынешнего сорок третьего.

С мыслью о своих великолепных желтых туфлях с пряжками Алексей и проснулся на верхней полке. Стремительно сунул руку под подушку. Туфель нет. А ведь ставил их именно под голову. Для гарантии: все-таки первое приобретение на первый гонорар. Неужели «увели»?

Снизу раздался дискант:

— Вы, дядя, как во сне повернетесь, а он как упадет и меня по шее...

Снизу смотрела на Алексея потешная рожица карапуза четырех лет.

— Кто — упадет?

— Ваш ботинок... Он — тяже-е-лый!

Мальчуган показал на пару желтых туфель, аккурратно установленных на столике у окна с кольцом колбасы и куском батона. К счастью, мать парнишки еще спала, отвернувшись к стенке. Алексей поспешил водворить обувь на полку.

— А вторая туфля? Тоже упала?

— Не-е! — засмеялся малыш. — Что я — дурак, дожидаться еще раз по шее? Я сам залез к вам и снял. Тихо-о-нько!..

— Ловко. Молодец. Спасибо. А не можешь заодно объяснить, почему у меня рука в яичном желтке? — Алексей с недоумением рассматривал свою липкую руку.

— Объяснить могу, только шепотом. И чтобы вы не ругались.

— Ладно, лезь ко мне, конспиратор. — Алексей легко, одной рукой поднял карапуза на полку и сунул под простыню. — Ну?

— Я когда полез за вторым ботинком, на столике два яйца раздавил. Всмятку. Они под газетой лежали, их не было видно. Я забоялся, что мама ругаться будет, а выбросить некуда. Тогда я их к вам под подушку сунул, вместе с газетой. Никому не скажете?

— Не... не скажу. — Алексей со страхом подумал, что постельное белье скоро надо будет сдавать проводнице. — Надо бы познакомиться, — сказал он. — Как зовут моего юного друга, обменявшего туфлю на гоголь-моголь?

Под простыней раздалось обидчивое сопение, а ответ прозвучал с нижней полки. Чуть хрипловатым после сна сопрано было произнесено:

— Его зовут Мирослав. Но это родительская ошибка. Истинное имя ему — стрекозел. Славка, сейчас же слезай оттуда! Молодой человек, спустите его за шиворот.

Позавтракали они вместе, причем таинственное исчезновение со столика двух яиц прошло, кажется, незамеченным. Впрочем, когда Алексей сообщил спутникам, что скоро ему выходить, женщина вызвалась сама сложить его постельное белье... Невольное маленькое сообщничество сблизило их, и мать Славика сказала:

— Между прочим, в райцентре, куда вы едете, живет моя давняя подруга Соня Курцевич. Работает директором школы. Хотя фамилия ее сейчас другая — по мужу она Вершинина.

— Между прочим, — в тон ей ответил Алексей, — моя фамилия тоже Вершинин, и я прихожусь родным братом мужу вашей подруги.

— О! — только и смогла произнести женщина. — Поистине, мир тесен. Что же, отрекомендуюсь и я. Живем мы в Гродно, зовут меня Татьяна Григорьевна. Фамилия моя Голуб, муж...

— Стоп! — чуть не в панике замахал руками Алексей. — Мир еще теснее, чем вы думаете. Если муж ваш Голуб, то зовут его Антон... э-э-э?

— Сергеевич!

— Он капитан милиции...

— Подполковник.

— Очень вероятно: шесть лет прошло. Тогда у вас должен быть приемный сын Михась.

— Михась-парашютист! — восторженно заорал Мирослав.

— Он сейчас служит в армии, — пояснила Татьяна Григорьевна. — Погодите: а вы... неужели вы тот Лешка, о котором мне Соня и Михась рассказывали? Значит, это вы умудрились заварить тогда детективную кашу?

— Почему — заварить, почему — кашу? — обиделся Алексей.

Но уже визжали тормозные колодки, громы-хали вагонные буфера, и пора было выходить.

Керогаз как продукт

цивилизации

Варфоломей тосковал. Стрелки ходиков неумолимо приближали время к девяти. Именно на этот час — в ноль-ноль — назначен сбор звена в лесном малиннике. Время выбрано с умыслом: женщины и девчонки уже уйдут со своими кошелками с опушки, и никто не помешает развернуть операцию по прочесыванию густого ельника вплоть до самой реки. Цель операции — установить происхождение таинственного ночного, а точнее — предрассветного белесого дымка над еловыми джунглями.

Вчера конопатый Юзик Бородич первым обнаружил дым и показал его деду, вместе с которым выгнал корову перед восходом солнца. Дед отреагировал флегматично:

— Самогонку робят. Дело обычное — скоро Спас...

Позже Юзик нервно говорил Варфоломею:

— Им Спас, а в колхозе пас: семена не засыпаны. Батяка по ночам зубами скрипит — думает, где взять зерно на озимый сев, а пьянчуги его на сивуху переводят.

Батяка его Феликс Устинович был бригадир в здешнем колхозе и очень переживал за свое «подразделение», как он называл бригаду. Но ему Юзик ничего не сказал о подозрительном дыме над ельником. Опасался немисливо вспылчивого отцовского характера. Так и видел, как бывший партизанский взводный хватает топор и бежит крушить самогонные аппараты. Никакой милиции дожидаться не будет. А если рядом с аппаратом его хозяин окажется?

— Нам бы самим найти этих винокуров, — развивал идею конопатый Юзик. — Ну, нашему звену... Найти и засесть.

— Они тебе... засекут,— усомнился Варфоломей.— Дорогу в лес забудешь!

— Ты, Варька, дрейфун досрочный, хоть и звеньевой. Мы же тайно, по-пластунски. Сплошной прочес! А потом уж участковому доложим эти... кардиналы.

— Координаты. Придумал ты вроде ничего, только родители в лес не отпустят. Говорят, медведь появился.

— Медведь летом людей не трогает, тем более маленьких.

— Ты это матери объясни...

Однако идея сплошного прочеса захватила Варьку. Через месяц являются они в школу, а их встречает духовой оркестр, и директор Софья Борисовна провозглашает: «Пионеры из второго звена пятого «А» класса во время летних каникул отличились при разоблачении злостных нарушителей закона, и им объявляется...»

Что им будет объявлено, Варфоломей пока не представлял, но перспектива похвалы приятно щекотала в носу. Решение о походе было принято и одобрено всем звеном. Название операции — «Голубой дым».

Но что толку в названии, если сейчас Варька вынужден торчать дома около распроклятого керогаза. Эту адскую машинку он люто ненавидел: стоит себе тихо и смирно, безобидно попискивает синим огоньком под колпаком с дырочками, потом вдруг взрывается косматым костром, и тогда пожара не миновать, если не накрыть пламя мокрым рядом, которое всегда запашиво лежит рядом. Можно, конечно, засыпать песком, но тогда напрочь пропадает варево. Однажды Варфоломей уже угостил своих домашних пшенично-песчаной кашей.

Выключить керогаз и попросту смотреть из хаты он не имеет права: в кастрюле варятся говяжьи кости и копыта — основной компонент будущего студня. Срок его приготовления сестра Прасковья определила весьма расплывчато: «Пока не загустеет. Ты, Варенька, изредка помешивай, но главное, чтобы огонь не погас...»

И все же бывает удача на белом свете. В дверях кухни неожиданно возник высоченный парень в голубой тенниске. Вытер желтые туфли о половик и вежливо пророкотал молодым баском:

— Добрый день этому дому. Здравствуй, Варфоломей! Меня ты, конечно, не узнал. Ну-ка, поднатурься!

Варфоломей молчал. На кого похож этот долговязый и красивый парень? Кажется, на секретаря райкома Дмитрия Петровича. Только тот постарше и покрупнее. Но похож.

— Старайся, старайся,— подталкивал гость, усевшись на табуретку.— Могу помочь? Бумажные «иштребители» помнишь? Кто их тебе делал?

Из самых ранних и сокровенных глубин детской памяти вдруг выплыло: такой же солнечный летний день, на крыше их сарайчика стоит

мальчишка в коричневой городской курточке и отправляет в воздух беленький самолетик из листа тетрадной бумаги. Тот крутится в теплых струях легкого ветерка, а потом бесшумно опускается на плечо очарованного Варьки. Сам он в знак клокочущей в сердчишке признательности дарит конструктору немецкий «железный крест», которых порядочно валялось тогда в коровьем хлеву: партизанские трофеи брата Ивана. И еще: откуда-то привезли этого мальчишку на машине, и он лежал хворый на их широкой деревянной кровати, а Паша плакала над больным и говорила, что он герой, потому что убил главного бандита. Потом он выздоровел и уехал, а Паша все равно плакала...

Варфоломей забыл про керогаз. Он несколько раз обошел вокруг табуретки, но никак не мог раскрыть рот. Трудность состояла не в том, чтобы назвать имя — его он легко вспомнил, а в том, как обратиться к этому молодому, но совсем взрослому парню. И снова гость помог:

— Тогда ты называл меня просто Лешкой, а я тебя — Варькой. Что верно, то верно: выросли мы, посолиднели. Давай так: я Алексей, а ты Варфоломей. Только без «выканья».

Варька счастливо хмыкнул:

— Нехай так... Вот только угостить пока нечем... тебя. Скоро Паша придет, тогда...

— Скоро?! — Алексей круто поднялся, поправил воротник тенниски, извлек расческу.

Но раньше Прасковья заявился конопатый Юзик. Сунул в окно свои вихры и заорал, не обращая никакого внимания на постороннего:

— Ты кто — звеньевой или шеф-повар, чтоб тебе подавиться своими щами-борщами! Семеро его ждут, а он тут кухарит и не чешется. У тебя что — часов нет?

Варфоломей глянул на ходики. Полдесятого! Юзик продолжал верещать:

— Хлопцы злые, хоть выжимай. Сказали, если через пять минут не явишься, переизберут тебя, раз операцию срываешь.

— Не тебя ли выберут? — огрызнулся Варька.

— То-то что меня, раз я все и придумал.

Вмешался Алексей.

— Минутку, мальчики. Почему суета? И что за операция, если не тайна?

— Как раз и тайна. Тем более, что мы вас не знаем, — нахально парировал Юзик.

— Варфоломей меня знает. Но дело в другом. Почему ты, звеньевой, не идешь к своим заждавшимся орлам?

Варька коротко обрисовал ситуацию с проклятым керогазом. Алексей поулыбался и заверил, что умеет управляться с данной аппаратурой еще со второго класса, а это означает примерно десятилетний стаж. И посему Варфоломей может смело двигаться по своим неотложным делам.

— Прасковья заругается,— не очень уверенно возразил Варька.

— Хм! Уверяю, что и не вспомнит о тебе. Во всяком случае, далеко не сразу вспомнит.

— Ладно, — сдался звеньевой. — Только ты не забудь: варить холодец — это процесс непрерывный. Ты помешивай...

Алексей остался один. Он прошелся по кухне, заглянул в две небольшие комнаты. Да, ничего похожего на ту убогую хатку шестилетней давности. Перестроен домик почти полностью. Любопытно, сохранился ли хлев, где они тогда с Пашей доили корову с забавной кличкой Трижды?

Он приоткрыл дверь, чтобы выйти во двор, и отирянул: от калитки по песчаной тропинке шла беловолосая девушка с черными глазами.

Сколько было медведей

С часовым опозданием, но операция началась. Еще раз взвесили обстановку. Дымок, по мнению Юзика, был виден километрах в трех, прямо в направлении реки. Ребят собралось восемь человек. Если держать интервал в двадцать метров — так, чтобы при переключке в полптичьего голоса слышать друг друга, — площадь прочеса получалась немаленькой.

Сложнее было Варьке распределить среди хлопцев позывные.

— Микола, будешь петь дроздом.

— Не смогу. Лучше я кукушкой...

— Может, еще петухом пожелаешь закукарекать? Кукушки внизу не кукуют. Василь, синицу знаешь? Молодец, действуй. Петро, тебе быть витютенем. Покажи, как лесной голубь трубит. Ну чего ты горло раздул, словно блином подавился? У тебя угод получается, а не витютень. Ладно, пусть будет угод...

Договорились голоса подавать лишь в случае обнаружения людских следов. Один раз — просто след. Два раза — кострище. Бесперывная трель — живые люди. На поданный сигнал всем не кидаться, иначе треска в ельнике не оберешься. Подознают только Варька и Юзик. Сигнал общего сбора — крик совы.

— Днем-то? — усомнился кто-то.

— Если луноглазую спугнуть сзади, она и днем закричит, — авторитетно пояснил звеньевой.

— Ну, а если в сам-деле медведь встретится? — хихикнул в рукав не очень храбрый Микола.

— Тогда, ясное дело, реви своим натуральным голосом. И мы все подхватываем. Ни один косоланый не выдержит — сразу заболит животом.

Посмеялись и, дождавшись команды звеньевого «вперед!», нырнули в недра ельника. Двигались где в рост, где на коленках, а то и вовсе ползком. Иначе и нельзя было: под нижними засохшими ветвями елок легче проползти на жи-

воте, чем продрасться сквозь них напрямую. Того и гляди без глаза останешься.

Из восьми только двое догадались надеть плотные куртки с длинными рукавами. Шестеро пришли в майках и через полчаса остались в одних трусах: майки превратились в немыслимое равное. Пот ручьями заливал глаза, вытереть его было нечем — хвоя для этого не годилась, а лопухи под ногами не росли. Рос жесткий вереск, в котором прыгали маленькие кузнечики. Но они были безобидны, а вот разбуженные комары освирепели: тысячными армадами они садились на потную кожу и жалили беспощадно. В ход пошли обломанные еловые ветки. Их буйное вращение над головами явно демаскировало разведчиков. Варфоломей от возмущения чуть было не заорал во весь голос: «Потерпеть не можете, неженки!» — но тут справа раздался нежный посвист синички. И раз. И два. Звеньевой кинулся на сигнал.

...Василь с ободранными в кровь коленями и локтями, с перемазанным смолой и раздавленными комарами лицом лежал на крошечной лужайке вниз животом и молча тыкал пальцем в свежий след костра. Свежий потому, что ветер еще не сдул с обгоревших веток белесый налет пепла. А больше здесь ничего не было. Ни самогонного аппарата, ни ямок от кольев, которые вбивают у костров. Ни спички, ни окурка. Ничего.

— Дурацкий какой-то костер, — прошептал Юзик. — Будто пришел человек, разжег огонь, стоял над ним и ушел.

— То-то что постоял, — согласился Варька. — Если бы он сидел, так даже на вереске осталась бы вмятина. А пожной след эта чертова трава не держит, так что и не поймешь, куда ушел человек.

Следующий сигнал поступил от Петра — коротко ухнул угод: «Худо тут!» На зеленом мху белел кусочек яичной скорлупы.

— Тоже мне — след! — хмыкнул Юзик. — Тебе сказано — человечьи следы искать, а не птичьи. Ну выпало яйцо из гнезда, разбилось...

— В-во-на как! — насмешливо протянул Петро. — В августе-то яйца в гнездах разве бывают? Эх ты, юннат... А потом, где видано, чтобы птицы свои яйца в городе клеймили?

Ребята присмотрелись и увидели: на осколочке скорлупы отчетливо проступали красноватые знаки. Ясно можно было разобрать две цифры, разделенные точкой: 9.7.

После некоторых размышлений сошлись на том, что приезжали, видимо, на выходной день отдыхающие из Гродно, от них и осталась городская скорлупа. Петро свою находку не выбросил, а завернул в березовый листок и спрятал за подкладку трусов.

По Варькиной прикидке, поиск продолжался уже больше двух часов, и прошли они

километра два. Так скоро и на берег Немана выйдут. Тогда придется признать полный провал операции. Конечно, брехло Юзик по шее получит, но от этого никому не легче. Может быть, на обратном пути...

Не крик, а истощный вопль разнес в клочья сумрачную тишину ельника. Где-то на левом фланге цепи панически орал Микола. Тотчас же к нему присоединились семь других мальчишеских глоток. Взвилась над лесом стая перепуганных голубей. Смолкли и попрятались дятлы. И наоборот, оголтело застрекотали над головами невесть откуда взявшиеся сороки. Навстречу мальчишкам ломился... медведь. Самый настоящий. Он улепетывал от дикого визга Микола и, повстречав других пацанов, совсем ошалел. Роняя на хвою жидкий помёт, он полез на тоненькую елку. Та, конечно, согнулась, и косолапый снова очутился на земле. Уныло, почти по-собачьи, тьякнув, он задним ходом сунулся в кусты колючего можжевельника и исчез.

А трясущийся от страха Микола продолжал вопить и показывал рукой в сторону, противоположную той, где скрылся косолапый.

— Там, та-а-а-м! — всхлипывал он.

— Да не там, а наоборот! — озлился Варька. — Хватит глотку драть, медведь больше тебя передрейфил.

— Не-е, там! — настаивал дрожащий мальчишка. — Вон же елки шевелятся!

Действительно, и в той стороне было заметно движение кого-то крупного, и ясно слышался удаляющийся треск.

Неужели они повстречали сразу двух медведей?

Далеки те года...

Злополучный керогаз были выключен, дом заперт, ключ спрятан под половичок на крыльце, и они шли по лугвовой упругой тропинке, как и шесть лет назад. Но тогда они как-то умещались на ней рядом, а сейчас оставалось одно из двух: или идти гуськом, или тесно касаться плечами. Попробовали то и другое. Что-то не получалось.

— Сядем лучше, — сказала Паша около ольхового куста.

— Сядем, — согласился Алексей. — Тем более, что, кажется, именно на этом месте мы с тобой тогда поссорились.

— Не помню.

— Ну как же! Ты меня все жалела, как хворого, а я видел себя этаким мужественным героем и ляпнул тебе какую-то чушь. Ты обиделась и замолчала. Надолго. А потом мы помирились. Помнишь?

Ей очень хотелось снова сказать: «Нет, не помню», — но она не умела врать и потому промолчала. Она все помнила и, уж конечно, боль-

ше, чем этот сегодняшний Алексей Вершинин — шикарный студент какого-то далекого университета, да еще загадочного факультета журналистики. Да еще после московской практики в центральной газете «Комсомольская правда». Что у него могло остаться в памяти об их тогдашнем случайном знакомстве? Разве что вот эта тропинка да маленькая ссора и примирение. Кто знает, сколько раз с тех пор он ссорился и мирился с другими девчонками и девушками, которые не чета ей, деревенской простушке. Другого и быть не могло: слишком долгие годы и версты разделяли их. Недаром за шесть лет — шесть писем. В основном к праздникам.

А она... она сотни раз видела во сне вот эту родинку у него на щеке. Как видела ее наяву, когда он метался на постели в жару после своей стычки с бандитами и побега из их притона, а она плакала над ним. В тринадцать лет какая может быть влюбленность? Просто он стал ей за ту неделю родным человеком, таким же, как братья Иван и Варька. Только странное дело, она чувствовала тогда к нему, случайно заехавшему городскому мальчишке, больше нежности, чем к братьям. Помнится, ее ничуть не раздражала, а умиляла его полная беспомощность в деревенских делах, даже то, что он явно побаивался их смиренхонькой коровы... Ее побаивался, а пустить пулю в лоб вооруженному бандиту не испугался...

— А как поживает товарищ председатель? — спросил Алексей.

— Ну как... Хозяйствует... Два выговора имел за партизанские замашки.

— То есть? — заулыбался Алексей, вспомнив цыгановатого, хромого агрессивно-стремительного Пашиного брата.

— По шее надавал хануге-кладовщику. А в другой раз тракториста из МТС напоил, чтобы тот остался на лишний денек. Он и остался... на неделю запил. Сейчас-то выговора сняли. Говорят, к ордену представили за нынешний урожай.

Помолчали. Алексей потаенно, из-под руки, разглядывал девушку. Скромный ситцевый сарафанчик в горошек, клеенчатые босоножки. Но слепит же господь бог в глухой провинции такую точеную фигурку! А этот ошеломляющий контраст светлых волос с черными глазами? Черт возьми, у них на курсе немало девчат из потомственных интеллигентных семей, есть даже одна дочка академика — но ничего похожего. Он чуть ли не сокрушенно вздохнул.

— Соскучился? Может, пойдём, — обеспокоилась девушка. — Наверное, Варька уже прибежал.

...Варфоломей сидел на крыльце в глубокой задумчивости. Он не услышал вопроса сестры насчет аппетита, а отрешенным взором поглядел на ее спутника.

— Скажи, Алексей, если спугнуть в лесу сразу двух медведей, они вместе будут удирать или в разные стороны?

Братья

Когда конопатый Юзик получил от матери кое-что заслуженное в связи с погубленной майкой, в событие включился отец. Пришлось Юзику рассказать о прочесе.

— Тебе же хотели помочь — накрыть самогонщиков, чтобы хлеб не переводили. А накрыли медведя.

— Какого еще медведя? — ахнула мать.

— Живого. С поносом.

Женские причитания по медвежьему поводу отец пресек коротким «цыц!» и стал вразумлять Юзика:

— Мозги у тебя и прочей вашей братии варят так себе. Ну посудите: какой местный самогонщик расположится в лесу в виду целого райцентра с его милицией и колхозной администрацией? Если ему приспичит, он или на хутора закатится к родственникам, или в погребке аппарат оборудует. Приснился вам с дедом этот дым.

— Ага, приснился... А след от свежего костра? Не медведь же его разводил.

— Это мне неизвестно. Другое знаю: помочь ваше звено мне действительно может. Но не рубяхи надо драть в лесу, а доставить завтра на поле горячий обед людям. Третий день на жниве народ харчуетесь всухомятку. Так и отощать недолго, а зерно вот-вот посыплется.

Юзик подумал, что работенка предстоит скучноватая, но отвергнуть отцовский наказ не посмел. Надо было только согласовать со звеньевым. Он отправился к Мойсеновичам и сошелся по дороге с Петром. Тот рысцой бежал туда же. Зачем? А затем, чтобы позвать Варьку к участковому милиционеру. Вернее, к себе во двор, где в данный момент находился участковый. Он зачем-то пришел к отцу и вдруг страшно заинтересовался кусочком яичной скорлупы. Долго расспрашивал Петра и попросил позвать других ребят, чтобы «подробнее восстановить обстановку», как он сказал.

Когда Варьке было сообщено о приглашении участкового, Алексей почувствовал необоримый зуд в подошвах: ему тоже захотелось отправиться к местному блюстителю порядка. Но он тут же круто одернул себя: «Опять суешься? Забыл, что тебе утром говорил Митя?»

А Дмитрий Петрович действительно говорил. Встретив младшего брата на лесном полустанке, он усадил его в «Победу» и все три километра до райцентра тыкал Лешку носом то в одно, то в другое: «Вон там были окопы, помнишь? Заровняли, гляди, какой лен вымахал. Отсюда начинается новая дорога на Красовщину, где тебя защучили бандиты, не забыл? В том бору, где бункер Бородатого стоял, сейчас смолокуренный завод дымит».

— Сейчас-то, надеюсь, не слышно «лесных братьев»? — поинтересовался Алексей.

— Надейся,— усмехнулся Дмитрий.— Тихо-то тихо, но граница как была рядом, так и осталась.

— Причем тут граница? За ней дружественная Польша...

— Гм! Ты с международной обстановкой слегка знаком? Не так уж далек от нас какой-нибудь готический городок в Западной Германии, нашпигованный шпионскими школами. И учатся в тех малопочтенных заведениях на денешки дяди Сэма разные «недобитки», как их называет здешнее население... Говорю только тебе, чтоб помнил об осторожности: звонил из Гродно небезызвестный тебе полковник Харламов. Вчера прошел с запада в нашем направлении самолет без опознавательных знаков. Туда и обратно. Черт его знает, какой и где он оставил груз. Чекисты, конечно, начали поиск, но партийно-комсомольский актив мы тоже поставили в известность. Тебя я почему-то склонен отнести к его числу.

— Спасибо, оправдаю...

— Убери ухмылку, дубина стоеросовая. Моя доверительность означает прежде всего категорическое требование к тебе: занимайся отдыхом, местной прессой и... лирикой. Но-но, не смей поднимать руку на старшего брата!

Кое-что о педагогике

Вот почему Алексей не пошел ни к какому участковому, а остался с Пашей мыть посуду. Она-то нисколько не обеспокоилась уходом братца. По всему было видно, что Варфоломей растет не на вожжах, а на свободе. И не потому, что без отца-матери, а просто парнишка не по годам основателен и раздумчив. По словам Паши, «босое детство научило». У него и забавы мальчишечьи сочетаются с делом и пользой. В школе записался не в развлекательный кружок, а в столярный: «Ты, Лешеньга, на его табуретке сидишь...» Подарил ему Иван в первом классе педальный автомобиль, так он его приспособил под тягач для доставки картошки: прицепил сзади тачку на двух колесиках, насыплет в нее три ведра бульбы и крутит педали по пыльной дороге целую версту.

А вот учится неровно, особенно конфликтует с русским языком. Однажды в диктанте трижды написал «яйцо» без «и» кратко.

— Да не я-и-цо, а яйцо! — вскипела учительница.

Варфоломей ответил хладнокровно, с присутствием естественности:

— Нехай, лишь бы не тухлое.

Учительница Леокадия Болеславовна посчитала эту реплику хулиганской выходкой и сообщила Прасковье, что она «не потерпит». А в прошлом четвертом классе Варька снова довел ее до калення, написав на доске слово «лучше» так: «лучче». Последовало наказание:

— Уйдешь из класса, когда всю доску правильно испишешь этим словом.

Варька терпеливо исписал половину доски, но так как страшно торопился натаскать сестре воды для стирки, то сделал внизу приписку: «Мне треба до дому. Лутче я утром допишу». Назавтра Леокадия Болеславовна лично прибыла к Мойсеновичам и объявила, что намерена поставить вопрос перед советом отряда об отстранении «закоснелого и невоспитанного мальчика» с поста звеньевского.

Оказавшийся при беседе брат Иван хмуро и молча слушал разговор. Но при последних словах гости резко дрыгнули под столом хромой ногой, что повлекло падение кувшина с квасом на подол светлого крепдешинового платья учительницы.

— Вы уж извините! — сказал он вставая.

— Пожалуйста, бывает... — снисходительно поморщилась Леокадия.

— Нет, вы извините за то, что я вам хочу сейчас сказать. Конечно, у парнишки не было родителей с высшим образованием, чтобы тонко его воспитывать. И в ранние свои годочки он не в кружевной коляске спал, а на соломе в партизанском блиндаже. На пианино не обучен, а вот минную музыку слышал. Если ему грамматика трудно дается, так на то вы и поставлены, чтобы он ее одолел. Но чтобы он прямо замышлял какую-нибудь грубость или зло имел против вас, в это я ни за что не поверю. Он ко всем взрослым уважительный, а к учителям вдвойне. На вашу директоршу Софью Борисовну только что не молится!

Наверное, именно этого не следовало Ивану говорить. Леокадия нервно встала:

— Ну, а я не удостоилась. Где уж там: я не партизанская героиня. Впрочем, я и не ожидала встретить понимание в вашей семье...

Вот такие эпизоды из жизни Варфоломея передала Паша своему гостю. Слушал он с увлечением. Может, потому, что вспоминалось многое похожее из собственного детства. Например, Лешка замечал еще с шестого класса, что его друг Платон Ложкин находился в явной опале у преподавателя физкультуры Викентия Антоновича. Платон был парень сильный, ловкий и на зависть всем умел сделать опорный прыжок через коня с сальто-мортальным соскоком. Но больше «четверки» на уроках гимнастики сроду не получал. А на лыжных соревнованиях учитель однажды снял Платона с дистанции под тем предлогом, что тот будто бы срезал поворот, хотя Лешка шел за другим лыжа в лыжу, и они вместе миновали контрольный пост. Никакие заверения не помогли, и Платон лишился призового места.

— Слушай, Платон, где ты дорогу перебежал Викентию? — напрямик спросил Лешка.

— Да не я, а батя,— угрюмо пояснил друг. Оказалось, что его отец, грузчик судоверфи,

и «физкультурник» по субботам встречаются в бане, а там обязательно борются перед парилкой, и на лопатках всегда оказывается педагог. Мальчики уговорили добродушного грузчика хоть раз да поддаться сопернику. На следующем уроке Платон получил «пятерку» за упражнение в вольных движениях, которых он, кстати, терпеть не мог, да еще услышал панегирик в свой адрес на тему, что сын достойно развивает атлетические традиции семьи. Однако вскоре грузчику надоело разыгрывать слабака, и на парня опять посыпались в спортзале придирки. В результате в аттестат была поставлена «четверка» по физкультуре...

В родном селе чужая

Леокадия Болеславовна Могилевская не была кумиром младшеклассников. Она сама это знала и не очень печалилась, что гурьба школьников не провожает ее до дому, а на учительском столе отсутствуют свежие цветы. Даже рада была одиночеству. Что касается цветов, то она верила: будут еще в ее жизни не чахлые ромашки и унылые астры из деревенских палисадников, а розы и магнолии, орхидеи и тюльпаны в изящных корзинах с атласными лентами.

Они уже были, эти роскошные подношения. Сначала в Вильне — от влюбленных хорунжих с блестящими саблями и мелодичными шпорами. Они скопом ходили за пышнокудрой гимназисткой панной Ледей. В тридцать девятом она окончила гимназию и уже готова была подарить свое сердце одному из них. Но все они куда-то внезапно подевались вместе со своими шикарными конфедератками. На бульварах появились рослые парни в отутюженных суконных гимнастерках с малиновыми петлицами. Цветов они не дарили, тем не менее Леокадия, отлично владевшая русским языком, попыталась очаровать одного светло-русого крепыша — танкиста с двумя кубиками в петлицах. Изредка он посещал ее на частной квартире, где она жила с подругой в ожидании счастливого поворота своей судьбы. Такую компанию и застал однажды ее отец, приехавший из села проведать дочь. Он молчаливо дождался ухода лейтенанта и крепко потянул Леокадию между лопаток.

— С большевиками нюхаешься?!

— Та-а-ту! — изумилась Леда. — А чем он плохой?

— Ты, дармоедка кудрявая, выгляни во двор, посмотри, на чьих я приехал лошадях. На чужих! А наших голодранцы поотобрали, одного жеребчика сгавили. Из полусотни моргов пахоты сорок отрезали. И все с благословения большевиков!

...Леокадия любила свой богатый хутор, где росла до гимназии. Отец — белорус по национальности, принявший при Пилсудском католическую

веру, — вошел в доверие к польским властям. Ему дали на откуп сплав леса по Неману, и за три года оборотистый мужик нажил на мосолях поденных сплавщиков немалый капитал. Приобрел после смерти осадника¹ его хутор, раскорчевал руками батраков лесную пустошь и пустил ее под лен. Но не ограничился землепашеством. За сто злотых он купил монопольное право на вылов раков в течение трех лет. Сейчас два километра берега принадлежали ему. Зачем ему понадобились раки? Вот зачем. Однажды занесло его в Варшаву с целью прощупать цену молотильного локомотива. Сделка с немцем — управляющим заводом — удалась, и пан Болеслав пригласил пана Транзе в «ресторацию». Там метрдотель зычно воскликнул:

— Панове, имеем свежие раки с Вислы!

Немец плотоядно зажмурился. Болеслав Могилевский тоже с удовольствием рвал крепкими мужицкими зубами раковые клешни, а сам думал: «Почему с Вислы, а не с Немана? Только что далековато, но если по «чугунке» отправлять...»

Когда подали счет, он ахнул: десяток раков стоил целый злотый, поскольку они шли как «изысканный деликатес». А злотый — это полпуда хлеба. В предприимчивом мозгу Могилевского окончательно оформилась «раковая» идея.

И вот полезли в студеную воду Немана десятки деревенских мальчишек. Наперебой полезли, даже очередь устанавливали между собой. Еще бы: Болеслав Иосифович платил хлопцам ползлотого за сотню раков! Никто не знал, что в Варшаве за такую порцию на счет Могилевского столичные рестораны перечисляют восемь злотых. Правда, приходилось платить немалые деньги железной дороге за отправку живого груза в специальных широких бочках с водой, но чистая прибыль все равно выглядела в виде внушительной пропорции: один к четырем.

За три года владения раковыми берегами Могилевский отгрохал белокаменный дом под стать помещицкому. Из него и уехала в Виленскую гимназию панна Леда.

Сообщение отца о разорении семейной усадьбы она восприняла трагически: ведь только что пригласила двух подруг и трех симпатичных выпускников лицея прокатиться в свое «имение».

— Но, тату! — ахнула она. — Дом-то уцелел, свободные комнаты есть?

— Фигу с маслом не хочешь? Дом отбирают под школу... Ладно про это. Слушай, дочка, что я тебе присоветую.

...Так Леокадия Могилевская вернулась в родное село и стала учительницей русского языка в семилетней школе, открытой в их бывшем доме. «Хоть за ним присмотришь, — наставлял отец. —

¹ Осадник — отставной военнослужащий в буржуазной Польше, получавший от правительства «за особые заслуги» богатый земельный надел. Осадники являлись на селе опорной силой реакционного режима.

Авось, ненадолго обосновалась эта батрацкая власть». Приняли ее на работу без особых придинок: кадров не хватало, а у нее солидное образование. Что из того, что отец был матерый кулак, — дочь за него не ответчица. Тем более, что он по решению сельского схода был выслан Советской властью из здешних мест. От самой же Леокадии крестьяне плохого слова не слышали. Пусть учит ребят да кормит старенькую мать на свою наставницкую зарплату.

И она учила. Но чего ей стоило ежедневно видеть, как топчут полы лаптями или невытыми босыми ногами мужицкие дети в переделанных под классы бывшей гостиной, столовой, ее собственной комнате! Вот здесь еще недавно украшал стену шикарный ковер с оленями, купленный отцом чуть ли не за половину льняного урожая. Сейчас тот ковер в клубе, а вместо него висит большая карта «Советской Белоруссии». Вон там стояла ее девичья кровать под плюшевым пологом на городской манер. Учительница химии заставила угол какими-то этажерками с вонючими колбами. На просторном дворе за высоким забором, где панна Леда училась ездить на подаренном к первому причастию велосипеде, вкопали грубые столбы с железной поперечиной и устроили так называемый спортивный городок...

Леокадия, стиснув зубы, учила ребят падежам и склонениям, а в ушах стояли отцовские слова: «Авось, ненадолго эта батрацкая власть».

Меньше чем через два года пришли немцы.

Айвенго

Варька, Юзик и Петро правильным треугольником расположились на корточках вокруг младшего лейтенанта милиции Айвенго. Нет, не они нарекли добродушного сорокалетнего участкового именем славного рыцаря. Произошло это еще в партизанском отряде, куда приполз из лагеря военнопленных в кровь изодранный колючей проволокой младший сержант РККА Айсидор Венедиктович Горакоза.

— Кто же ты будешь по национальности с таким чудным именем? — спросил Иван Мойсенович.

— Украинец я. Закарпатский. Слышал про такие горы?

— Я слышала, — отозвалась Соня Курцевич. — Только зовут тебя больно сложно и длинно. Хочешь быть просто Айвенго — по первым слогам?

— Я фрицев хочу бить, а под каким названием — все едино...

Девять лет прошло с тех пор, а так и не отклеилось от закарпатского плотогона звонкое прозвище. До курьезов доходило дело: в собственном райотделе милиции, где он работал седьмой год, машинистка однажды так и отстучала ему справку: «Предъявитель сего мл. л-т Айвенго А. В...»

Жил он холостяком, потому что не захотел разменивать память о жене, погибшей в конце войны от бандеровской пули на родных полонинах. Побывал вчерашний партизан на ее могиле и вернулся в белорусский край — служить в милиции. Он и после войны сводил с фашистами счеты за жену и собственные лагерные муки, вылавливая ушедших в подполье гитлеровских прихвостней. До отчаянности не щадил себя в жутких рукопашных схватках, за что и поплатился: в сырую погоду шевелилась под коленом пистолетная пуля, огнем горела рана на левом плече...

Летние рассветы Айвенго встречал с удочкой на речной старице, вечерние зори проводил там же. И всегда с мальчишечьим эскортом. Хлопцы зачарованно следили за каждым его движением, пытались постичь тайну рыбацкого счастья участкового. Пока у них один окунишко клюнет, тот двух сазанов вытащит. У них и пескарь не берет, а Айвенго лещей тягает. Когда клев кончался, он собирал вокруг себя хлопцев и распределял свой улов среди неудачников.

— Берите, берите, а то батьки вам завтра вместо реки гусей покажут. Пасти пошлют. Теперь соображайте, почему этот сазан сел на мою удочку, а скажем, не на твою. Потому, что я в тени куста лежал, а твоя тень, наоборот, сама на воду легла. Другой факт: ты всего червяка насаживаешь на крючок, и он у тебя через минуту уже дух испустил. Кому же охота глотать дохлую наживку? А ты делай вот так... вот так, чтобы он крутился.

Потому-то и было для мальчишек каждое слово Айвенго законом. Сейчас он осматривал троих друзей с высоты дворовой скамейки, а они смирно сидели у ее подножья. Начинать разговор участковый не спешил. Вспоминал события сегодняшнего дня.

Дело в том, что дымок над лесом он и сам видел ранним утром, когда шел на рыбалку. Самогонщиков участковый сразу отгнал в сторону: знал он их наперечет и не верил, что кто-нибудь полезет на рожон. Туристы? В будний-то день?

На два часа раньше Варькиного звена он побывал в ельнике. Видел круглое кострище. А вот медведя не встретил и яичную скорлупу тоже просмотрел — это самостоятельная удача хлопцев. Зато после выхода из ельника он обнаружил на берегу нечто весьма любопытное.

Младший лейтенант милиции не был следопытом-профессионалом и не кончал специальных учебных заведений подобного профиля. Но в юности был неплохим охотником в родных карпатских горах, по еле заметным отпечаткам копыта или крохотным клочкам шерсти на камнях умел выслеживать горных баранов. Да еще три года «партизанки», шесть лет службы в милиции...

Обнаружив сегодня утром на прибрежном песке след мужской туфли, не сапога, не грубого ботинка, а именно туфли — узкой и остроносой, с

довольно высоким каблуком,— Айвенго надолго задумался. След шел прямо из воды. Может быть, человек просто мыл обувь? Но «входящих» отпечатков не было. Значит, обладатель туфли появился из реки, брел или плыл в одежде.

Итак, он был мокрый. До нитки. Что обычно делает человек в таких обстоятельствах? Спешит обсушиться. След явно ночной, на солнце рассчитывать не приходилось, и оставался только костер. Теперь понятно, откуда взялось свежее кострище в ельнике.

Так рассуждал Айвенго, осторожно крутясь по берегу вокруг найденного следа. Какая не легкая занесла в реку, да еще ночью, человека в городских туфлях? Впрочем, мало ли в жизни бывает самых неожиданных случаев. Существеннее другое: если этот водолаз имел при себе какую-нибудь поклажу — ну, вроде рюкзака, — то он не потащит ее с собой в лес к костру. Напоровшись на коварную чащобу ельника, он должен был плюнуть и бросить груз у кромки леса. «Лично я так бы и сделал, — логически развивал свою мысль Айвенго. — А дальше? Сразу бы, как обсушился, вернулся сюда за вещами? Вряд ли. У костра человека разморит от тепла, вчерашнего очень возможного хмеля и бессонной ночи, и он завалится где-нибудь похрапеть».

...Рюкзак он не обнаружил, а нашел под можжевелевым кустом еще влажную полевую сумку из желтой кожи. Между прочим, в последнее время у городской молодежи стало модным носить такие сумки на ремне поверх коверкотовых пиджаков... В одном отделении сумки лежали махровое полотенце, шелковые носки в шашечку, два носовых платка, мыльница, зубная щетка и зеркальце (ишь, фронт!); в другом покоился сверток из вошеной бумаги, а в нем бутерброды с колбасой и яйца; в третьем находилось несколько фабричных наборов для ужения рыбы. Такое богатство Айвенго видел впервые. Особенно его восхитили капроновые жилки. Заграничные, что ли? Нет, на пластинках стояли штампы: «Артикул 14 — 51. Минск. Промартель № 12. 9 руб.»¹. Дешевка, а какое удобство. «Нам, небось, такой в продажу не дадут, — расстроился участковый. — Все кобылам дерем хвосты!»

Больше в сумке ничего не было. Ни документов, ни других бумажек. Ясное дело, такие вещи носятся в карманах. Тоже, наверное, обсушивал у костра.

Участковый от нечего делать пересчитал яйца. Девять штук. Значит, одно слопал: для круглого счета обычно берут в дорогу десяток. Крутанул яйцо на ладони: не вертится, сырое. Значит, намеревался печь у костра. Удивительно, что яйца не разбились во время марш-заплыва через реку.

Впрочем, скоро их придется выбрасывать: трехдневной давности, вон стоит розовый штамп «29. 7», а при нынешней жаре...

Он не дождался владельца сумки, засунул ее снова под куст (зачем причинять огорчение загулявшему пижону) и отправился кружной проселочной дорогой в поселок.

Откуда ему было знать, что через пару часов в ельнике начнется мальчишечье-медвежий переполох, и на опушку выскочит тот, кого он напрасно высматривал, а потом выбредут сюда замурзанные и измученные члены Варькиного звена...

Айвенго и геометрия

Когда в девять ноль-ноль он доложил своему начальнику о голубом дымке над лесом и, как следствие, обнаруженной сумке, майор недовольно пожевал губами:

— Гм... Ну и что? Обнаружил какого-то пьяного дурака. Ладно, покажи сумку.

— Так что, товарищ майор... я ее на месте оставил.

— Ч-чего? А ну, доложи, что было в сумке! Айвенго доложил. Когда он дошел до ящи, мыльницы и зеркальца, майор нетерпеливо рванул телефонную трубку:

— Товарищ подполковник! Разрешите срочно зайти к вам с младшим лейтенантом Ай... виноват, Горакозой.

Они перешли улицу от райотдела МВД до райотдела МГБ, и там младший лейтенант услышал такое, что ему и присниться не могло. Он с некоторым опозданием узнал сейчас о вчерашнем самолете без опознательных знаков, по не это кинуло его в холодный пот: летали и раньше. Однако дальше ему прочитали (возможно, и не полностью) документ, полученный из вышестоящей инстанции: «Агент-парашютист может также быть снабжен миниатюрной радиоаппаратурой новейшей конструкции, рассчитанной на разовую передачу краткого сообщения о своем местонахождении. Передатчик может быть смонтирован в конфетную облатку, сигаретную гильзу, яичную скорлупу и т. д. и поэтому после использования мгновенно уничтожен, что затрудняет обнаружение вещественных доказательств».

«Все. Под суд!» — почти хладнокровно подумал Айвенго в этом месте документа.

«...В качестве антенны используется специальная проволока, замаскированная под капроновую рыболовную леску, натягиваемую для ускорения действий радиста в одном направлении, на небольшой высоте, горизонтально, на расстояние от трехсот до четырехсот пятидесяти футов».

«Не просто под суд, а под трибунал, — откровенно думал участковый. — Полюбовался городскими удочками, добрая твоя душа!»

Но подполковник смотрел на него как-то странно. Чуть ли не с улыбкой.

¹ До денежной реформы 1961 года в стране действовал иной масштаб цен.

— Что, Айвенго? Маетесь? Понимаю: мечтаете о ковре-самолете, чтобы мчаться назад к своему можжевелнику и успеть захватить сумку, а может, и ее хозяина. Так?

— Так точно!

— Ну и не надо. Все вы правильно сделали. Если владелец сумки действительно заброшенный к нам агент, что, кстати, абсолютно пока не доказано, и если он вас видел, то очень хорошо, что вы были в гражданской одежде: он ничего не заподозрит. Покопался, мол, добродушный дядька в чужом имуществе и по-честному оставил его в покое. Во-вторых, если он вас все-таки не видел, что более допустимо, вы тем более правильно оставили сумку на месте: агент будет спокойно продолжать свои действия, в том числе выходить на связь еще... сколько раз, товарищ младший лейтенант?

— Девять, товарищ подполковник! — вернулся к Айвенго-дар соображения.

— Именно так. Но прежде всего необходимо убедиться, что ночной пловец действительно тот субъект, который нам интересен. Сумеете это доказать, товарищ младший лейтенант? Кстати, — продолжал подполковник, — об обмундировании. Пусть вам принесут из дому утреннюю одежду. В ней и спровадим вас отсюда на улицу незаметно. Не надо пока щеголять по поселку в форме. Улавливаете?

— Так точно! — подтянулся Айвенго. — Разрешите еще вопрос: триста футов — сколько будет метров?

Подполковник довольно улыбнулся:

— Эге, да я вижу, у вас уже и план какой-то есть? Будет примерно сто метров. Желаю удачи!..

Рассказ мальчишек о встрече с двумя медведями окончательно убедил Айвенго, что там действительно находился чужой человек, а сбереженная Петром крохотная скорлупка и вовсе обрадовала: сейчас очень многое подтверждало появившиеся предположения. Тем более, что, пока хлопцы собирались по его вызову, Айвенго успел доставить находку туда, где уже был утроем. Скорлупу обследовали. Она оказалась остатком вполне натурального яйца, но внутри не обнаружилось ни малейшего признака белка или желтка. Зато ощутимо понахивало жженым металлом и маслом...

— Ребята, прикиньте, сколько примерно будет метров от костра до места, где лежала скорлупа?

Хлопцы зашевелили мозгами. Задача оказалась не из легких, и Варфоломей стал рассуждать.

— Значит, так. Шли мы цепочкой, через двадцать метров. Василь от меня справа, Петро, через Юзика, слева. Выходит, от костра до Петра было... шестьдесят метров. Так, дядя Айвенго?

— Да, но не между костром и скорлупой. Вы же не одновременно обнаружили то и другое — Петро после этого еще продвинулся вперед! На сколько?

Хлопцы опять поникли головами и зашевелили губами. Вот где оказалась нужна арифметика! На сколько же уполз Петро, пока не закричал удадом? Прибрежной опушки они достигли примерно за три часа. А это три километра — измерено по просеке. Средняя скорость получается километр в час. Удод ухнул после синицы минут через пять. Тысячу метров требуется разделить на 60 минут — получим скорость движения примерно 16 метров в секунду. Затем их надо умножить на пять минут...

— Дядя Айвенго, получается 80 метров, — почти одновременно возгласили трое следопытов.

— Спасибо, грамотеи, но вы опять вычислили не то расстояние. Костер-то от Петра оставался наискосок.

Ребята растерялись: а ведь действительно, круглое кострище ушло куда-то вбок. Но как рассчитать эту третью линию, они попросту не знали: в четвертом классе геометрию не проходят.

— Ладно, хлопцы, я в зрелом возрасте кончал вечернюю десятилетку и еще помню, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов.

Он нарисовал пальцем на песке прямоугольный треугольник, расставил по его коротким бокам цифры «60» и «80» и тоже зашевелил губами. Ребята глядели на Айвенго с глубоким почтением. Слышалось: «возвести в квадрат... сплюсовать. Извлечь корень квадратный...»

Через пять минут он встал со скамейки и торжественно поднял испачканный в песке палец:

— От костра до скорлупы было сто метров. Что мне и требовалось доказать. Очень требовалось, хлопцы вы мои дорогие!

Такие дела...

Вершинины обитали втроем в кирпичном трехкомнатном доме, где были еще кухня и застекленная веранда. Дом достался им как бы по наследству от прежнего секретаря. Софья Борисовна немного конфузилась: «вроде бы и чересчур для нашей семьи...» Зато четырехлетняя Лялька насколько не смущалась излишками жилплощади. Ей было даже маловато пространства для лихих пируэтов на трехколесном велосипеде. Сшибая по дороге все постороннее, она гоняла из кухни через прихожую на веранду, преследуя ошалевшую кошку.

— Катись, Лялька, на двор! — умоляюще сказала мать, в сотый раз поправляя половик.

— Не хочу! Там песок, колеса бускуют.

— Надо говорить — бускуют.

— А мне так легче. Это ты говори правильно, раз учительница, а я еще маленькая.

Софья Борисовна ахнула и дернула дочь за ухо. Лялька выдержала, нахально спросила:

— А если я тебя так? Только ты, пожалуйста, нагнись...

Алексей хохотал на диванчике. Племянница приблизилась к нему, понаблюдала и изрекла:

— Ты глупый, да? Ничего тут смешного нет, а сплошная таргедия. Моя мама самая высокая из всех садиковых мам, а выродила меня самую коротенькую в группе!

В комнате Дмитрия зазвонил телефон. Алексей сгреб Ляльку под мышку и пошел туда.

— Дмитрий Петрович? — осведомился далекий голос. — Могу доложить, что первый обоз с хлебом...

— Нет, это Алексей Петрович. Так что передать ему?

Трубка замолчала. Потом в ней громко хмыкнули:

— Гы-ы! Что еще за Алексей Петрович? Димин брат, что ли? Тот самый? Ну, с приездом! Это Иван говорит, Иван Григорьевич Мойсенович. Не забыл?

Алексей сказал, что не только не забыл, а буквально сегодня целых полдня вспоминал его с Пашей. В ответ он услышал настоятельное приглашение пожаловать в воскресенье в колхоз на какие-то «дожинки». Конечно, с братом и Соней...

— Ольга, ты не знаешь, что такое «дожинки»? — спросил он притихшую племянницу. Притихла она потому, что за время телефонного разговора влезла с ногами на отцовский письменный стол и на газете рисовала красными чернилами симпатичные рожицы.

— Вот это ты, — показала она перемазанным пальцем на носатую физиономию. — Нет, я не знаю, что такое «дожинки»...

Соня пояснила Алексею, что «дожинки» — это праздник последнего снопа, когда кончают жатву хлебов. В Красовщине нынче собираются праздновать широко, потому что получили самый высокий урожай в районе. Хотя хлопот было немало: тракторов и комбайнов в МТС маловато, колхозные жатки старые, поэтому серпы и косы пока со счетов не списаны. Да еще портят людям настроение слухи о будто бы близкой войне с Америкой. Кто распускает? Мало ли осталось подкулачников? Они хоть для формы и записались в колхозы, и инвентарь со скотом сдали, но внушают людям: скоро придут американцы, колхозам конец, снова будет на все частная собственность, а кто пользовался добром зажиточных хозяев — тем шибеница¹.

— Но это же антисоветская агитация! — возмутился Алексей. — Существует уголовный кодекс!

— Э, Лешенька, не так-то все просто. Чаще это называется — за что купил, за то и продаю. Один слышал от другого, тот от третьего, а третий в костеле. Вот-вот, в костеле! Ксендз, бывает, разразится такой эзоповской проповедью, что по форме вроде и придаться не к чему, разглагольст-

¹ Шибеница — виселица (белорус.).

вует себе о священном писании. Потом на латинские изречения перейдет, и получается еще звонче... У тебя, кстати, как с латынью?

— Если бона фиде, то есть чистосердечно, то пока гроссо модо — знаю весьма приблизительно. Только один курс за плечами. «Гаудеамус игитур»¹, конечно, поем.

— Ну-у! — восхищенно протянула Соня. — Знаешь, что: дам я тебе кусочек латинского текста попеременно с польским. Речь ксендза, кстати. Переведешь в ней латынь? Могу дать словарь.

— Обойдусь...

Непонятно Алексею было другое: на кого рассчитана ксендзовская латынь, если ее не знает даже местная интеллигенция? Соня объяснила, что толмачи латыни находятся. Воскресная проповедь в храме — это, так сказать, парадное выступление римско-католического пастыря, и неважно, что он изъясняется непонятно для слушателей. В каждой деревне у него есть помощники — члены костельного совета, которые получают от ксендза копии проповедей на понятном всем языке.

— Слушай, Соня, — рассердился Алексей, — почему вы прямо не скажете ксендзу: не пыли, не темни, укороти язык, раз живешь на советской земле и с нее кормишься.

Оказалось, что опять же не получается лобовая атака. Кроме того, ксендз получает жалование из епархии за рубежом, хотя, конечно, главный доход составляют «доброхотные давания» верующих.

Не удержалась Софья Борисовна, рассказала гостю кое-что и о своих бедах, из-за которых хочется ей проклинать эту директорскую должность. Ладно бы только заботы о ремонте, топливе да инвентаре. Двоечники тоже явление не смертельное. А вот как быть со всеобщем? Каждый апрель, едва пробьется первая травка, на уроках в четвертых — седьмых классах отсутствует половина учеников. Где они? Оказывается, коров пасут. Вызываешь мать. Является в учительскую и на портрет Крупской: «Слава пречистой Деве Марии... А кто же скотинку попасет, как не Катерина, если деревенский пастух в колхоз подался робить? Не уйдет ученье-то. Ну дык што, што экзамен? В осень сдаст».

Вызываешь отца, тот крестится уже на портрет Макаренко: «Закон нарушаю? Какое же нарушение, если парень целую зиму ходил к вам. Штраф? А нейхай, дешевле обойдется, чем корову загубить без зеленого корма».

В конце концов, райком помог: обязал председателя колхоза выделить общее пастбище для частного скота и двух пастухов, но трудодень им начислять за счет владельцев буренок. Опять нет согласия: «Дорого! Пастуху, который был от об-

щества, поставишь шклянку первачу — он и не заикается о чем другом, а тут — кровные трудодни. Ванька мой обходится куда дешевле: сунешь кавалак хлеба да яйцо — и вся зарплата, а самогонку он по малолетству еще не пьет».

Все-таки уладилось. Но сколько еще осталось трудных проблем! Корни их лежат в печальной истории здешнего народа. Войны за войнами шли на его землях. Гнет помещиков. Насаждаемая Ватиканом религиозно-национальная рознь. Неграмотность. Суеверия. И все это в течение многих десятилетий. А возраст Советской власти — семь лет после победы над фашистами.

— Вот так-то, Леша, — вздохнула Соня. — Но что это я пичкаю гостя всякими минорами? Больно тебе интересно... Погоди, с минуты на минуту принесут свежее молоко, будем ужинать. Не дожидаться, наверное, Митю.

Миноискатель спокоен

Молоко принес конопатый Юзик. Парнишка был причесан, в свежей ковбойке, и вообще настолько степенен, что Алексей не узнал сначала Варькиного приятеля.

— Вечер добрый, Софья Борисовна. Здравствуй, Ляля, держи ящерицу, только пересажь ее в другую банку и побольше мух туда напусти.

Девочка задохнулась от восторга, а Соня сказала, принимая глиняный кувшин:

— За молоко спасибо, ящерица — это лишнее, а вот почему ты не поздоровался с нашим гостем?

— Мы здоровались. Утром. У Варфоломея.

— Деньги за молоко тебе сейчас отдать?

— Мать говорит — в конце месяца, больше скопится. Как раз мне на книжки пойдет.

— Видал?! — Софья Борисовна возмущенно повернулась к Алексею. — Десять раз толковали родителям, что дети партизан и инвалидов получают учебники бесплатно. Не верят! Иосиф, у тебя же отец сознательный, бригадир!

Юзик шмыгнул носом. Отец-то сознательный, а вот мамаша... Все вспоминает, что «за польским часом» учитель требовал деньги даже за мел, которым пишут на доске. Мать говорит, что не может долго держаться такая власть, которая столько делает для людей бесплатно. Капиталов, говорит, у нее не хватит. Батяка кулаком стучит: «Цыц, подпевала ксендзовская!» А она встанет на колени и крестится на иконы: «Пресвятая дева, сохрани и продли светлые денечки Советов, дай народу дольше подышать полной грудью». И опять сцепится с отцом. Но не хочется Юзику рассказывать об этом. Вот лучше...

— Софья Борисовна, — спросил он, — вы минером в партизанах были?

— И минером, и учительницей, и сапитаркой. Чего тебе, на ночь глядя, война вспомнилась?

Свой рассказ Юзик повел плавно и неторопли-

¹ «Будем же радоваться» (лат.) — начало старинной студенческой песни.

во. Накануне мальчишки пришли к бане в поисках породистых червей для рыбалки. Вокруг хлипкого черного домика гнила многолетняя куча елжавшейся соломы, под которой, как известно, водятся ярко-красные необычайно подвижные червяки. А в том, что они там водятся, Юзик убедился: возвращаясь в сумерках со своей коровой из стада, он пошел не проселком, а свернул на луговую тропинку. Она обгibала зеленый островок ольховника и лозняка, где на возвышении и стояла закоптелая банька.

Оттуда спускался мужчина, в котором Юзик узнал глухонемого старика Дударя, заядлого рыбака и главного конкурента Айвенго на рыбалке. Жил Дударь одиноко на заброшенном хуторе в километре от поселка. От всего хуторского хозяйства там осталась вросшая в землю хатенка с половиной соломенной крыши. Из обычной крестьянской живности бобыль держал лишь черную козу, которую сам доил. Иногда он появлялся в райцентре, продавал на базарчике козий сыр и вяленую рыбу, покупал хлеб, махорку, керосин и снова исчезал.

Рыбачил он и зимой, к великому удивлению местных мужиков и мальчишек, поскольку подледный лов здесь не практиковался. Вспарывал стальной пешней лед над береговым омутом, насаживал на здоровенный крючок малька и спускал его в лунку на толстой леске из конского волоса с чугунной гайкой вместо грузила. Потом втыкал в снег на краю лунки зеленую сосновую ветку с привязанным к ней другим концом лески и поднимался на берег курить махорку. Как большинство глухонемых, был он нелюдим и мрачноват. Мальчишек близко к себе не допускал, и подсматривали они его рыбацкие секреты на расстоянии — летом из-за кустов, зимой из-за сугробов. Главное, чтобы он их не увидел, а орать от восторга можно было сколько угодно: все равно не услышит. Зеленая ветка вдруг падала и накрывала лунку, Дударь сбегал к ней с откоса и размеренными движениями выбирал на лед леску с метровой щукой на крючке. Мальчишки разносили в поселке весть о пойманной фантастической рыбине, и в следующий базарный день женщины райцентра поджидали Дударя. Мечтой каждой хозяйки было уязвить соседку восхитительной фаршированной щукой невиданного размера.

Дударь никогда не торговался, да и не в состоянии был из-за немоты, а молча поднимал чугунные пальцы: три — тридцать, пять — пятьдесят рублей и так далее. Это было недешево, но если покупательница растопыривала в ответ меньшее количество пальцев, старик равнодушно отворачивался от нее. Рыночных конкурентов, которые могли бы сбить цену, он не имел и потому получал в конце концов запрошенную сумму. Отдавая проданную рыбу, он непонятно дудел, что можно было в равной степени воспринять и

как «кушайте на здоровье», и как «чтоб тебе костью подавиться!»

Была ли это фамилия — Дударь, или так прозвали его за гулкие горловые звуки, мальчишки не знали. Он был не местный, а откуда-то с верховьев Немана, и появился здесь уже после войны. Поговаривали, что были у него когда-то семья и дом, но немцы угнали глухонемого на земляные работы — позарились на его диковинные мускулы, а вернувшись, он нашел на прежнем месте обгорелые бревна и кости. Так он изложил крупными каракулями свою биографию местным властям.

Кочуя вниз по Неману со своим рыболовным скарбом в поисках пропитания и немудрящего заработка, Дударь добрался до здешнего поселка и бросил якорь. Документы какие-то у него были, и в сельсовете его прописали без проволочек. Там же порекомендовали бобылю-горемыке занять пустующий хуторок...

Вот с ним и повстречался в сумерках нос к носу Юзик. В одной руке у глухонемого была жестяная банка из-под тушенки, в другой саперная лопатка. Снаряжение, понятное каждому рыбаку. «Вон он где наживу берет, глухой дьявол! — сообразил хлопец. — У нас под боком, а мы не догадались!» Однако кепку хлопец снял уважительно, как и положено перед старшим. Похоже было, что Дударь немного растерялся. Он затоптался на тропинке, но потом щелкнул пальцем по банке и поманил Юзика, явно приглашая взглянуть на содержимое посуды. Правильно, подумал мальчишка, что уж тут таить, раз я все равно тебя накрыл. Было темновато, но Дударь крепко затянулся сигаркой, и при свете ее стал виден в банке большой клубок шустрых красных червяков.

— Ого! — сказал Юзик и поднял перед носом Дударя большой палец в знак одобрения. — Там? — он обличающе протянул руку к бане.

Отпираться было бесполезно, и глухонемый покорно прогудел: «Д-до, д-даб д-д...»

Расставшись со стариком, Юзик поспешил к Варьке. Позвали для компании Петра, запаслись лопатой и втроем отправились к бане. Червей при свете соломенных факелов добыли быстро — полную литровую банку. Но тут Варька пожадничал и копнул глубже. Лопата звякнула о металл. Немедленно зажгли новые факелы и вскоре откопали квадратный металлический ящичек.

— Ну его, — сказал вдруг Петро. — Может, это самое... Мало ли хлопцев подорвалось на минах?!

— Мина у бани? — усомнился Юзик.

— И очень может быть! Фрицы набили туда помыться, гуляют себе нагишом, а партизаны подобрались и заминировали. Те выйдут наружу и — ба-бах! — с легким, значит, паром...

— Ну, разбабахался, — нахмурился Варфоломей. — Непохоже на правду. Легче было бы баню гранатами закидать. Но доставать ящик не будем. Надо посоветоваться. Сначала с Софьей Бо-

рисовой. Помните, она говорила: о всех ваших летних приключениях докладывайте мне. И потом — кто-кто, а она по минам специалист... Ты Юзик, каждый вечер молоко имносишь. Пойдешь завтра, ну и расскажи ей о ящике.

Слово звеньевое закон, и вот Иосиф докладывает сейчас во всех деталях о неожиданной находке.

— Молодец, Бородич, что сообщил мне, — в раздумьи сказала Софья Борисовна. — Когда, значит, вы были у бани?

— Да выходит, ровно сутки назад.

— А чего же с самого утра не прибежал рассказать?

Елки-моталки! Ну как объяснить, что у хлопцев на счету каждая минута быстротечного летнего дня? Рассвет их застал на рыбалке, в это время в домике Вершининых еще спят — не будить же ради какого-то ящика. Потом была чистка рыбы, поскольку мать отказывается колоть пальцы о ершей с мизинец ростом. Потом — лесной поход, взбучка за майку, разговор с отцом, встреча с участковым, поход за коровой...

— Ну ладно, — сказала Софья Борисовна, догадавшись по недовольному вздоху о ходе мыслей Юзика. — Ты еще посиди, а я позвоню...

Соня позвонила одной из своих учительниц: ее муж служил в военкомате, но носил на погонах скрепленные топорики. Бывший сапер.

— Люда, ты можешь срочно прислать ко мне своего супруга? Очень нужно!

— Ладно, пришло, — хохотнуло в трубке. — В чем ему являться?

— Можно безо всего... то есть, я хочу сказать, без кителя и орденов. Пусть захватит с собой миноискатель.

— Ч-чего?!

Соня положила трубку, а через четверть часа тчедушный Юзик Бородич, коренастый мужчина в защитной офицерской рубашке и Софья Борисовна шли по улице к окраине поселка. У дома Мойсеновичей Юзик затормозил:

— Надо Варьку взять, Софья Борисовна.

— Может, все звено соберем? Чем нас меньше, тем лучше...

Но капитан поддержал хлопца:

— Он прав. По уставу так полагается. Беги за своим начальником.

К бане подошли вчетвером. Мальчишки с ходу показали угол соломенной кучи, под которым вчера обнаружили ящик. Быстро разрыли солому. Капитан надел наушники, включил звуковой индикатор, повел по земле рамкой искателя. В наушниках не раздалось взвизга. Тогда при свете электрического фонарика разрыли верхний слой земли.

Ящика не было.

— Хлопцы, он вам не приснился? — раздраженно спросил капитан, сматывая свою аппаратуру.

— Одному может присниться, но не двоим, — справедливо заметила Соня. — В общем, ясно, что опоздали. Вы хоть запомнили, какой он сверху? Крышка ржавая?

Ребята переглянулись. Нет, они хорошо помнили, что крышка была чистая, глянцево-черная. Значит, не с войны лежал здесь ящик.

Язь — рыба капризная

Ребята пришли на берег ровно в пять. Солнце прогоняло с реки последний туман. В мокрых от росы трусах мальчишки слушали вступительную лекцию Айвенго.

— Из всех бдительных рыб язь самая осторожная, — вполголоса говорил участковый. — Он и сейчас нас слышит. Но не видит — мы в тени. Между тем у него в данный момент самый-самый утренний аппетит. И скушать язя хочется чего-нибудь свеженького. Не из тины на дне выкопать какую-нибудь сонную моллюску, а эдакое живое, завлекательное и чтобы поярче. Вот глядите на этот смородиновый куст.

Ребята поглядели. По резным листьям красной смородины ползали какие-то малюсенькие красные жучки меньше спичечной головки.

— Это и есть язиное лакомство наивысшей кондиции. Вроде как для вас шкварка со сковороды или, скажем, куриная ножка.

Непозавтракавшие хлопцы кто проглотил слюну, кто потрогал живот.

— Теперь следите за мной, что я делаю, и сразу глаза на воду.

Айвенго слегка тряхнул куст. Насекомые посыпались в омут. В то же мгновение на воде обрисовались четкие круги с точкой в центре. Точка появлялась на мгновение и сразу исчезала.

— В-вот, — удовлетворенно протянул лектор. — Видите, они поверху хватают жучков. Потому и грузила ненадобны. Но смородинную крохотулю ты на крючок не посадишь, потому и нужны божьи коровки — они побольше, но тоже красные и живые.

Участковый размотал свое четырехметровое ореховое удилище, отошел метров на семь вверх по реке, забрел по колено в воду и пустил по течению легкую леску. Видно было, как красная наживка вертится в светлой струе. Едва она дошла до омута, как тут же исчезла, а леска дрогнула, натянулась и звякнула по воде. Айвенго выскочил на берег и, приподнимая удилище, стал подтягивать его на себя. Называется это — «выводить». Орешина согнулась в дугу, на руке рыболова вздулись жилы.

И вот затрепыхался на прибрежной серебряной от росы траве красавец-язь. Сантиметров тридцать, не меньше килограмма весом! С зеленовато-желтыми глазами, малиновыми плавниками и золотыми боками.

— Вот так! — удовлетворенно прошептал Айвенго и кинул рыбину Варьке. — Держи для почина. Дальше действуйте сами, а мне пора в отдел. Запомните, что главное — тишина и маскировка, а клюет язь утром не больше получаса. Так что долго тут вам торчать нечего.

Ребята с азартом принялись за дело. Но разве что-нибудь укроется от взора всезнающих мальчишек? Юзик обратил внимание, что участковый отправляется на работу не в синем форменном кителе, а, как и они, в старенькой ковбойке с зашученными рукавами, в нечищенных кирзовых сапогах.

— Не на службу он пошел...

— На службу, — твердо возразил Варька. — У него «ТТ» с собой, карман оттопырен...

Между тем Айвенго, отойдя от ребят по берегу метров триста, нашел в затоке дощатую плоскодонку и, орудуя одним веслом, поплыл вниз. Туда, где в двух километрах река делала крутой поворот и огибала массив непролазного ельника.

Здесь он привязал лодку к ивовому кусту, забросил для видимости в камыши две удочки и огляделся. Обычное утреннее безлюдье. Песок матово покрыт росой. А выше, на траве, ее капельки поблескивают бриллиантами. Один поплавок косо пошел под воду. «Ну тебя к лешему, не до того», — отмахнулся Айвенго и выбрался на берег. Если кто за ним наблюдает, то пусть думает, что у рыболова возникла некая надобность... Он вошел в ельник. Кострище нашел быстро. Отсчитал от него в обратном направлении, но наискосок, полтора шага и остановился. Где-то здесь лежала вчера яичная скорлупа. Да, здесь: вмятины на вереске от ребячьих задов еще сохранились — хлопцы долго рассматривали свою находку.

Ну что ж: сто пятьдесят шагов — это сто метров, то есть триста тех самых футов. Приблизительная длина антенны согласно той инструкции. Но так ли уж бесследно антенна уничтожается? В этом Айвенго сомневался. Если человек, обсушившись у костра, начал там и разматывать леску, то к чему-то он должен был ее прикрепить. Айвенго вернулся к костру и стал тщательно осматривать ветки елок на высоте вытянутой руки. Вскоре обнаружил, что одна веточка дважды опоясана еле заметной серебристой паутиной. Паутина как паутина, но больно уж правильны ее витки.

Участковый чуть дотронулся пальцем до спиральки, и оказалось, что это не паутина, а пылеобразный белесый налет нитевидной формы. От прикосновения он начисто рассыпался. Айвенго понюхал палец: неприятный, чужеродный лесу запах. Здешные безобидные пауки такого не оставляют.

Итак, если антенна начиналась здесь, то другой конец ее должен быть где-то у скорлупы. Он снова медленно побрел туда сквозь чащу и вдруг

в одном месте, где была небольшая песчаная проплешина, среди вереска увидел сразу два следа острокопечных тувель. Направлены они были к костру. Глубоко вдавлены в песок каблук. «Зачем его обратно-то понесло?» — в недоумении остановился Айвенго. И вдруг понял: разматывая леску, человек шел задом наперед. А как же иначе: он должен был следить, чтобы антенна не легла на землю, а повисла на деревьях...

Итак, все сходилось.

Айвенго представлял себе, что было дальше. Этот тип раздавил яйцо, аппарат сработал и передал в безбрежный эфир мгновенный сигнал-импульс: «Я на месте». Или: «Все в порядке». Или: «Приступаю к работе».

Черт его знает, что еще мог обозначать этот сигнал. Но где-то он был принят — в далеком и враждебном нам пункте. Наверное, агент не нуждался пока в дальнейших инструкциях оттуда, а просто обязан был информировать начальство о том, что жив-здоров.

А что было дальше? Может, этот тип был вчера настолько травмирован встречей в лесу с медведем и ребятами, что наспех подхватил кожаное имущество и опять кинулся вилать? Вряд ли. Шпиона в этом больше сомнений не оставалось: должно было тянуть к людям. «Кто-то же его ждет», — вспомнил Айвенго слова подполковника. Ну, а на другом берегу никого и ничего нет, кроме многоверстной сплошной пущи. Безусловно, искать следы незваного гостя надо ближе к райцентру.

Участковый отвязал лодку и поплыл вверх по реке, держась ближе к берегу, где течение было не таким сильным.

Латынь не для рецептов

В это утро Алексей проводил брата до райкома и собрался было снова завернуть к Мойсеповичам, но сообразил, что слишком рано. Паша, видимо, управляется по хозяйству, и незачем ее смущать.

Алексей прошелся по главной улице поселка, где разместились районные учреждения и Дом культуры. Аккуратные новые домики из кирпича и блоков вместо дряхлых приземистых хат, стоявших шесть лет назад. Детский садик с неумолкающим гомоном во дворе. Где-то там забавная племянница Лялька. Двухэтажная средняя школа в ремонтных лесах — вот куда кладет свои недюжинные силы его славная невестка.

Стоп, Лешенька! Ты же, лодырь, обещал Соне сделать перевод ксендзовской проповеди. Где пристроиться для творческой работы? В конце улицы зеленел живописный холм, а на нем возвышался массивный костел. Две его острокопечные буро-красные башни воззались в голубое небо. Тень от костела покрывала весь холм и выходила на

улицу. Алексей усмехнулся: тут и карты в руки. Он подошел к холму, расположился на мягкой мураве, достал из пиджака выданный Сонею оригинал.

— Н-ну-с, приступим... Ад хоминэм — это понятно, зываю к чувствам людей. Допустим. Что дальше?

Дальше шли катехизисные рассуждения о бренности всего земного, о тщете мирской суеты и неизреченной милости всевышнего. Недавно Алексей ездил с друзьями в Загорск под Москвой полюбоваться шедеврами русского храмового зодчества. Экскурсанты попали в собор на богослужение, где православный священник провозглашал примерно то же самое, только по-русски. Не преувеличивает ли Соня ксендзовскую крамолу?

Но вот ему попалось выражение «ад потам», что означает — будьте внимательны, нечто важное доведу до вашего сведения. Любопытно...

У Алексея пропало ироническое настроение, когда в последующем тексте он увидел часто повторяющееся слово «беллум» — война: «Зываю к вашим чувствам и требую внимания. Утверждаю, что война — дело решенное, и это будет ваша справедливая война за алтари и очаги (беллум про арис эт фоце). А потому готовьтесь свергнуть недругов огнем и мечом (игни эт ферро). Я не пазываю непавистных имен, но для понимающего достаточно сказанного (сапиэнти сат)...»

Алексее стало холодно и неудобно. Он оглянулся на костел. Казалось, тень от него не желает повиноваться даже солнцу: она все так же разлаписто и мрачно накрывала окрестность. Он мысленно выругался и пошел домой.

Летает в небе голубка Пикассо, проходят всемирные фестивали молодежи, разнеслись по земле слова их гимна «Мы за мир, и песню эту понесем, друзья, по свету...», миллиард людей подписал воззвание против войны. И все это пытается перечеркнуть зловеющая фигура в сутане.

Уже сидя на пронизанной светом веранде, Алексей перевел высокопарную и зловеющую концовку: «Помните всегда: сегодня с востока не идет свет. Я копчил и облегчил свою душу (дикси эт анимам левави)!»

Вечером он азартно спорил с Сонею.

— Что же это получается? Ксендз не стесняется и в кино прийти, и лекцию послушать, а мы конфузимся нанести ему ответный визит. Получается, что он вроде как в неприступном для нас бастионе. Еще бы ему не распоясываться...

Соня вздохнула. Во многом, конечно, Алеша прав со своим максимализмом. Нормы и традиции, к сожалению, и в нашей идеологической работе не слишком гибкие. Тоже какие-то окостеневшие каноны.

Ей вдруг вспомнился трагикомический случай, когда учительница Леокадия Болеславовна потребовала исключения из пионеров Варьки Мой-

сеновича, случайно увидев его выходящим из костела. Парнишка и понятия не имел о двуперстном крестоположении, а его хотели обвинить в кощунственном попрании пионерских заповедей. Пришлось Софье Борисовне вмешаться и сходить в райком комсомола. Но разбор «персоналки» все-таки состоялся. Учительница клефом впиалась в Варфоломея:

— Нет, ты скажи честно и откровенно, зачем ходил в этот рассадник мракобесия?

В данной аудитории Варька не был расположен к стопроцентной откровенности. Как признаться, что он подкарауливал хуторского Стефку с целью дать ему заслуженного «дубца»? Этот Стефан еще до начала службы нарисовал мелом на школьном заборе фигуру черта с рожками, хвостом и копытами, но в пионерском галстук. Хотя рисунок был довольно выразительный (это Варька оценил беспристрастно), но безусловно оскорбительный, и Варфоломей долго гнал автора по улице, пока тот не забежал под спасительный кров костела. У резных костельных ворот Леокадия и застала Варьку...

Рассказывать о своей неудаче перед всеми друзьями не хотелось, и Варфоломей степенно ответил:

— А в костеле красиво. И музыка играет.

Глаза учительницы злорадно сверкнули:

— Ага, признался! Как же совместить твои слова с пионерской присягой бороться с предрассудками?

Варька не помнил о такой присяге и не очень удачно ляпнул:

— Я исправлюсь. Я тогда не успел. В следующее воскресенье обязательно... это самое... поборюсь.

Леокадия взвилась:

— Вы слышите — он опять собирается идти туда! Он и не думает раскаиваться!

Ограничились замечанием... Алексея не столько насмешила, сколько рассердила эта история, и он сказал, что учителей вроде Леокадии представляет в виде сухой еловой палки: гибкости никакой, а колется сколько угодно.

— Наверное, не надо так радикально мыслить о человеке, — мягко возразила Соня. — Как бы то ни было...

— Как бы то ни было, — упрямо перебил Алексей, не желая отклоняться от темы, — ее левацких выходок ксендз не испугается. Совсем другое нужно.

На половинном окладе

Леокадия Болеславовна и не собиралась пугать ксендза. Она с ним дружила. Давно, с сорок первого года. Когда на берега Немана пришли немцы, они предложили ей очистить школу от ребятишек и сдать дом под волостную управу.

Первое она охотно выполнила, второму воспротивилась — мой дом! Заявившегося на новоселье бургомистра, из местных кулаков, неделикатно выставила за дверь. Тот вызвал начальника полиции и приказал ему силой освободить помещение от «красной стервы». Леокадия пошла жаловаться к коменданту, представилась ему на чистом немецком языке и пробыла у него всю ночь. Утром вернулась, безнаказанно отхлестала по щекам бургомистра и заняла для себя две комнаты с кухней. Работать она стала переводчицей в комендатуре. Здесь и встретилась впервые с ксендзом Иеронимом. Сблизило их полное отсутствие в деревне других интеллигентов «Речи Посполитой». Оба были белыми воронами. По вечерам ксендз зазывал к себе Леокадию в обширный особняк при костеле и часами читал звучные строфы Овидия и Вергилия. После вкуснейшей черносмородиновой наливки, которую представляла его домашняя хозяйка, весьма упитанная пани Августина, отец Иероним переходил на Боккаччо.

Наливка Леокадии нравилась, а Боккаччо — нет. Она побаивалась коменданта. Старейший майор, кажется, не на шутку влюбился в нее и ревновал к ксендзу. Тем не менее Леокадия вынуждена была терпеть ответные визиты отца Иеронима в свою уютно обставленную квартиру, где угощала его «кавой» и томными гимназическими романсами под вполне приличное пианино.

Ни о политике, ни о религии они почти не говорили, да, кстати, ни то, ни другое и не интересовало тогда Леокадию. Ею владела другая идея: как стать сильной самостоятельной хозяйкой, вернуть отцовскую землю, скот, батраков и таким образом войти в роль богатой невесты. Однажды она поделилась с гостем своими мечтами, но отец Иероним жестоко развеял ее надежды на немцев. Долго просвещал юную Леокадию многоопытный и далеко не глупый слуга Ватикана, убеждая, что исполнение ее мечты целиком зависит от Америки и Англии. Впрочем, он более чем лояльно вел себя в отношении гитлеровских властей. Представил им списки тех, кто ушел в партизаны, передал их через переводчицу, избегая лично показываться в комендатуре, дабы не бросить на себя тень в глазах населения. Леокадия положила документ на стол коменданта:

— От герра Иеронима.

Майор зло посмотрел на нее.

— Вот что я вам скажу, полупочтенная фрейлейн. Мне надоели ваши шапши с длиннополым кавалером. Я отправлю вас в рейх. В город Аахен. Там живет моя сестра, старая дева, и под ее присмотром вы будете дожидаться меня...

Так Леокадия в сорок втором оказалась в Германии, на время расставшись со своим другом в сутане. Там она и попала в руки американцев, не дождавшись своего майора. Партизанские гранаты уложили его прямо в комендатуре.

Американцев совершенно не интересовало со-

трудничество Леокадии с нацистами. Зато их привлекло другое: молодая женщина отлично знала обстановку на востоке, имела там знакомства. Импонировала и ее патологическая ненависть к Советской власти из-за репрессированного отца и потерянного имущества.

На краткосрочных курсах в лагере для «перемещенных лиц» ее не готовили к роли активного агента. Ей вменялось в обязанность просто внедриться в послевоенную жизнь, заново адаптироваться в родных краях и ждать. Ждать людей из-за кордона и, по предъявлении ими соответствующего пароля, оказывать содействие. В жилище, установлении связей, в получении информации. Для пущей безопасности ей запрещалось самой давать о себе шефам какие-либо сведения. Это сделают другие. Однако здесь она не будет забыта: вот номер ее личного счета в банке, куда ежемесячно будет отчисляться половинная ставка агента зарубежной разведслужбы США. Вторую половину она получит после недалекой уже победы над большевиками, которые и без того обескровлены войной с Гитлером.

Леокадия согласилась. Правда, радужная перспектива превращения в именитую помещицу снова отодвигалась, но ей только двадцать четыре года, и все еще впереди. Она без труда прошла контрольно-пропускные комиссии перед отправкой в Белоруссию и вернулась в знакомое место. Здесь никто не мог сказать о ней что-либо предосудительное: многие даже помнили, как немцы под конвоем отвезли ее на вокзал перед отправкой в рейх. Людям невдомек было, что конвой являлся своего рода почетным эскортом влюбленного майора.

Леокадия вскоре закончила заочно учительский институт и стала полноправным тружеником на ниве народного образования. Даже с некоторым повышением: ее послали работать в средней школе районного центра вместо прежней семидетки, в ста с лишним километрах от родного села. Оно было и к лучшему. Тем более, что в поселке оказался и отец Иероним, переведенный сюда волею епископа настоятелем местного костела вместо умершего предшественника.

Старый знакомый был воплощенная осторожность и не стал целовать ей ручки при первой случайной встрече на улице. Но уже назавтра она получила письмо, в котором предусмотрительно регламентировались места и сроки их randevu, — ну, например, в вагоне поезда, на экскурсии по историческим памятникам Вильнюса, на городском пляже в областном центре. А один свой отпуск она полностью провела вместе с ксендзом в Закарпатье, где отец Иероним лечил печень.

Они оба вдохновенно ждали прихода «западной демократии». Восстановилась тем временем и связь. И первым, кто пришел к ней из-за кордона с заветным паролем, был... ее отец.

«Семинарист»

За полчаса мальчишки поймали девять язей. Потом клев как обрезало.

— Айвенго все знает, — отметил Варфоломей.

— Елки-молалки! — вскинулся Юзик. — Мы же забыли рассказать ему о вчерашнем ящике! Н-ну, растяпы!

— Ничего, другие расскажут, — утешил Варька. — Капитан-то молчать не будет, может, уже сообщил в милицию. Еще и нас пригласят.

— Не ко времени: нам сегодня на поле надо обед доставить. Обещали ж батьке...

— Н-да, вот еще морока!

Звеньевой был заметно недоволен. Ему хотелось встретиться и внаглую наговориться с Алексеем. Например, узнать, какой-такой бывает телевизор. Если в комнате запросто можно смотреть кино, то где дома взять лучи, которые в зале светят на экран? Или такой вопрос: если в атоме имеется страшная сила, то как не поубивало тех ученых, которые в первый раз разломали атом? Или поубивало, да об этом молчат, чтобы другим профессорам не стало страшно?

Круг интересов Варфоломея был широк, и ответить на засевшие в голове гвоздем вопросы должен был студент Лешка. Но слово есть слово: обед доставлять жнецам надо.

Борщ и кашу поручили варить трем старушкам в бывших банных чугунных котлах. Эти черные громадные посуды были вкопаны на бригадном стане рядом с овощехранилищем. Сюда и подъехали хлопцы. Уволенная по старости лет от уборочной страды кобыла с ходу потянулась мордой к сочной груде свекольной ботвы. Мальчишкам же захотелось полакомиться зелеными стручками бобов.

— Но-но, короеды, — добродушно шугнула ребят древняя бабка. — Лучше щепок насобирайте — не доварится никак каша, хоть ты сядь на нее.

— Сядешь — остудишь, — ехидно заметила ее напарница, мелко нарезаая сало для гречневой каши. — Вот я и говорю, — продолжила она прерванный хлопцами рассказ. — Идет он себе промеж сосенок и саквоyajиком помахивает, как на городском бульваре, — ну женишок женишком. Личико кругленькое, на подбородке ямочка, глаза светленькие...

— Эх ведь запела, старая греховодница! — рассмеялась третья кухарка. — Как увидит молоденького, откуда слова берутся... Ну, что дальше было?

— Ничего такого, что тебе интересно, — отрезала бабка. — Поравнялись мы, кланяется он так уважительно: «День добрый, мамаша». Не бабушка какая-нибудь, а мамаша... А я все гляжу на него: рубашечка беленькая, прозрачная, аж рыжие волосики видать на грудях...

— Тыфу! — раздалось от котла с борщом.

— Не любо — не слушай! — парировала рассказчица. — Брючки узенькие, со стрелочкой, как сейчас из-под утюга. Обувка остроносенькая — ежели пнет, дырка будет.

— Не пнул? Ну и правильно, зачем туфлю портить!

— Ну вас к лешему, охальницы, — обиделась старушка. — Все. Словечка больше не услышите.

Варфоломей здорово разозлился на сварливых бабок. Ему обязательно надо было услышать продолжение рассказа. Всего лишь три часа назад на берегу, пока хлопцы поспешно разматывали удочки, Айвенго отозвал его в сторону и торопливо шепнул: «Слушай, Варфоломей, внимательно, одному тебе пока говорю. Будешь в поселке, посматривай на свежих людей. Нужен мне человек с желтой сумкой на ремне и в туфлях с острыми носами. Скорей всего, молодой. Какой костюм, не знаю, но, видать, будет помятый. Увидишь, проследи, куда пойдет. Ну все. Вечером зайду».

Ясно, что Варька в струнку вытянулся, когда услышал об острых туфлях. Правда, о помятом костюме старуха ничего не сказала, а наоборот... И почему саквояж, если должна быть сумка? Э, да что бабка понимает в таких вещах, она и портфель сундуком назовет. Туфли-то все равно остались! Интересно, где она видела этого «женишка»?

— Бабка Настя! — не удержался Варфоломей. — Не иначе, вы про моего брата рассказывали. Он должен был приехать сегодня из города.

Старушка недоуменно глядела на парнишку.

— Про какого еще брата? Ивана вашего я знаю, сроду он не был блондинчиком.

— Да нет, я про двоюродного брата.

Бабка зашевелила губами и закатила к нему выцветшие глаза.

— Какой же это двоюродный? Был у твоего отца брат Кастусь, сгноили его где-то жандармы. Но тоже цыган-цыганом.

Варька чуть не взвыл от злости и собрался было уйти восвояси, но тут бабка Настя его ошарашила:

— Чего же твой двоюродный мало погостил у родичей? Не с чугулки он шел, а как раз наоборот, к разъезду. Видать, к поезду поспешал.

— С желтой сумкой? На ремне?

— Говорю тебе, с саквояжем. И, видать, с тяжелым: когда беседу со мной повел, на травку его поставил. Потом, как папироски стал доставать, отстегнул замочки, так я приметить успела — там ящичек какой-то черный, вроде как из железа. С белыми завитушками по углам. Точь-в-точь, как у ксеидза, где он прячет святые дары после причастия...

Варька попытался склеить воедино разрозненные мысли. Желтой сумки нет. Зато есть железный ящик. Может, тот самый? И еще остаются туфли с острыми носками!

Варька примчался к жаткам, когда колхозники разбирали с телеги обед и дружно приглашали хлопцев подкрепиться вместе с ними. Неправдоподобно прозвучит утверждение, будто ребята стойко отказывались от борща и каши. Совсем даже наоборот. Потом отправились на берег Немана загорать.

На реке недалеко от берега зашлепало весло. Варька взметнулся на колени.

— Дядя Айвенго! Товарищ участковый! Давайте сюда. Ой нет! Погодите, я к вам в лодку сяду!..

Через минуту, когда отплыли, он взახлеб рассказывал участковому о бабке Насте.

«Дударь»

Зимой сорок второго года, вскоре после того, как началось наступление под Сталинградом, бывший кулак Болеслав Могилевский попал на фронт: добросовестным трудом в северном леспромхозе он заслужил право искупить свою вину перед народом в боях с фашистами. Воевал недолго: при первой возможности сдался в плен. Не наугад сдался, а с вполне определенным намерением вступить в армию генерала-предателя Власова.

С власовцами он познакомился еще в заключении. Группу изменников Родины привезли в лагерь, и двоих из них направили трелевать бревна на делянку, где орудовал мотопилой Могилевский. Хотя разговоры между заключенными не поощрялись, ему удалось многое узнать от украинца из-под Львова с лагерной кличкой Коломбина. Тот оказался тоже недавним зажиточным хutorянином, только разбогател он не на раках, а на шерсти: скупал ее по дешевке у гуцулов с гор и втридорога продавал городским шерстобитам. При первых известиях о Власове Коломбинский добился личного приема у генерала, понравился ему лютой ненавистью к коммунистам и сразу получил нашивки унтер-офицера. Усердствуя, проводил «чистку от большевистских элементов». В плен его взяли разведчики — пьяного после очередной «акции», в глухой смоленской деревушке.

— Житте, — вспоминал он о прошлом, — на большой! Во! Конечно, крови и криков бояться не приходилось. Зато себя господином над людьми чувствуешь. Ну, а в смысле пуль на фронте, дак здесь пуля конвойного еще ближе к тебе. Ну-ка, отбеги без дозвола по нужде, тут тебе и хана...

И хотя режим для Могилевского был несравнимо легче, чем у отпетых предателей, но первым вышел из строя, когда была объявлена запись во фронтовые стройбаты.

...Восстанавливая под минометным огнем мост через приток Дона, он дождался очередного взрыва, рухнул в холодную весеннюю воду и, прикры-

ваясь обрезком сваи, вышлыл на западный берег. Дальше все пошло как по маслу. Через месяц он уже жег партизанские деревни на Черниговщине. Под Ровно был контужен и временно лишился дара речи. После лечения его забрали тайным агентом по выявлению антифашистского подполья в польском городе Познани. Зная польский, русский, белорусский и уже неплохо немецкий, маскируясь под глухонемого скупщика старья, Могилевский доставлял для гитлеровской службы безопасности ценнейшие сведения об отважных, но не всегда осторожных патриотах. Приобрел солидный опыт агентурной работы, эсэсовское звание штурмфюрера и немалое количество золота.

Первое и второе ему здорово пригодилось летом сорок пятого, когда его завербовали спецслужбы Соединенных Штатов. Да, — Могилевский для них был ценная паходка: агентурно натренирован, без идейных колебаний, здоров, силен, решителен, жесток. Он прошел все испытания на «детекторе лжи», дополнительную годичную подготовку на ту же роль глухонемого, и в 1948 году встал вопрос о месте его выброски с парашютом. Когда сверили по картеке сеть имеющихся агентов в западных районах Белоруссии, на которых мог бы опереться в нужный момент их свежий коллега, обнаружилась поразительная вещь: там уже находилась завербованная родная дочь Могилевского. Хорошо это или плохо? Решили, что скорее хорошо: Леокадия как раз является

«теневогой фигурой», отключенной от активных акций, и если даже будет замечена встреча с ней Могилевского, роковых подозрений это не вызовет. Другое дело, что такая встреча должна быть событием исключительным и вообще, желательно, одноразовым — только в крайнем случае. В дальнейшем малейшая связь между красивой молодой учительницей и глухонемым бобылем каждому постороннему показалась бы подозрительной.

Новому агенту без всяких иносказаний поручалась диверсионно-террористическая работа: отравлять колхозный скот, поджигать общественные постройки, минировать мосты и дороги, приурочивая взрывы к проезду различных делегаций. Похищать из районной и политотдельской типографии шрифты с целью создать впечатление о существовании типографии нелегальной. Короче говоря, всячески инсценировать наличие разветвленного и энергичного антисоветского подполья.

Так мыслили разведшефы Могилевского. Так думал и «президент Белорусской народной республики» пан Абрамчик, которому показали нового агента перед отправкой на восток.

— Да-да, — сокрушенно качал головой гитлеровский холуй, обосновавшийся в Мюнхене. — К несчастью, поредели наши ряды в заповедных пущах Белой Руси. Ваш святой долг — снова вызвать к жизни, влить свежую силу в руку мстителей — благородных «лесных братьев». Рада БНР восславит вас после победы над коммунизмом...

«Дударю» было в высшей мере наплевать и на Раду, и на лицевого президента. Его интересовало, что ему дадут в этом довольно обшарпанном особняке. И ему дали: пан Абрамчик подарил Могилевскому собственный портрет с автографом. Присутствовавший при трогательной встрече земляков американский разведчик Стриф, который и готовил «Дударя», ядовито сказал Абрамчику:

— Вероятно, ващ гость ожидал чего-нибудь более существенного.

«Президент» только развел руками:

— Вы, господа, задерживаете наше субсидирование...

Грехи бабки Насти

Вернувшись в поселок, младший лейтенант как был в кирзовых сапогах, так и отправился к подполковнику. Тот поморщился:

— Что, разве уже отпала необходимость маскировать ваши визиты сюда?

— Отпала, товарищ подполковник. Так что тот действительно разматывал антенну, а в поселке его уже нет.

— Докладывайте подробно.

Айвенго доложил о Варфоломее и говорливой бабке Насте.

— Вы сами допросили эту бабушку?

— Никак нет. Прямо к вам.

— Деликатно побеседуйте со старушкой. Это очень важно. Узнайте все подробности.

Участковый нашел бабку Настю спящей в тенистых лопухах огорода. Видимо, старушка недавно пообедала: рядом на полотенце стоял недоёденный холодничек в миске и лежали малосольные огурчики. От бабки симпатично попахивало. Спросонья она не поняла сначала, зачем пожаловал участковый, и оправдательно залопотала:

— А угостили меня, милый, угостили. Своего не держу, не-е!

— Держишь или не держишь — это в другой раз, — добродушно пообещал Айвенго. — Мне другое сегодня интересно.

Обрадованная тем, что опасная тема беседы отпала, старушка вновь ударилась в восторги от утренней встречи с молодым человеком на лесной дороге. Он собирался вроде бы в Гродно (действительно, в шесть десять туда шел поезд), похвалил их поселок за красивый дом культуры (вот, паршивец, значит, все-таки был в райцентре и через площадь проходил!), полюбовался бабушкиными рыжиками и одобрительно отозвался о здешних лесах: «У вас, — говорят, — не только рыжики, но и медведями лес богат» (ишь, разоткровенничался, сукин сын!).

— А на каком языке, бабушка, вы разговаривали?

— По-польску. Не розуме он по-тутейшему.

Айвенго подумал. А, собственно, за какой на-

добностью тот останавливался возле бабки? Лясы поточить, рыжиками полюбоваться?

— Вспомни-ка, бабка Настя, больше он у вас ничего не спрашивал?

Старушка тоскливо посмотрела на пустой стаканчик. Айвенго хмыкнул:

— Да ладно уж, опохмелись для прояснения мозгов.

— Грехи наши, грехи! — причитала старушка, наливая в стаканчик. — Может, сам примешь? Ну-ну-ну, не гнепись, знаю, что на службе.

Через минуту, прожевав огурчик, она сообщила, что прохожий интересовался еще дорогой на Красовщину. Ну, она и показала ему новую дорогу, что к парому ведет.

— А зачем ему была та дорога, если он на разъезд собирался?

Оживившаяся после стаканчика старушка бойко заговорила:

— И сама диву даюсь, товарищ участковый! Еще и о колхозе тамошнем спрашивал, каким-то праздником в нем интересовался. Но пошел точно что на чугунку...

Подходя к площади, Айвенго встретил Варфоломея. Хлопец был мокр и тяжело дышал.

— Дядя Айвенго, я на вокзал бегал. Уехал тот. Нинка на разъезде кассиршей работает, Пашина подружка. Она ему билет продала до Гродно и сама видела, как он залазил в вагон.

— О билете мне известно, — ответил подполковник, выслушав последнее сообщение младшего лейтенанта. — О ящике тоже знаю: капитан приходил. Жалко, что хлопцы упустили свою находку. Кстати, о хлопцах: где вы добыли себе такого шустрого помощника? Мойсенович, говорите? А-а, братишка председателя из «Партизанской славы». Что ж, надежный соратник растет; из достойной семьи. Это не он топчется на той стороне площади?

— Он самый, — улыбнулся Айвенго. — Меня ждет — может, еще что поручат...

— Только осторожно поручайте, берегите ребят, — очень серьезно сказал подполковник. — Не в игрушки играем! А за информацию большое вам спасибо, особенно за Красовщину. Некоторые мои предположения, кажется, подтверждаются.

Он рассказал, что из Гродно получил сообщение: пассажир, приметы которого им передали, с указанного поезда в городе не сошел. Значит, вылез где-то на промежуточной остановке. Зачем? Сейчас почти ясно: чтобы вернуться. Куда? Похоже, что в Красовщину, раз он ею интересовался. Ну, а утренняя поездка на Гродно — это обычная маскировка, сделанная для отвода глаз.

— Вам сегодня, младший лейтенант, так и не придется надеть свою законную форму, — посетовал подполковник. — Догадываетесь, почему?

— Вечерний поезд встретить придется?

— Точно. Но на этот раз действовать будете

не в одиночку. Подключаю двоих оперативников — вернулись ребята из своего квадрата. От неудачи злые... Встретите на полустанке, не здоровайтесь. Вы понадобится для опознания. Сумеете его узнать?

Айвенго посидел несколько секунд с закрытыми глазами и сказал:

— Я его и до старухи представлял, а сейчас вижу, как живого. Даже ямочку на подбородке.

Подполковник засмеялся:

— Не увлекайтесь слишком! Ямочки встречаются не так уж редко. Кстати, не думаю, чтобы он постоянно щеголял в остроносых туфлях.

— Ясно, товарищ подполковник. Если он нацелился на Красовщину, то туда и по новой дороге в такой обувке не дойдешь...

На этом они расстались. У Айвенго гудело в ногах и животе: он с утра ничего не ел, а было уже три часа пополудни. Подполковник тоже отправился домой. Пообедал, второй раз за сегодня побрился, переделался в элегантный светло-серый костюм и отправился с визитом к ксендзу.

Отец и дочь

Болеслав Иосифович Могилевский за эти два года много раз встречал свою дочь, но так, что она его обычно не видела. Конечно, иногда она замечала на улице глухонемого, но он считал, что она никак не могла узнать в оборванном старике с запущенной бородой собственного отца. Она его помнила щеголевато одетым, с пышными выхлещенными усами, с гладко выбритым подбородком.

А он бдительно следил за каждым ее шагом, изучал распорядок ее жизни, знал привычки. Ему было известно, когда она возвращается домой, когда встает. Леокадия занимала небольшую квартиру в одноэтажном доме на две половины, в которую имелся отдельный ход. Старик знал скрип каждой половицы на квартирном крыльце. Внутри он проникнуть не решался, потому что ключ учительница всегда уносила с собой, но вечером долго виднелся свет в окне, и он умудрялся наблюдать за дочерью с высокого забора напротив. Леокадия обычно долго читала в постели, исправляла тетради на обеденном столе, иногда слушала маленький приемничек, стоявший на туалетном столике. Потом выключала свет, открывала форточку, и через минуту слышался скрип матрасных пружин. Молилась она, наверное, уже в постели.

«Кровинушка моя, дочушка, — скорбно думал Болеслав Иосифович, уходя в темноту со своего наблюдательного поста. — Вот до чего довели проклятые большевики: родной отец должен прятаться от дочери! А ты лучшие годы проводишь, как в монашеской келье. Такую ли жизнь готовил я для тебя!..»

Он знал о ее близком знакомстве с ксендзом, об их потаенных встречах, и не осуждал дочь.

Может быть, это ей необходимо для тайной ее работы, а может... сколько же ей сейчас лет? Еще и тридцати нет, а она мается в одиночестве без мужской ласки.

Однажды они почти нос к носу встретились на рынке. Дударь продавал золотистых лещей шириной в таз. К нему образовалась небольшая очередь, а в конце ее он вдруг увидел дочь. Через пару минут она вплотную подойдет к нему.

Ничего не объясняя покупателям, старик смахнул в мешок еще не проданную рыбу и быстро зашагал прочь. Хозяйки могли сколько угодно кричать ему в спину — глухонемой не слышит...

Однако месяц назад возникла прямая необходимость свидания. Дударь получил от резидента в Вильнюсе сообщение, что в их район на днях будет заброшен очень важный агент с секретным и ответственным заданием. Его надо принять в райцентре легально, потому что он должен ознакомиться здесь с некоторыми деталями для выполнения своей миссии. Поскольку сам Дударь, в силу «легенды» о глухонемом бобыле, не может прилично встретить гостя, необходимо подготовить к его визиту Леокадию. К ней он явится под видом племянника. Пробудет у нее недолго, тем не менее некоторая помощь ему, видимо, понадобится. Сам же Дударь обязан встретить агента у места его приземления или вызвать на себя условленным ночным сигналом.

Могилевский все обдумал. Раз «там» известны координаты поселка, то остается только навести самолет на ближний лес. Ориентиром послужит рыбацкий костер — дело безобидное — на берегу реки. Дударь встретит гостя и к утру покажет ему дорогу к Леокадии, куда тот явится под видом пассажира из Вильнюса.

Вскоре Дударь получил краткое одобрение предложенного им варианта и пошел на встречу с дочерью.

Шел он туда не без волнения. Выбрал раннее воскресное утро, когда людей на улицах почти не бывает, подстриг бороду, надел чистую рубаху, повесил на кукан две солидных щуки и с тем пожаловал к одноэтажному домику. Дверь была заперта изнутри. Постучал. Ответа долго не было, потом без обычного «кто там?» щелкнул откинутый крючок. Болеслав Иосифович осторожно вошел в крохотные сенки — пусто. Заглянул в кухню. Леокадия и там не было. Он отодвинул портьеру на двери, ведущей в комнату. Там шторы были задернуты, стоял полумрак.

Она стояла в узорчатом халате, судорожно стянув его на груди. Бледная, с широко раскрытыми глазами. «Испугалась такого страшлища», — подумал Могилевский и молча приподнял в руке рыбу.

Не спуская с него глаз, Леокадия тоже молча взяла ее, отнесла на кухню и на обратном пути вдруг упала на колени, уткнувшись головой в подол его рубахи.

— Тату... родненький тату, пришел все-таки! — шептала она иступленно, но без слез, и все ловила его пахнущую щуками руку.

...Через пару минут они тихонько сидели рядом на ее кровати и еле слышно шептались.

Да, она давно его узнала. Видела, что он наблюдает за ней. Но раз не подходит, значит, так надо. Значит — нельзя. Не могла же она подставить его под удар, первой кинуться на шею. Но сейчас... сейчас, раз он пришел, значит, всякая опасность миновала, и можно не таиться?

— Нет, еще рано, дочка, — покачал кудлатой седеющей головой пан Болеслав. — Но скоро кончатся наши муки... Пришла и твоя пора помочь в этом.

Он для верности назвал пароль, услышал отзыв и как можно детальнее рассказал ей о задании.

— Племянник? — удивилась Леокадия. — Но вдруг проверят мою биографию! У меня же не было ни сестер, ни братьев, откуда взяться племяннику?

— Двоюродный, — успокоил ее отец. — Был у тебя дядя Григорий, мой брат, у него сын Тадеуш, от него и твой двоюродный... А вот как его зовут, я пока и сам не знаю. Ничего, отрекомендуется.

— Трудно тебе, татусь! — шептала Леокадия. — Стареешь, живешь в одиночку, как зверь...

— Недолго уже осталось. Да и привык я.

Он осторожно гладил чугунной рукой ее белокурые волосы.

Зверем он бывал, когда выполнял кровавые задания своих хозяев. Нет, сам он не убивал сельских депутатов и районных финагентов, не вешал в лесу на березах колхозных комсомольцев и избачей. Он делал это чужими руками... Год назад, к примеру, он получил задание ликвидировать председателя сельсовета в глухой деревушке, чтобы доказать наличие бдительных подпольщиков — «мстителей», посеять страх среди сельских активистов.

Был в том селе недавно вернувшийся из заключения мелкий уголовник, отсидевший небольшой срок за кражу. И была у него молодая красивая жена, которая в его отсутствие несколько раз ходила к председателю сельсовета с просьбой походить о досрочном освобождении муженька. Сразу же по приезде домой тот получил однажды вечером анонимное письмо о шашнях супруги с председателем. Естественно, угостил жену кулаками, напился пьян и кинулся к «сопернику» выяснять отношения. Это все видели. Видели и кухонный нож в его руке. Пока односельчане догоняли его и следом вломились в кабинет, его хозяин был уже мертв.

...Ясно, что об этой и подобных историях Могилевский не стал рассказывать Леокадии. Надо ли смущать невинную душу...

Он поинтересовался ксеидзом.

— Общаемся негласно, — коротко ответила Леокадия. — Он знает, кто я, но, безусловно, выдавать меня не в его интересах. А ты с ним знаком?

Болеслав Иосифович подумал.

— Хожу в костел по праздникам. Все-таки католик. Пусть народ видит, что я не без креста. Охотнее будут рыбу покупать. Скажи-ка, дочка, как у тебя с деньгами?

— Ну как! Раз наблюдал за мной, то мог видеть, что живу на зарплату.

О некоторых подношениях, о курортном финансировании со стороны отца Иеронима она промолчала.

— А откуда — ни-ни?

— Вот именно. Честно говоря, я уже забывать начинаю...

— Но-но! — Могилевский кинул на нее быстрый взгляд. — Мысли эти выбрось — опасные мысли. Вот возьми-ка. Тут порядочно, надолго хватит. Но трать с умом, чтобы не бросалось в глаза. А пока все, негоже рыбному торговцу засиживаться у одинокой учительницы. Крепись, дольше ждали. Проводи меня на крыльцо. При прохожих выдай полсотни...

Так они и расстались. Пятнадцать минут свидания за двенадцать лет. Когда он ушел, Леокадия заплакала: проклятая жизнь!..

Откровения под георгинами

Отец Иероним встретил элегантно одетого гостя в дверях кабинета, пахнущего свежими цветами. Раскланялись они почти изысканно. Повинуясь учтивому жесту хозяина, подполковник расположился в массивном сафьяновом кресле. Ксендз уселся напротив в такое же. Был он подомашнему в легкой чесучевой куртке и изрядно помятых полотняных брюках. Извинился за туалет: сию минуту вернулся из сада, где подрезал георгины. Их пышный букет украшал письменный стол.

— Гражданин Савицкий, — начал гость, — мне, видимо, нет надобности рекомендоваться?

— Ни малейшей: всякий знает вас в районе. Кстати, поскольку мы беседуем в моем, а не в вашем кабинете, нам, может быть, позволительно избежать излишней официальности? В смысле «гражданин» и так далее. Мне, например, известно, что вас зовут Василий Кондратьевич, и если вы позволите...

Подполковник галантно позволил и выразил готовность именовать настоятеля костела Иеронимом Вацлавовичем. «Если, конечно, вас не будет шокировать такое сугубо мирское обращение».

— Все, что удобно вам, доставит удовольствие

и мне, — ксендз склонил голову в изящном полупоклоне.

«Что все это мне напоминает? — исподволь ображал Василий Кондратьевич. — А! Ну конечно же, встречу Чичикова и Манилова, только этого мне и не хватало...» Он поскорее перешел к делу.

— Иероним Вацлавович, это ни в коей мере не допрос, иначе...

— Иначе мы беседовали бы не здесь, — заулыбался хозяин. — Я весь внимание!

— Так вот: не посещал ли вас кто-нибудь на дому в течение вчерашнего утра, дня, ночи, а затем и сегодняшнего утра?

Ксендз недоуменно поднял плечи:

— Но, Василий Кондратьевич, мой дом посещает довольно много людей. Разве что только по ночам я избавлен от визитеров... Если не ошибаюсь, уже сегодня приходили шесть или семь человек с просьбами совершить требы: двое крестин, свадьба, похороны и так далее...

— Ну что ж, Иероним Вацлавович, я конкретизирую свой вопрос: не было ли у вас кого-либо из приезжих, то есть иногородних? Допустим, не заходил ли некий симпатичный молодой человек, который...

Ксендз тихонько засмеялся и погрозил пальцем:

— Поистине, ничто не скроется от ока власти предрержащих! И не надо смотреть на меня столь пронизательным взором: мне нечего скрывать. Действительно, не далее как перед обедом навещил меня сегодня юный гость и именно симпатичный. Мы с ним долго и оживленно беседовали.

Такая откровенность несколько обескуражила Василия Кондратьевича. Или у того типа железная легенда, или ксендз действительно не в курсе дела. И почему, собственно, перед обедом?

— Иероним Вацлавович, не сочли бы вы возможным посвятить меня в тему вашей беседы? — сказал Василий Кондратьевич и сам сморщился от вычурности фразы.

— Почту своим прямым долгом. Именно долгом, потому что я уже подумывал сам навесить вас и разъяснить кое-что лично, дабы в дальнейшем не возникло каких-либо прискорбных недоразумений. Одну секунду...

«О чем это он? — раздумывал Василий Кондратьевич, наблюдая, как ксендз роется в бумагах на письменном столе. — Неужели решил так-таки и «заложить» визитера из-за кордона?»

— Вот, уважаемый гость! — ксендз протянул исписанный лист бумаги. — Мы дискутировали с юным оппонентом о содержании моей последней проповеди в храме. Вернее, о ее латинской части. Его, видите ли, насторожила якобы имеющаяся некоторая тенденциозность, он даже сказал об оппозиции к существующему порядку. Больше того, он позволил себе усомниться в моей приверженности делу мира. Так вот: вы, пожалуйста, прочитайте перевод, а потом я в меру своих

скромных способностей постараюсь кое-что разъяснить.

«Что за дьявольщина! Кто поверит, будто агент с радиопередатчиком явился ради рецензирования проповедей провинциального попа! Но прочесть текст надо... Гм, действительно звучит не в унисон с веяниями времени, хотя это не новость, и ксендз уже предупреждался. Интересно, а что сейчас скажет автор проповеди насчет хотя бы этой самой «бэллум омниум» — всемирной войны...»

...Отец Иероним обратился к гостю с маленькой, но проникновенной речью. Конечно, запальчивость его сегодняшнего диспутанта понять можно: действительно, в тексте встречается воинственных слов больше, чем миротворческих, но (тут ксендз молитвенно возвел руки) — аудитор эт альтера парс — пусть будет выслушана и другая сторона, то есть он.

В Корее война идет? Идет. Коварный империализм угрожает мирным пашням? Безусловно. Как же можно усыплять людей лишь одним пацифистским сюсюканьем? Пусть гневные, пусть даже излишне (он допускает!) воинственные слова громом падут на головы генерал-президента Эйзенхауэра и его агрессивных приспешников. Другой направленности эти слова отнюдь не имеют. Нельзя столь однобоко, примитивно и, он бы с прискорбием сказал, заведомо недружелюбно толковать слова проповеди, как это сделал сегодня его оппонент, лишь потому, что настоятель костела не принадлежит к большевистской партии и лагерю атеистов. О молодость, молодость! О юный максимализм!..

«Вывернулся, иезуит, — почти весело подумал Василий Кондратьевич. — Однако чего это он сконцентрировался на проповеди? Хочет отвлечь меня от другого вопроса?»

Но отец Иероним еще не исчерпал тему. Он вдруг оставил патетический тон, понюхал гергины, поглубже уселся в кресло и почти интимно продолжил:

— Теперь позволю себе сказать самое главное и при этом надеюсь на вашу скромность. Итак, я человек, и ничто человеческое мне не чуждо — хомо сум... и так далее — не буду надоедать вам латынью. Так вот: в жизни я боюсь двух вещей — зубной боли и неудовольствия начальства. Его опала более опасна, чем даже гнев господень, потому что реально осязаема. Вам, разумеется, известно, чего хочет от восточных священнослужителей папский престол: быть в оппозиции к советской власти и призывать к тому же мирян. Я рискую быть циничным, но вынужден сказать: если и допускаю в проповедях некоторые... гм... заостренные грани, то с единственной целью — убогатворить начальство. Посылаю в округ для отчета желательные тексты, и мною в духовных верхах довольны. Но для вас — для вас! — все эти речи ни на гран не опасны, хотя бы уже по-

тому, что произносятся они по-латыни, которой никто из прихожан не знает. Это своего рода бутофория, мистификация, инсценировка — называйте, как хотите. Вот сейчас я высказался полностью и весьма вам признателен за терпение.

Действительно, это было порядочное испытание терпения Василия Кондратьевича. Ему-то был известен «актив» ксендза, снабжаемый из костела переводами проповедей. Ну да дьявол с ним и с его верой в заивность собеседника. Хуже, что время уходит, а ничего не прояснилось насчет загадочного посетителя.

— Ну хорошо, Иероним Вацлавович, эта тема для другого разговора. Вернемся к молодому человеку. Вы снабдили его чем-нибудь?

Ксендз изумленно поднял брови:

— Зачем? Он ничего не просил. Думается, ничего бы и не взял...

— Даже так? А куда он от вас пошел?

— Полагаю, обедать. К своему брату, секретарю райкома партии Дмитрию Петровичу Вершинину.

...Их прощание опять-таки было выдержано в гоголевских тонах. Но чего это стоило Василию Кондратьевичу!

Выкупался — поболтай...

— День добрый!

— Салют звеньевому!

Обменявшись приветствиями прямо посреди площади, старые друзья пару минут награждали друг друга нежными шлепками: Варьке попало по макушке, Алексею по животу. Установив затем, что они взаимно соскучились (ровно сутки не виделись), приятели продолжили обмен информацией: выяснили, что Варфоломей идет куда глаза глядят, а Алексей — от ксендза.

— Иш-шо чего, — приоткрыл рот Варька.

— Именно так, дружище. И потому чувствую себя несолько липким. Идем купаться.

Место оказалось отличное: чистейший пляжный песочек, а рядом травка, чтобы обтереть ноги. Глубина — какая душе угодно: шагов двадцать — до пупка, а там и с маковкой. Алексей продемонстрировал кроль, а Варька мощные саженьки, причем от напарника почти не отставал. Только дольше отдувался на берегу.

— Силен, — похвалил его Алексей. — Ладно, научу тебя кролю. А чего ты вдруг бездельничать? Вроде, на тебя не похоже.

Варфоломей сказал, что определенную норму он сегодня уже выполнил: притащил сестре трех язей, доставил с хлопцами обед на поле, прокатился с Айвенго, сбегал на полустанок. И даже пообедал. А сейчас — на распутье, поскольку конкретного дела пока не видит. Но думает, что до вечера оно еще найдется. Была бы шея, а хомут...

— Зачем на вокзал галопировал?

Варька покряхтел на песке. Пора или не пора посвящать Алексея в тайные дела? Прямого запрета на этот счет от Айвенго не поступало. Хотя и разрешения тоже. С другой стороны, Алексей не новичок в подобных вещах: историю с бандой Бородатого помнят здесь до сих пор. А в-третьих...

— Сам-то не говоришь, зачем ходил к ксендзу...

Алексей тоже закряхтел. Не иначе, лично сатана его соблазнил на этот идиотский поход. Осталось впечатление прикосновения к скользкому и неуловимому существу. Он никогда не обращался с осьминогом, но у Гюго в «Тружениках моря» описано что-то похожее. На любой гневный и, казалось бы, неоспоримый аргумент Алексея ксендз находил два-три возражения, смягчая их витиеватостью речи. Наконец, Алексей решил разрубить всю эту паутину ставшего бесцельным спора прямым, как гвоздь, утверждением: «Все равно вы классовый враг Советской власти!» На что получил снисходительный ответ: «Как видите, и ваши доводы противоречивы: вы же утверждаете, что классовая борьба в стране больше не имеет места. Что касается вреда, то, будь я таковым, я бы, наверное, не благоденствовал в здешних умеренных широтах».

Ушел Алексей взбешенным. Соня права: кавалерийским наскоком здесь не обойдешься. Да еще неизвестно, как Дмитрий отнесется к его самостоятельной антиклерикальной акции. Сказано ведь было — не связывайся...

— К ксендзу я ходил, видимо, за сплошными неприятностями, — мрачно ответил Алексей на вопрос Варфоломея.

Тот почему-то вполне удовлетворился лаконичностью ответа:

— Во-во! Только беду и наживешь. Я раз на минутку заскочил в костел, так меня два часа песочили на сборе.

Алексей об этом уже знал из Сониного рассказа. Но, оказывается, не все знал. Когда Варька вынужденно упустил зловерного хуторского Стефку, он с досады плюнул. И сразу угодил в цепкие лапы костельного старосты. В одной руке тот нес не проданные за обедню свечи, а другой скрутил Варькин воротник.

— На божий храм плюешь, бахур! А ну пошли...

Дюжий староста повлек его в костельную пристройку — притвор, где ксендз переоблачался после службы. Тот был не один. Прислонившись к мозаичному окну, стоял глухонемой Дударь. Они о чем-то разговаривали — это Варфоломей отчетливо слышал.

— Вот, пане ксенже! Это хамово отродье плевалось в стенах святого костела!

Ксендз оглядел Варьку и брезгливо сказал:

— Простим недомыслие отроческое... Отпусти его с молитвой.

Варфоломей получил молитвенное напутствие

в виде подзатыльника и вылетел наружу. И уже за дверьми вдруг вспомнил о разговоре за дверями притвора. Да, там слышался не только мягкий голос ксендза, но и другой — бас! Ци-и-каво! ¹

Сейчас он спросил у Алексея:

— Скажи, глухонемые могут разговаривать?

— Между собой — да. Знаками.

— Никакими не знаками, а басом! Могут? Хотя бы иногда? Вдруг у них такое время бывает: вылечивается голос. А потом он опять немой.

— Не говори вздор, ты же умный парень. Не бывает такого. В чем, собственно, дело?

И тут Варфоломея словно прорвало. Начав с костельного притвора, он рассказал о Дударе, о высокопородистых червях и загадочном ящичке, о бабке Насте и лесном прохожем. Сама собой возникла фигура Айвенго.

«Ну, — раздумчиво произнес про себя Алексей. — А не имеют ли все эти туфли, ящики и сумки роковой связи с закордонным самолетом?» Он еще поразмыслил и решительно попросил:

— Познакомил бы ты меня, Варфоломей, со своим мэтром.

— С Айвенго? Гы-ы, это вставить надо до зари! Только так и поймаешь его на берегу. Да и то, если не с севера ветер. Когда северный, рыба не клюет. Тогда он дома книжки читает. Какую-то... крем-налист... Не выговорю.

Потом подумал и добавил:

— Ладно познакомлю. Может, даже сегодня, хотя тут секретное дело.

Алексей улыбнулся: опять секреты! Варфоломей обиделся. Конечно, не на весь же свет орать, если Айвенго и ему прямо не сказал, а только осторожно спросил: «Слушай, друг, ты был на полустанке. Там сразу за кассой стоял стожок сена. Не заметил, есть он или уже сvezли?»

Варька все заметил: стог стоял на месте.

Скипидар против снобизма

— Итак, резвимся. Дон-ки-хотству-ем, — Дмитрий разделял слога глотками кофе. — С поднятым забралом на штурм ци-та-дели Ватикана! Белый флаг капитуляции с собой увезешь или нам от щедрот своих пожертвуешь — сыром и убогим?

Да, издеваться старший брат умел, это Алексей знал с детства. Только до конца никак не мог понять, когда Дмитрий злился, а когда просто насмехался. Сейчас он, кажется, делал то и другое. Не без юмора он рассказал о приходе в райком Василия Кондратьевича. Тот вежливо поздравил секретаря с приездом в гости младшего братца, мимоходом поинтересовался его жизненными устремлениями, а потом напрямик заявил: «Знаете,

¹ Интересно (белорус.)

ваш младшенький мне сегодня довольно коварно перебежал дорогу». И рассказал о своем randevу с ксендзом. «Понимаете, ваш расторопный братец едва не сбил меня с правильного следа. Конечно, нечаянно, но я уши развесил, вникая в тонкости его теософского спора с преподабным настоятелем, а время-то уходило. Драгоценное время оперативника! Откровенно скажу, когда ксендз раскрыл мне имя своего посетителя, я их обоих мысленно послал довольно далеко».

— Не икнулось? — поинтересовался Дмитрий Петрович. И взмолился: — Ну что, на канат привязывать тебя? Где ты раздобыл эту сволочную проповедь?

На кухне Соня предупреждающе грохнула посудой.

— Не сигнализируй! — повысил голос Дмитрий. — Ах, как трудно догадаться, что тут не обошлось без моей любезной женушки. Вы что — втроем решили меня доконать?

— Почему — втроем? — возникла в дверях Соня.

— А как же! Лялька меня утром гладит по затылку: «Папочка, ты райкомщик? Бедненький, нелегкая у тебя жизнь!..» Чьи это слова, филантропы чертовы?

Но сделанного не поправишь. Да, в конце концов Алексей не очень и раскаивался в своем посещении. Конечно, не штурм, но все-таки сигнальный выстрел. Сейчас его интересовало другое: как отправиться на вечернюю прогулку с Варфоломеем? После случившегося он вроде бы снова почувствовал себя перед старшим братом несовершеннолетним. Однако никто его удерживать не собирается. Дмитрий и Соня шли в кино и по дороге уводили Ляльку к Люде-капитанше.

— Пусть со мной останется, — сдвуршничал Алексей.

— На двадцатом году жизни летние вечера не проводят с младенцами, — сказала Соня. — Но, может быть, ты с нами пойдешь, в кино?

— Интересно ему ходить туда с женатиками, — хмыкнул Дмитрий. — Он с другими пойдет... Куда, кстати?

— Н-ну, мы погуляем, — неопределенно ответил Алексей.

— Вот-вот, он погуляет, — с незлобным уже сарказмом пробурчал Дмитрий. — Будет наблюдать мигающие и падающие августовские звезды. А не упадет ли в очередной раз на его голову что-нибудь потяжелее, поскольку данный мыслящий объект фатально притягивает на себя из макромира самые, пардон, дерьмовые булыжники?

— М-и-т-я! — укоризненно протянула жена.

Алексей посидел в одиночестве и решил никуда не идти: настроение было испорчено. Но Варфоломей этого не знал. Для него всякая договоренность была законом. В полдевятого он был под окнами Вершининых.

— Ну чего-о ты! Не пускают? Меня и то Прасковья отпустила.

— Да?! — удивился Алексей. — А что она делает?

— Она, по-моему, злится. Ну, что мы ее не позвали с собой.

Они все-таки ее позвали. И опять той же троицей, как было давным-давно, отправились на прогулку. Только на этот раз Варфоломей был флагманом, а не плелся в хвосте. В лесу сумерки сгущаются быстро, и он спешил показать Алексею как можно больше достопримечательностей. Вот отсюда начинается полоса «подсочки»: из основных стволов добывается смола-живица, и идет она на смолоперегонный завод, к брату Ивану. У одной из сосен под широкой насечкой в виде оперения гигантской стрелы Варька отколупнул жестяную воронку, полную застывшей янтарной массы, и понес Алексею. При этом он сообщил, что такие сосуды укреплены на деревьях в количестве 3772. Ни больше, ни меньше. Он сам считал. Зачем? А для математики. В каждой воронке бывает по 250—300 граммов смолы. Значит, только с этой делянки Иванов завод получит больше тонны сырья!

Конечно, для Алексея сбор живицы не был новостью: «подсочку» он встречал в тайге нередко. Но всегда равнодушно проходил мимо. Зачем ему смола? А сейчас хозяйственный хлопек посвятил его в некоторые детали применения живицы. Скипидар он знает? По запаху только? Э-э, без скипидара и сапожной ваксы не сделаешь. Хорошая краска и лак без него тоже не бывают. Говорят, и доктора его употребляют на мази. Но главное — без него в хозяйстве не обойтись.

Тут вмешалась Паша и добавила, что скипидар используют даже в парфюмерии. Алексей удивился: с такой-то вошью? Оказывается, из скипидара, если он, конечно, богат пиненом, добывают душистое вещество терпинол, а вот у сульфатного скипидара, содержащего меркаптин, действительно очень неприятный запах.

— Откуда у тебя такие обширные познания в этой... смолологии? — искренне удивился Алексей.

Паша укоризненно взглянула на него.

— Просто химия мой любимый предмет. Могу для сведения сообщить, что поступаю на заочное в менделеевский. Экзамены сдала, теперь жду вызова.

— Н-да...

Алексей узнавал о своей спутнице все больше нового.

А Варфоломей тем временем умчался вперед, к крохотному стационарному домику лесного разъезда.

Он искал своего друга Айвенго, чтобы познакомиться с Алексеем.

Но участкового не увидел.

«Нельзя ли для прогулок...»

Увидеть его было невозможно, разве что услышать, потому что младший лейтенант лежал в стоге сена и ругался. Не громко, но выразительно. На сочном партизанском диалекте, привлекая также некоторые лексические обороты карпатских охотников, достигших в ущелье вместо горного козла удравшую домашнюю овечку. Участковый понял, что именно Варфоломей приволок сюда парочку, так как ясно расслышал безмятежное заявление парнишки:

— Ничего, он обязательно появится, тогда познакомлю.

«Не иначе, меня ищет, — догадался Айвенго. — Но как догадался, что я пойду на разъезд? А! Сам же я ему сболтнул что-то про сено. Ну, сообразительность у хлопца! Не хватало еще, чтобы он в стогу рыться начал...»

Айвенго обрадовался, увидев, что из кассы вышел широкоплечий молодой человек и направился к компании.

Был он постарше Алексея, одного с ним роста и одет почти одинаково — в легком летнем костюме и пестрой тенниске. Он радушно улыбнулся студенту и предложил ему пройти по маленькому перрону. Алексей с легкой тревогой взглянул на Пашу, но девушка спокойно кивнула — она знала этого человека. Издали она видела, как собеседники предъявили друг другу какие-то книжицы, обменялись несколькими фразами и мирно вернулись. Широкоплечий снова зашел в кассу, а Алексей, довольно мрачно поглядев ему вслед, взял Пашу под руку, Варфоломея — за воротник и повлек их обратно к лесу.

— Нам только что популярно разъяснили, — сказал он, — что вечерний перрон не лучшее место для праздных прогулок.

Варфоломей отреагировал бурно:

— Был бы Айвенго, он показал бы, как нас гонять! Что — поглядеть нельзя, как шпионов арестовывают? Только в кино и видишь...

— Варфоломей, ты не бредишь? — обеспокоилась Паша. — Какие шпионы, что за аресты! Знаешь, Леша, он по ночам бормочет, какого-то Штюбинга ловит, фрейлейн Терезу вспоминает. Насмотрелся в кино...

На этот раз Алексей слушал ее невнимательно. А ведь Варфоломей прав: их удалили с полустанка недаром, что-то там явно предпринималось. И чекист этот в штатском на разъезде оказался не случайно. Да и милиционер, по мнению Варфоломея, должен был находиться там же.

— Слушай, друг, где все-таки твой Айвенго?

— В сене. Был. Это точно, он сам про стожок спрашивал. А сейчас не знаю — поезд-то уже пришел и ушел.

Они не спеша продолжали путь по рыхлой гравийной дороге в сторону поселка. Вскоре сзади послышался хруст щебенки: их догоняли пассажиры, сошедшие с поезда. Обогнала тетка с двумя сумками через плечо и белеющей на шее связкой сдобных баранок — такие в райцентре не выпекали, возили из города. Потом парень с девушкой в обнимку. Торопливо прошагал высокий мужчина в кителе без погон и в блестящих при луне сапогах, с чемоданчиком в руке, а за ним... Айвенго.

Варфоломей толкнул Алексея в бок: «Он!» — и рванулся было к своему другу, но Алексей инстинктивно задержал его, схватив за рукав. И тут ему показалось, что участковый благодарно улыбнулся.

А вскоре проехал на велосипеде тот самый широкоплечий. Он, словно на прогулке, медленно крутил педали и легонько насвистывал «Прекрасную маркизу». Поравнявшись с указателем «Красовщина — 8 км», велосипедист туда и свернул, помахав на прощанье рукой.

Не успели они отойти от указателя сотню шагов, как сзади, со стороны красовщинского свертка, раздался приглушенный крик: «Студент! Вершинин! Сюда, быстро!»

Побежали все трое. Метрах в пятидесяти от поворота поблескивал никелем на дороге брошенный велосипед. Его хозяин сидел на бровке кювета и держал на коленях голову другого человека.

Младшего лейтенанта милиции Айсидора Венедиктовича Горакосы. Или просто — Айвенго.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

КЛАДЫ БАБУШКИ СУНДУКОВ

**Юрий
КУРОЧКИН**

*Заставка
З. Баженовой*

Бабушкин сундук... Не обязательно, конечно, сундук — этот ныне уже забытый в обиходе ящик, окованный полосками мороженого железа и снабженный внутренним замком с мелодичным звоном. «Сундуком» может быть и плетеная из ивовых прутьев корзина, овальный фанерный баул времен первых пятилеток, старинная резная шкатулка с картинками на внутренней стороне крышки и даже какой-нибудь жестяной ларец изпод леденцов с непонятной надписью «Ландрин».

Такие сундуки и шкатулки были, да еще и сейчас есть почти в каждом доме, даже и в современном высотном...

С ними обычно связаны воспоминания детства — именно там жил какой-то отличный от окружающей обстановки мир: непонятного назначения вещи, бумаги, фотографии. Наши деды и бабки видели во всем этом что-то очень памятное и дорогое им и иногда в одиночестве, с лицом, освещенным теплой грустью и сосредоточенностью, неспешно перебирали содержимое своих заветных хранилищ.

А нас влекла к этим вещам

лишь их необычность, непонятность их назначения, как тогда влекло к себе вокруг все, еще не познанное за первые годы жизни.

...Юноша увидел в дедовой шкатулке красноармейскую звездочку времен гражданской войны, и пора эта встала перед ним кусочком времен гражданской войны, заставившей о чем-то задуматься — может быть, и о своем месте в жизни. Девушка, обнаружив в бабушкином сундуке кружевной воротник, с восторгом примерит его перед зеркалом (мода, как известно, периодически возвращается на круги свои), и ей непременно упадет в душу память о мастерстве и вкусе народных мастериц прошлого, ее предков по времени и по труду. Да и отец этой девушки, сын ее бабки, тоже с волнением возьмет в руки лист плотной и жесткой, как кожа, бумаги — давний документ, свидетельствующий о трудовых или ратных заслугах перед Родиной своих дедов и прадедов.

В каждом из них содержимое сундуков вызывало чувство приобщения к Истории, ощущение Времени.

Не ко всем и не всегда, к со-

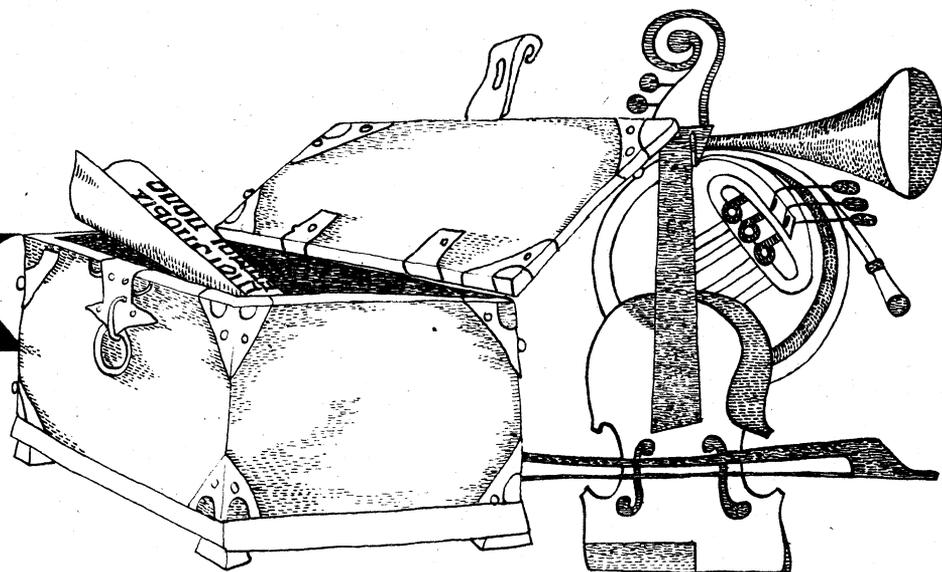

Юрий Михайлович Курочкин — один из основателей журнала «Уральский следопыт». И до сих пор он состоит членом редколлегии журнала.

Ю. М. Курочкин — автор десяти популярных книг, таких, например, как «Золотая долина», «Памятные тропы», «Легенда о Золотой Бабе», «Приключения «Мадонны»... Почти все эти произведения впервые увидели свет на страницах «Уральского следопыта».

В Средне-Уральском книжном издательстве вышла очередная книга очерков Ю. М. Курочкина. И на этот раз многие из них ранее печатались в журнале «Уральский следопыт». Ниже публикуется один из новых очерков, вошедших в книгу.

НЫХ

жалению, приходит это возвышенное и возвышающее человека чувство, тем более, что и старые сундуки встречаются все реже и реже — не всегда потомки проникаются уважением к ним и хранят давние отслоения дней, нередко выбрасывая их при очередной генеральной чистке квартиры или при переезде. И мы должны быть благодарны тем, кто сумел сохранить осколки прошлого, — с течением времени они становятся важными не только для истории семьи.

...В этот дом меня привело сходство фамилий его хозяйки и человека, которым я давно интересовался, — на протяжении всей второй половины XIX века его имя встречалось в качестве капельмейстера театральных и клубных оркестров Урала. Имени и отчества музыканта я не знал — их тогда как-то не принято было указывать, разве что исключая бенедикты и... некрологи. А выяснить хоть какие-то биографические данные и сохранить их для будущего было бы важно — мы так мало еще знаем о культурном прошлом края, о круге лиц, способствовавших его становлению, и неблагоприятно для нас оставить навсегда в забвении их имена.

Так я оказался в современной квартире в одном из новых домов на юго-западе Свердловска. Современная мебель, новейшей марки телевизор, телефон и прочие предметы нашего времени мирно и, пожалуй, даже уютно соседствуют с вещами явно давнего происхождения, знакомыми теперь разве что по иллюстрациям и по историческим фильмам, — вольтеровским

креслом и резным буфетом, инкрустированными шкафчиками, картинами в тяжелых рамах и прочими вещами, от которых, кажется, даже исходит запах старины. Старое и новое тут соседствуют, не только не мешая одно другому, а, скорее, дополняя друг друга. В этом видится умение ценить старину и в историческом и в бытовом смысле, не пренебрегая и тем, что дает наш комфортный век. Сочетание старого и нового здесь не дань моде (встречается ведь, что и лапти вешают в комнате ради моды) или традициям, а пример естественности назначения вещей.

Хозяйка квартиры, кандидат медицинских наук Елена Сергеевна Тихачек, органично вписывается в такой интерьер — черты современной деловой женщины тонко сочетаются с изяществом старомодной интеллигентности.

— Да, Тихачек — это мой предок. Вернее — предки: дед и прадед. Оба музыканты, оба руководили оркестрами, поэтому и немудрено и спутать их, свести в одно лицо. К сожалению, я не так много знаю о их музыкальной деятельности, на роль биографа не гожусь. Но попробуем что-то выяснить по сохранившимся бумагам и семейным реликвиям...

Елена Сергеевна вынесла из другой комнаты... ну, конечно же, шкатулку (первую из тех многих, что потом выносились), и мы начали потрошить ее, подвергая перекрестному «допросу» каждую вещь или бумагу, дополняя рассказ хозяйки о семейных преданиях моими комментариями там, где это касалось истории края.

Скажем сразу, сенсационных открытий сделано не было. Но разве только ради сенсаций ведется какой-то поиск? К тому же то, что для одного сенсация, для другого, третьего лишь малоинтересный факт. А то, что мы называем мелочами, порой обретает немаловажное значение.

Первым извлеченным из шкатулки экспонатом оказался тот, с которого, несомненно, и следует начинать историю династии Тихачеков на русской земле. Это вырезка из пражской газеты, неизвестно какой, судя по объявлением на обороте, — от 1861 года. Заметка в хронике новостей гласит:

«На Урале, в России, чешский дирижер Ян Тихачек, известный пражанам своим секстетом, имеет большой успех. Два года назад он был приглашен в Екатеринбург и создал там оркестр из 12 музыкантов, преимущественно из рабочих рудников на Сергинском заводе. Талант и настойчивость Тихачека привели к тому, что в этом русском городке сейчас не только устраиваются регулярные концерты, но он со своим небольшим оркестром совершает поездки по ярмаркам, где наряду с обилием похвал также собирает и серебряные рубли».

Серебряные рубли здесь упомянуты, конечно, как более весомое свидетельство успеха, чем обычные похвалы.

Вот, значит, как появилась на Урале династия Тихачеков и вот как начиналась здесь карьера чешского музыканта, приехавшего в 1859 году из Праги. Возможно, вначале он и не думал переселять-

Карикатура М. и В. Тихачев в журнале «Гном».

ся сюда совсем — справка пражской школы (это уже второй документ из пикатулки) свидетельствует, что его старший сын Иосиф до 1863 года еще учился в Праге.

Что побудило чешского маэстро остаться здесь — выгодный ли контракт, привязанность ли к новому, полюбившемуся ему краю, к его людям, к делу, которое он здесь успешно начал и не хотел бросить, — кто знает. Может, этому решению способствовала и политическая обстановка на родине, в Чехии, входившей тогда в состав Австрийской империи, славянским народам, насильственно включенным в это государство, жилось нелегко в атмосфере австрийского шовинизма.

Как бы то ни было, Ян Тихачек остался в России, перевез сюда семью — жену Марию, сыновей Иосифа и Александра и дочь Марию, обрусел, стал писаться Иваном Ивановичем, хотя долгое время еще числился австрийским подданным, что давало известное преимущество при возможных конфликтах с местными властями.

Сегодня, конечно, несколько странно то, что даровитый музыкант с именем, хорошо известным в одной из музыкальных столиц Европы¹, оказался на каком-то малозаметном заводе Среднего Урала. Но это он, завод, потом стал малозаметным, а в те годы, когда

туда приехал Ян Тихачек, Сергинские заводы наследников купца Губина пребывали в богатстве и славе.

Юридические хозяева заводов были еще малолетними, и управлял предприятиями фактический владелец, отчим наследников Губина — Павел Ушаков. Столичный жуир, женившийся на богатой вдове, он совершенно не интересовался заводами, видя в них лишь бездонный источник доходов, которые он нускал враспыл на свои прихоти, подражая примеру Демидовых, Строгановых, Всеволожских, не считаясь с разницей масштабов состояния.

Примечательно письмо Ушакова из Петербурга от 26 января 1861 года Тихачеку в Нижние Серги.

«...Посылаю в Главную контору для передачи Вам полное собрание двенадцати опер... Теперь Вам остается переписать для каждого инструмента и, когда приеду на заводы, порадовать меня успехами... Все вместе мне стоит более трехсот рублей серебром, которые я приношу заводам в подарок. Надеюсь, что моя капелла... постарается оправдать эти попечения и утешит меня успехами».

Утехи, среди которых собственная капелла была лишь каплей в море несусветных трат, кончились довольно скоро и печально. Не довольствуясь поступившими от заводов средствами, Ушаков решил еще и смошенничать — заложил в банк несуществующий металл и попался на этом. Разразилось громкое дело.

Оно, кстати, послужило Д. Н.

Мамину-Сибиряку одной из сюжетных основ его первого романа «Приваловские миллионы». Историю Сергинских (в романе Шатровских) заводов он использовал для описания истории наследства Приваловых. В черновых записях к роману есть такие строки, записанные со слов старожилков:

«Дело обнаружилось в Нижнем (Новгороде) в 1863 г., и Министерство финансов преследует Ушакова уголовным порядком и взыскивает убытки казны. Дело кончилось только в 1874 г. в Сенате. Ушаков обвинен в мошенничестве, лишен прав и сослан в Сибирь, а взыскание убытков присуждено с имущества Ушакова в сумме 930 000 р.»

Но, как выясняется из дальнейших записей, влиятельный жулик сумел выкрутиться, да еще за чужой счет: «Ушаков умирает генерал-майором. Министерство переносит долг Ушакова на наследников Губиных, т. е. на их заводы, что составляет с процентами 2 миллиона». (Записи эти хранятся в фонде Д. Н. Мамилы-Сибиряка в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина).

В этих условиях капелла Тихачека была ликвидирована одной из первых среди других утех и затей Ушакова. Капельмейстер остался не у дел.

Памяткой об этом, казавшемся вначале безоблачным четырехлетием, в архиве Яна Тихачека осталась любопытная реликвия — его музыкальное произведение, изданное в Праге Изефом Салеком в начале 1860-х годов. Название его, совмещенное с посвящением, напечатано на фоне гравюры золотом на трех языках — русском, французском и чешском:

«Приветствие чеха из гор России! ПОЛЬКА-МАЗУРКА для фортепиано, сочиненная и посвященная почтенному соотечественнику Антону Антоновичу Лебеде в Праге Яном Тихачеком, капельмейстером на Сергинском заводе в Уральских горах».

Примечательна и гравюра на обложке нот: музыкант со скрипкой в руках, стоя на лесистой скале, в пещере которой спит медведь, приветственно машет шляпой другому берегу водной глади, где видны башни и шпили Златой Праги.

Проставлен, как водится, и порядковый номер сочинения композитора — опус 8. Значит, было еще семь, но ни эти, ни последующие не сохранились. Музыка польки-мазурки, очень живая и мелодичная, легко запоминающаяся, несомненно, пользовалась успехом в свое время, да и сейчас, наверное, привлечет внимание.

Не вызывает сомнений, что

¹ Кстати, возможно, родственник одного из выдающихся чешских вокалистов Иосифа Алоиса Тихачека (1807—1886), ведущего солиста Дрезденской оперы, друга Вагнера и первого исполнителя главных ролей в его операх.

Антон Лебеда, которому посвящено сочинение, давний и близкий друг музыканта — он еще долго писал ему в Россию. Одно из его писем — на бланке редакции «Лагер альманаха», а это позволяет предположить, что журналист и литератор Лебеда был и автором заметки о Тихачеке в пражской газете — подписе Далебор, вероятнее всего, анаграммой фамилии Лебеда.

Кстати, о письмах. Их сохранилось много — в 60-х и начале 70-х годов Ян Тихачек вел оживленную переписку с пражскими родными и знакомыми. Надо думать, в ней отразились не только семейные события, но и новости общественной жизни, небезынтересные для нас и сегодня. Но письма пока остаются немymi — для того, чтобы их прочитать, надо перевести, а прежде чем перевести, предварительно расшифровать. Дело в том, что написаны они готической скорописью, которой тогда учили во всех австрийских школах, а ныне редко кто знаком с нею.

Итак, с Нижними Сергами, местом, которое обещало быть обетованным, но не оправдало ожиданий, пришлось расстаться. Без дела, конечно, Тихачек не остался — квалифицированный музыкантов на Урале в те годы было не густо. Начался новый этап его жизни.

Сохранилось «Условие», то есть договор Екатеринбургского благородного собрания (местного клуба) с оркестром во главе с капельмейстером Тихачеком на обслуживание балов и концертов клуба в сезон 1863/64 года, на котором, кстати, есть пометы о его продлении до 1867 года.

Документ важен и тем, что рассказывает об условиях работы оркестра, и тем, что он донес до нашего времени фамилии его участников, семнадцати музыкантов, чьи корявые и не очень грамотные подписи остались на договоре — ведь это имена одних из первых у нас профессиональных музыкантов. Судя по их с трудом нацарапанным подписям и по типично уральским фамилиям, это, вероятно, и есть те самые рабочие нижнесергинских заводов, составившие в свое время капеллу Тихачека.

Стоит, по-моему, привести их имена, они пригодятся будущему историку культурной жизни края. Вот они: Матвей Шмелев, Василий Крутиков, Иван и Алексей Комаровы, Константин Рясасов, Осип Лескин, Андрей Спирын, Василий Старостин, Осип Коробицын, Алексей Засыпкин, Василий Журавлев, Василий Полетаев, Василий Наза-

ров, Петр Русаков, Семен Палымов, Александр Русаков, Иван Свалов. Кто знает, может, кто-нибудь из их потомков до сих пор не потерял связи с музыкой, участвует в самодеятельности Нижнесергинского района...

В контракте с клубом оркестр выговорил себе право: «В великий пост музыканты освобождаются на четыре недели для поездки в Ирбит». И использовал его — ежегодно оркестр отправлялся на ярмарку, это знаменитое торжище на рубеже Европы и Азии. В «Ирбитском ярмарочном листке» тех лет можно было видеть сообщения: «В гостинице «Ярославль» играет оркестр Тихачека из 17 человек». Ярмарочные корреспонденты различных газет с похвалой отзывались об его игре.

Однако игра на балах в клубе и в ярмарочных гостиницах едва ли могла удовлетворить серьезного музыканта. Ян Тихачек возобновил летний концертный сезон на Сергинских минеральных водах, принадлежавших губинским заводам и захиревшим после их краха. И при первой же возможности, в 1869 году, принял на себя руководство оркестром городского театра в Екатеринбурге, которому требовался опытный дирижер-постановщик. И так поставил дело, что, как писали в газетах: «В здешний театр многие приходили... единственно для того, чтобы послушать превосходную игру капельмейстера г. Тихачека».

В этих же шкатулках, принадлежавших Еленой Сергеевной, оказались и две фотографии. Можно подумать, что на них изображен один

и тот же человек — тот же покроем платья, белья, такой же галстук, даже поза та же. И сняты в одном городе — Нижнем Новгороде, хотя и в разных фотографиях. Но, взглядевшись, видишь разницу в возрасте, а поскольку снимки, несомненно, сделаны в близкие друг другу годы, то ясно, что на них два разных лица. Это отец — Ян Тихачек и его сын Иосиф.

Кстати сказать, на каком-то этапе восстановления семейной хроники сведения об отце и сыне так переплелись, что сейчас уже трудно разобраться, когда о ком из них идет речь в сохранившихся бумагах. Тем более, что и инициалы у них схожи.

К тому времени (конец 1870-х — начало 80-х гг.) Иосиф не только подрос, а стал вполне взрослым и тоже обнаружил незаурядные музыкальные способности. Играл в театральном и клубном оркестрах, пробовал себя в качестве дирижера (а потом и утвердился в этой специальности, как бы сменив отца), давал уроки музыки, в том числе на своем любимом и редком тогда инструменте — корнет-а-пистоне.

И все-таки штрихи к биографии Иосифа Тихачека представляли бы лишь семейный интерес, если бы не сохранились в его бумагах кое-какие документы и материалы, интересные и в другом, более широком аспекте.

Вот, скажем, письма Михаила Александровича Завадского — актера, режиссера и антрепренера, широко известного в театральном

Рисунок из альбома Тихачеков

мире последней четверти XIX века. Неумолимо время оставило нам очень мало данных о нем — несколько сухих строк в мемуарной литературе и в примечаниях к некоторым театроведческим трудам. Между тем это был незаурядный актер и безусловно интересный человек. Уроженец Польши, он учился у знаменитого музыканта и композитора Моцарто, но стал не музыкантом, а актером, особенно популярным в опереттах и водевилях. Завадский объехал почти всю страну, служил в десятках антреприз, пробовал и сам антрепренерствовать, но неудачно (не имел коммерческой жилки). Несколько лет служил в Екатеринбурге, один сезон держал здесь антрепризу (в потом долго распылялся с деньгами), где и подружился с музыкантом театрального оркестра Иосифом Тихачеком.

В письмах своих Завадский предстает перед нами веселым и общительным человеком, добродушным неувывакой, хотя роз на его пути было гораздо меньше, чем терний. Невеселые театральные новости и черты неуютного актерского быта (которые так любят смаковать театроведы) в его изложении окрашены незлобивым юмором, снисходительной терпимостью много повидавшего человека, не потерявшего во всех жизненных передригах чувства собственного достоинства, верности избранному делу, светлого взгляда на жизнь.

Так, в письме «Иосифу Прекрасному» (как он именвал друга), когда Завадский уже служил в Самаре у какого-то антрепренера-кулака, он с юмором описывает конфликты с этим «оболтусом», «болваном неутесанным» и «невеждой», который «смотрит на артистов как на поденщиков» и завалил его, Завадского, ролями и трагиков, и злодеев, и резонеров, и даже... любовников (при его-то толщине). И лишь изредка вздохнет о «собачьей актерской судьбе»...

Тут же он добродушно острит над «Прекрасным Иосифом» в связи с его женитьбой на дочери богатого купца Дмитриева: «Хотел бы я посмотреть, как ты аршинничаешь», предполагая, что невеста принесла в приданое часть купеческих капиталов. Лишь позднее он мог узнать, что купеческая-то дочка вышла за бедного музыканта «убегом», без согласия родителей и, значит, без их капиталов.

Однако «поаршинничать» Тихачекам все же довелось. Правда, на свой над, не по обычюму — они ваяли на себя аренду Нижнесергивских минеральных вод.

Этот, кажется, тогда единственный и, несомненно, старейший уральский курорт, открытый еще в конце 1820-х годов, был собствен-

ностью губинских заводов, потому что располагался на принадлежавших ему землях. С годами он становился все популярнее, на воды приезжало все больше публики из разных мест Урала. Появилась необходимость в развлечениях для нее, в том числе, конечно, в музыке — по примеру зарубежных курортов устраивались ежедневные концерты в курзале. Они привлекали не только больных, но и тех, кто хотел летом просто отдохнуть. А это множило доходы хозяев. Вполне вероятно, что именно для организации таких концертов хозяева заводов и пригласили опытного музыканта из Праги.

В конце 1870-х годов, когда обнищавшие после ушаковских афер заводы дышали на ладан, курорт, по сути дела, остался беспризорным. Тогда-то Тихачеки и взяли на себя его аренду, чтобы не остаться самим без дела на лето и сохранить работу музыкантам оркестра, с которыми так прочно связала судьба.

Серьезно поставленная концертная программа привлекала многих любителей музыки, сюда ездили как на абонементный сезон, где можно познакомиться с новинками современной музыки.

К сожалению, это значительное культурное дело как-то прошло мимо внимания исследователей музыкального прошлого Урала. Зато его отметил Д. Н. Мамин-Сибиряк, уделив в романе «Приваловские миллионы» место и концертам на Лалетинских минеральных водах, бывших собственностью Шатровских (то есть Нижнесергивских) заводов.

Так еще один факт из семейной хроники Тихачеков оказался фактом, интересным и для истории края.

Как и следовало ожидать, «аршинники» из прирожденных музыкантов не получились, — спустя некоторое время арендатором курорта стал оборотистый врач Дзброхотов. А Тихачеки снова только музыканты — дирижируют, играют в оркестрах, дают уроки музыки. Старший выступает все реже, уходит в тень, зато младший обретает все большую известность. В сезон 1897/98 года он уже капельмейстер — музыкальный руководитель труппы П. П. Медведева, ставит много новых оперетт (большинство из них впервые на Урале) и, судя по газетам, весьма успешно.

Из очередной шкатулки появляются следы и третьего поколения русских Тихачеков.

Здесь надо сказать, что жена Иосифа Ивановича, Татьяна Михайловна, оказалась не в пример родителям далекой от коммерции

и одаренной натурой — увлеклась живописью, выжиганием по дереву, художественной вышивкой. И передала художественные увлечения новому поколению Тихачеков. Так, старший сын, Валерий Иосифович, был не только прекрасным пианистом, но и способным художником, хотя и стал по профессии ученым-лесоводом, большим специалистом в своем деле.

Сестра его, Маргарита, тоже слыла хорошей музыканткой, но больше тяготела к изобразительному искусству, получила художественное образование, преподавала рисование. Младший брат Сергей избрал специальностью юриспруденцию, но увлечения музыкой и живописью не избежал.

Лишь Екатерина Иосифовна продолжала музыкальную профессию — стала певицей. Обладательница нежного и проникновенного, лирического склада меццо-сопрано, она в 1915 году окончила Московскую консерваторию по классу известного педагога профессора Зарудной, пела в театрах и концертных залах Москвы, Уфы, Свердловска и других городов.

Художественные пристрастия столь многих членов семьи, конечно, оставили след и в семейном архиве, да и во всей квартире.пейзажные картины на стенах, искусно выжженные филежки буфета и шкафчиков, тяжелые папки с акварельными листами, на которых, главным образом, изображения цветов — до того тонко и точно исполненные, что смело могли бы стать иллюстрациями в ботанических атласах, не теряя при этом своих художественных достоинств.

Но все это, однако, интересно в семейном плане. А вот то, что обнаружилось на дне одной из шкатулок, несомненно, имеет и более широкое значение.

Это альбомы тушевых рисунков пером, удивительно легких, изящных, выразительных. Большинство из них невелики по размерам, иные всего с двухкопеечную монету, но, кажется даже, что чем мельче, тем выразительнее. Не часто встретишь и у признанных мастеров графики такую способность добиваться столь высокой степени мастерства и изящества в миниатюре: несколько штрихов на площади величиной с ноготь — и перед вами выразительнейший портрет человека, про которого можно сказать многое, не зная его.

Какое разнообразие типов и сюжетов! Картинки из жизни гимназии — уроки, экзамены, типы учеников и учителей. Сцена в лавочке. У портного. У фотографа. Домашний концерт. Пасхальные визитеры. Танцы в клубе — вереница

Рисунок из альбома Тихачев

пар, одна другой характернее. Картежники. Урок музыки. Урок рисования. У врача. В читальне. На катке. Публика городского бульвара. У церковной паперти — нищие и благодетели. Думский оратор. Пои и дьячок. Купец и купчиха. Чиновник в присутствии. Няня с младенцем. Молодая жена в экипаже с мужем почтенного возраста (прямо-таки иллюстрация к «Анне Карениной»). И особенно много — сцены из спектаклей городского театра, его актеры в ролях и без грима, зрители всех ярусов, от партера и лож до райка. Тысячи рисунков, один другого любопытнее и ценнее!

А в одном из альбомов, между его листов, оказались вложенными несколько вырезок карикатур из какого-то журнала. Почерк их автора и альбомного художника, несомненно, одинаков. Больше того, типаж некоторых журнальных карикатур можно найти и на страницах альбомов. Но здесь, в журнале, уже не безобидные жанровые сценки, а острые сатирические композиции обличительного характера на местные темы. Тут «зверинец» Красного креста, где процветает хищничество, тут шабаш скандальных деятелей местного общественного клуба, тут разоблачение неблагоприятных порядков в «тихом омуте» женской гимназии. И, наконец, лицевая обложка самого журнала...

Ба, да это «Гном»!

Этот «общественно-сатирический журнал», как он рекомендовался на обложке, возник в Екатеринбурге на гребне революции 1905—1907 гг. и заслужил широкую известность у читателей Урала и... полиции. За свое резко антиправительственное направление, дерзкие (даже по тому времени недолгих «свобод») выпады против самодержавия журналу пришлось претерпеть многое — его не раз штрафовали, закрывали, конфисковывали готовые тиражи, вымарывали чуть ли не половину страниц,

садили редактора В. С. Мутных в тюрьму и, наконец, окончательно закрыли в середине 1907 года.

О «Гноме» писалось не раз, но все как-то вскользь, понемногу и в связи с чем-нибудь. К сожалению, нет пока ни одной обстоятельной исследовательской работы, рассказывающей об его истории, о цензурных и иных мытарствах, о его содержании, наконец, о его авторах и художниках, большинство которых печаталось, по вполне понятным причинам, под псевдонимами (большинство из них так и осталось нерасшифрованными).

А что авторы рисунков на журнальных вырезках Тихачеки — в этом сомнения нет, подпись под ними — «Т-во Брехачек» — слишком прозрачный псевдоним, не говоря уже о почерке авторов — Валерии и Маргариты Тихачевых, одинаковым в их альбомах и в журнале.

Если в первом и втором поколениях Тихачевых и профессией и увлечением была музыка, а в третьем, при разности профессий, основным пристрастием все же стало изобразительное искусство, принесенное в семью Татьяной Михайловной Дмитриевой, то с приходом в дом Александры Николаевны Князевой, ставшей женой Сергея Иосифовича, в семье появился новый профиль профессий, передавшийся и дальше по наследству, — медицина. Впрочем сама Александра Николаевна сумела приблизить свою специальность к профессии первых Тихачевых. Врач-отоларинголог, она специализировалась на постановке голоса артистам, в основном певцам, и была, кажется, единственным специалистом такого рода в нашем крае. Медицине же посвятила себя и ее дочь, нынешний хранитель архива и реликвий династии Тихачевых, — Елена Сергеевна, физиолог, преподаватель медицинского института.

Вот и разобран бабушкин сундук одной династии. А сколько важного и интересного для многих открылось в ней! И пусть не встретилось при этом сенсационных открытий — всякая история воссоздается по крохам. Особенность нынешней исторической науки состоит в том, что она идет не столько выирь (белых пятен в ней, как и в географии, уже почти не осталось), сколько вглубь, уточняя и детализируя открытое ранее, но еще слабо изученное, исследованное. И эта тенденция с годами будет лишь усиливаться. Тогда-то и пригодится исследователям каждый, даже самый, казалось бы, незначительный с сегодняшней точки зрения факт.

Один «сундук»... А сколько их в шкафах и чуланах, на чердаках и антресолях — полузабытых и совсем забытых, хранимых без внимания и любопытства, доживающих свой век в ожидании, когда их сожгут в печке или сбросят в мусоропровод. Или, наоборот, бережно откроют чьи-то равнодушные руки, внимательным взглядом ознакомятся с отслоениями дней и лет своих бабушек и дедушек, заботливо сохранив для своих потомков, которые, конечно же, будут благодарны им за это.

Курочка

Римма
КОШУРНИКОВА

Рисунки
Е. Стерлиговой

Институт лихорадило: пропал сотрудник отдела синтеза, руководитель поисковой группы Слава Ванин. Пропал при загадочных обстоятельствах.

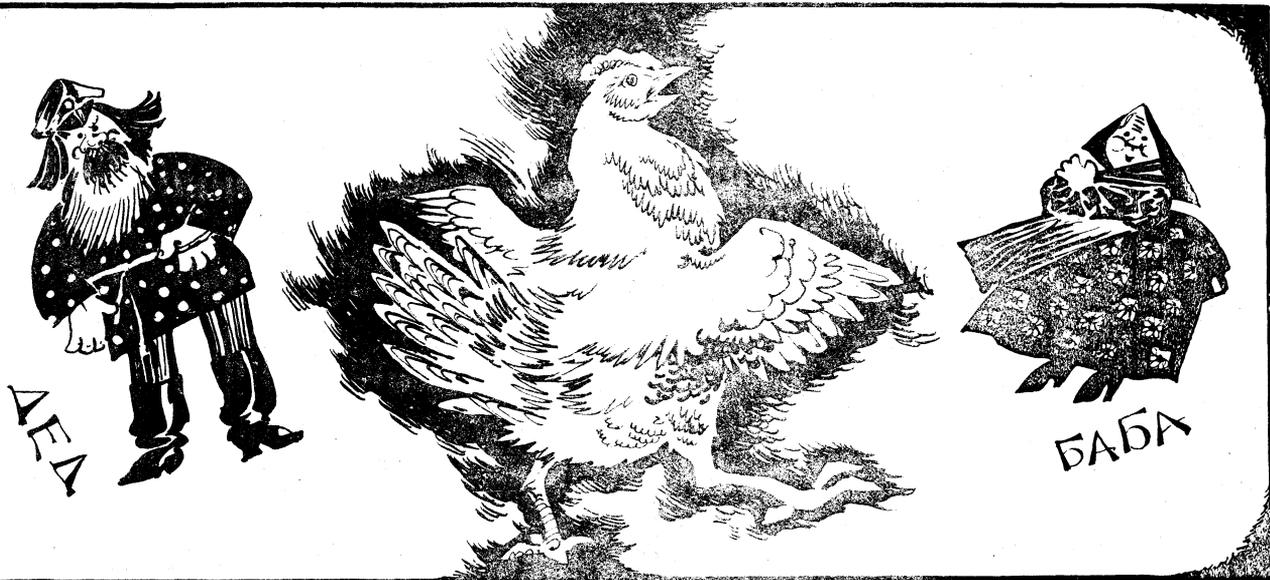
Утром в субботу он провел совещание группы — обычный недельный отчет: разбор, обсуждение, критика, предложения. Затем работал в инфотеке, пробыл там, по показаниям Майи, не более часа, новых запросов не делал. После инфотеки его видели у входа в музей древней культуры. Заходил ли Ванин в музей — неизвестно. Около двенадцати он беседовал по видеофону с Сerezжкой. О чем, мальчик не помнит, вроде бы о какой-то сказке. Больше Ванина не видели.

Встревожились потому, что он не явился на Завершение. Давно сложилась традиция: результаты опыта Ванин считывал сам. На вызов телеробот ответил, что хозяин вышел из дома в воскресенье утром, до сих пор не вернулся, никаких распоряжений не оставил.

Опрос ближайших служб скорой помощи и безопасности движения также ничего не дал.

Учитывая исключительность обстоятельств, решили осмотреть вещи и бумаги Ванина в институте и дома — в надежде отыскать какой-нибудь след. Эту деликатную миссию возложили на членов группы Ванина, его ближайших помощников — Олега Виртуозова, Джона Метелкина и Светлану Синичкину...

ряба

Рассказ

ДНЕВНИК, НАЙДЕННЫЙ ГРУППОЙ

2 января. Я — в отчаянии! Какое-то наваждение! Стоит мне закрыть глаза, как является проклятое чудище и заостренным коричневым образованием начинает стучать по ступам. Ноги сразу становятся тяжелыми, хочу бежать — и не могу. А мерзкая уродина шумно хлопает себя по бокам широкими крыльями и пялит на меня круглые стеклянные глаза. Я кричу и просыпаюсь.

2 января, вечер. Опять неудача. Сотая серия и снова — в корзину! Все проверили. Опыт сегодня контролировала Света, самая аккуратная из лаборантов, но и она не обнаружила никакой ошибки. Компоненты строго дозированы, реактивы очищены, ферменты добавлены, технология соблюдена пунктуально. А белок снова распадается! И это перед приездом комиссии! Все нервничают ужасно...

3 января. Снова приходило! Сегодня стучало не только по ступам, но и по ноге. Утром на правой голени обнаружил местное капиллярное кровоизлияние. Кажется, схожу с ума.

4 января. Был у невропатолога. Говорит — переутомление. На неделю отстранил от работы, прописал гимнастику, прогулки, лыжи...

Сиюю дома, а мысли — в лаборатории. Ребята ничего не говорят, Светка, чтобы я «не мудрил», подкидывает мне на день своего Сережку. Он выматывает лучше всякой гимнастики: заставляет бегать в догоняшки, лазать на шведскую стенку, играть в «умственные прятки». Но это еще ничего. Он принуждает читать ему с «выражением». Если я начинаю «без выражения», сердится и велит перечитывать.

Удивляюсь, какой ерундой пичкают детей! Как только их мозг справляется с этим обилием ненужной и часто вредной информации! Зачем, например, современному ребенку знать, как нетрудовой элемент, злостный бездельник, сидя на печи, добивается всяческого благополучия?.. Кстати, не забыть выяснить, что такое «печь».

8 января. Истекает срок моего заточения. Ребята упорно отмалчиваются. Но по их глазам вижу — ничего хорошего. Почему не синтезируется полибелок? Почему?!

А «оно» посетило меня за последнее время лишь один раз.

9 января. Мы с Сережкой порядком надоели друг другу. Сегодня он предъявил ультиматум: если я срочно не научусь играть в «космического дурака», с завтрашнего дня он уйдет в свой университет.

— Ну и пожалуйста, — сказал я.

— Ну и уйду, — сказал он.

Минут десять мы сидели каждый в своем углу. Но отрицательные эмоции вредны для ребенка, пришлось мне наводить мосты:

— Что ты хочешь?

— Сказку!— Серезжка повеселел и тут же забрался на колени, про «космического дурака» он уже забыл.— Только настоящую!

Сказок я не знал, если и читал в детском возрасте, то начисто стер эту информацию, когда работал над диссертацией. В подсознание лезть не хотелось, но и бросить тень на авторитет взрослого человека я не мог, поэтому начал:

— В некотором царстве, земном государстве жил да был прекрасный юноша. И была у него масса достоинств: и калорийность высокая, и усвояемость — единица... Да только людям это без толку: сидел он за семью замками, а ключи потеряны. Вот и кукуем... Какие только варианты не пробовали...

Серезжка долго хлопал своими пушистыми метелками, потом не выдержал:

— Ты что мне про полибелок-то рассказываешь? Мне про него и дома надоело слушать.

Я обиженно замолчал.

— Ладно,— сжалился Серезжка,— не дуйся. Лучше я тебе расскажу. Значит, жили-были дед и баба. И была у них курочка Ряба.

— Кто?

— Такое животное доисторическое. Ну, вот. Курочка снесла яичко...

И тут меня посетила мысль...

— Послушай, старик, у тебя есть эта книгокарта?

— Я все правильно говорю!— возмутился Серезжка.— Зачем тебе в карту подглядывать?

— Мне только взглянуть! Один разок!

Серезжка недоверчиво посмотрел на меня.

— Отдашь?— спросил он.

— Конечно, отдам!

Серезжка подумал. Он чувствовал, что интерес мой неподделен, не понимал причину и волновался.

— А гравикомпас дашь поносить?

— Дам!

Я выдал себя с головой, и Серезжка задумался снова.

— А машинку?

Машинкой он называл портативный компьютер, который я только что получил как руководитель группы.

— Зачем тебе компьютер?

— А тебе — карта?

— Ладно, вымогатель, получишь и машинку. Давай карту!

— Она в универсаде.

И мы поехали в универсад за книгокартой о курочке Рябе.

11 января. Не хватает времени. Пишу исключительно для того, чтобы не забыть хронологию

событий. Вдруг этот дневник станет когда-нибудь единственным документом, проливающим свет на эксперимент века!..

Итак. Первое знакомство с курочкой Рябой (для краткости буду именовать ее просто Рябой) подтвердило догадку: Ряба и мой ночной кошмар — одно и то же, сработало, очевидно, подсознание. Но возникло множество вопросов.

Вопрос первый. Почему такая нехитрая — можно сказать, «дурацкая» — история пережила столетия?

Предполагаю: она несет важную информацию, поэтому а) передается из поколения в поколение в виде наиболее стойкой формы — легенды и б) вводится в мозг человека на стадии, когда критические центры отбора информации практически отсутствуют.

Вопрос второй. Что скрывается за аллегориями «дед», «баба», «курочка Ряба», «яичко» золотое¹ и простое?

Если допустить, что «яйцо» — продукт деятельности некой Рябы, то «яйцо простое» было более совершенным творением, чем «яйцо золотое». Иначе обещание Рябы изготовить «яйцо простое» не послужило бы утешением «деду» и «бабе». (Под этими терминами я склонен понимать действительных лиц пожилого возраста — и в наши дни таковые встречаются среди тех, кто отказался своевременно пройти биопрофилактику.)

Вопрос третий. Каков возраст сказки?

В тексте нет ни малейшего указания на эпоху. Напрашивается вывод: история безвременная, следовательно, вечная...

За всем этим что-то крылось! Мне нужен был дополнительный материал, и мы с Серезжкой отправились в местную инфотеку. Оставил его в детском зале, а сам поднялся наверх. Серезжка, надо сказать, вел себя идеально все последнее время: не хныкал, не приставал с глупостями, а главное, не жаловался матери. Придется подарить ему компьютер, — все равно после Серезжиных усовершенствований он стабильно перешел на четыре действия арифметики.

В инфотеке мне нужно было перерыть массу инфокарт. Я не знал, в каком временном пласту искать это. Да и что — это?.. Боюсь подумать, чем кончилась бы моя затея, если бы не Майя, которая работает там классификатором, а в универсаде была влюблена в меня. Она не удивилась просьбе и очень быстро заполнила карту-запрос колонками шифра. Мне оставалось лишь пройти в смотровую кабину и нацепить считывающие датчики...

Сам факт существования Рябы теперь не вызывает сомнения. Она жила бок о бок с чело-

¹ Заметки на полях: «золото» — металл, использовался до XXII века, как некоторый эквивалент стоимости вещей.

веком с незапамятных времен. Более того, человек не расставался с нею. Ряба пользовалась большим уважением: с нею советовались в особо ответственных случаях (см. «Сказку о золотом петушке» А. С. Пушкина). Кстати, «петушок» и «курочка» — разные названия одного и того же существа¹.

Особенно большое количество кур появилось в середине XX столетия. Для них строились специальные помещения — «курятники», в других источниках — «инкубаторы». Интересная особенность: возводились они, как правило, за чертой города. Не потому ли, что относились к наиболее важным объектам?

Далее. Яйцо — это действительно продукт деятельности петуха-курицы. Специально выписал цитату: «В продолжение жизни курицы яйца ее составляют **превосходное произведение**, и уже за это одно курица достойна тех стараний, которые ее окружают в хороших хозяйствах» (выделено мною).

Употреблялось в пищу! Обладало потрясающим коэффициентом полезности! Усваивалось полностью и без каких-либо болезненных последствий! Давалось детям, больным, певцам — для улучшения голоса. По составу — идеальный полибелок!!! Древние знали секрет его получения, имели в неограниченном количестве, а мы не можем его даже синтезировать...

Перехожу к самой странной части моего открытия. Имею в виду тот единственный источник, который, с моей точки зрения, обладает несомненной достоверностью. Из него-то я и узнал о составе яйца и его достоинствах... Речь идет о нескольких ветхих страницах какой-то, видимо, толстой книги, где описывается приготовление различных блюд, употреблявшихся древними. И там — «курица жареная в сухарях», «куриный суп», «курица фаршированная яблоками»... Какое варварство! Я не знал, как классифицировать подобную информацию. Что же такое курица?

Если курица — живое существо, снабжающее человека столь удивительным продуктом, то ее уничтожение — чудовищное расточительство, ставящее в тупик разумного человека! Если курица — не живое (не естественное) биологическое образование и, допустим, ее аннулирование происходило после выработки энергетических ресурсов, то следует признать, что цивилизация, способная создать идеальную биосистему с цикличной, самовоспроизводящей программой, была необычайно развитой. Тогда можно объяснить самые странные, казалось бы, вещи. Например, стабильную привязанность человека к данной модели, стремление передать информацию о ней последующим поколениям...

¹ Заметки на полях: «золотой» петушок и «золотое» яйцо — нет ли тут связи?..

13 января. Я думал, будет нелегко втолковать моим ребятам эту новость, но то, что произошло на самом деле!.. Как все-таки консервативен мозг человеческий!..

Когда я объявил, что сворачиваем опыты, они посмотрели удивленно, но промолчали. Ждали, какую идею я подкину взамен.

— Ав ovo, — сказал я. — Начнем с начала, как говорили древние. Полетим в гости к ним за курочкой Рябой.

Олежка запустил пятерню в свой «девственный лес», который не могла одолеть ни одна щетка. Джон широко и счастливо улыбался. Света Синичкина глядела на меня по-детски распахнутыми глазами, и они медленно наполнялись прозрачной влагой.

— Славик, — начала она, — пойдём домой. Посидим, поболтаем, музыку послушаем...

Я засмеялся.

— Думаете, с ума сошел, пока сказки Сережке читал? Ого! Петушок-курочка — это биоклибер! Поняли!.. Ряба — это РеБе, регенератор белка! Нашего полибелка, который распадается от одного взгляда!..

Меня не поняли. Virtuozов старался незаметно переместиться к локатору «сон», Метелкин двинулся ко мне, гостеприимно раскинув руки и по-прежнему лучезарно улыбаясь... Я позволил усыпить себя и обследовать на предмет полной вмняемости. Только после этого у нас пошел нормальный разговор.

20 января. Готовимся к приезду комиссии. Решили стоять «на смерть». Отказать нам не посмеют. Не имеют права! Мы должны побывать там!..

1 апреля. Ура! Победа! Отправляемся в двадцать первый век! Virtuozов утверждён моим заместителем. На него возложена вся «техника». Очень рад, что Олег со мной...

На этом первая часть записей кончалась.

— Вот как все начиналось, — задумчиво произнес Джон. — Не знал, что у шефа был дневник.

— Никто не знал, — откликнулся Virtuozов. — Но меня удивляет другое: почему он писал? Не использовал, например, мыслеграф или, на худой конец, стенограф?

— А все-таки Ванин — голова! — вздохнула Света. — Надо же додуматься! Сколько раз читала Сережке про эту курочку...

— Гений, — подытожил Метелкин и раскрыл вторую тетрадь.

Эта часть записок представляла собой нечто вроде развернутого письма или отчета перед самим собой. Ванин писал торопливо, с малопонятными сокращениями...

«Теперь, когда путешествие позади, когда написаны доклады и сделаны определенные вы-

воды и прогнозы, появилась потребность проанализировать свои впечатления и поразмышлять... Хочу восстановить все по памяти. Уверен, что ограниченная скорость в написании знаков делает возможным более тщательный анализ и отбор переносимого на бумагу материала. Мысли фиксируются в оптимальной форме, внутренняя логика суждений становится более выпуклой, обнажая незаметные ранее закономерности...

...Перед стартом все казалось просто и ясно. Разумеется, предполагались и самые сложные ситуации, но, как выяснилось, они не имели ничего общего с теми, в которых мы очутились.

Во-первых, был выбран недостаточный временной интервал. Очутившись в двадцать первом веке, мы уже не нашли действующую Рябу. В музее техники ее вообще не оказалось. Обнаружили Рябу... в музее Природы! Странно, конечно. Но так или иначе, а отныне мы знали, как в действительности выглядит Ряба: ее изображения в современных книгокартах искажены просто до неузнаваемости...

Во-вторых. «Методика пассивного наблюдения», которой снабдили нас хронологи, безнадежно устарела. Подумать только, она ни разу не корректировалась! Не было, видите ли, необходимости, поскольку путешествия в прошлое вообще иррациональны: расход энергии велик, а чему можно научиться у древних?! Эта методика, вероятно, идеально соответствует «Кодексу невмешательства», но чтобы с ее помощью что-то изучить — сомневаюсь. Пришлось нам выкручиваться на месте...

В-третьих, мы совершенно не были готовы психологически.

После неудачи в двадцать первом веке Олег «промахнулся» целый виток спирали — в конец двадцатого! Конечно, риск был: ошибись мы и на этот раз, экспедицию пришлось бы свернуть, — энергии оставалось лишь на возвращение. Кроме того, в точке перемещения могло оказаться слишком людно. А способ, который мы с Олегом придумали для нейтрализации последствий нашего посещения, был эффективен только при ограниченном числе контактов...

Вторая высадка прошла благополучно. Место пустынное, я бы сказал, дикое. Огромная поляна, растения в рост человека, вокруг — стеной лес, вдали — крошечный, какой-то несерьезный деревянный домик... Но анализ обстановки и действий пришел позже: мы ослепли, оглохли, задохнулись! Невероятно яркие краски — синее, зеленое, белое, алое. Одурачивающие, густые незнакомые запахи. И удивительная поющая тишина... Наши мыслеграфы, не выдержав эмоциональной перегрузки, вышли из строя. Прошло несколько минут, прежде чем Виртуозов первым из нас вспомнил о цели путешествия. Мы взяли курс через поле — на дом, потому что Ряба, если

наши предположения верны, могла находиться только рядом с человеком.

Идти по траве было чрезвычайно трудно и физически, и морально. Привыкнув лишь любоваться малюсенькими зелеными островками в зонах отдыха, мы должны были наступать на гибкие, сочные стебли растений! Не сговариваясь, мы с Олегом включили антигравитационные подошвы своих ступней, на четверть уменьшающие вес.

Рябу, наверное, мы увидели одновременно, потому что дружно споткнулись и вскрикнули. Ряба уловила движение и замерла с поднятой «ногой». Обследовав нас поочередно правым и левым зрительными локаторами, она продолжила перемещение, поскольку реагировала, очевидно, только на движущиеся объекты.

Историческая минута! Вот оно, легендарное изобретение неизвестного гения! Лишь увидев Рябу, я понял, как боялся все время, что легенда так и останется красивой сказкой...

В маленьком, огороженном дощатой изгородью пространстве Ряба оказалась не единственной. Мы насчитали по крайней мере десяток. Все они были примерно одной величины и несколько различались окраской. Но форма, поведение повторялись удивительно стабильно. Несомненно, производство Ряб массовое. Лишь одна из моделей имела более крупный красный отросток на «голове» и чрезвычайно развитое хвостовое оперение... Решение созрело одновременно у нас обоих: Рябу требовалось заполучить и основательно изучить; взять ее с собою в наше время мы не могли, не нарушив «Кодекса».

Олег перелез через загородку и двинулся к Рябе. Та подпустила его довольно близко, но едва Олег протянул к ней руки, как она издала предупреждающий сигнал тревоги «куд-куда» и увернулась. Олег повторил попытку. Ряба увернулась и на этот раз, причем «куд-куда» повторялось чаще и на более высоких нотах. Поднятые этим сигналом, остальные особи с шумом разбежались, а модель с мощным красным гребнем в верхней части, наоборот, стремительно кинулась на Виртуозова.

Мы отступили. В этот момент скрипнула дверь, и перед нами появилась... баба! Мы хоть и готовились к встрече с древним человеком, тем не менее опешили. А баба подняла темную руку ко лбу и несколько секунд вглядывалась в нашу сторону. Затем произнесла:

— Не трожь курей! Чего нада?

Как объяснить ей цель нашего визита?

— Дед! — крикнула баба куда-то назад. — Дед, подь сюды!

Так, все правильно: согласно легенде где-то поблизости должен находиться дед. И действительно, в разрисованном оконце возникло седобородое морщинистое лицо.

— Чего тебе?

— Да вот, курей шшупают охламоны каки-то. И молчат, язви их!

— Може, от Нинки?— предположил дед.— Тоже все с имя возюкается!

Я выступил вперед.

— Извините за вторжение! Мы из ПСАСБСа — проблемной станции анализа-синтеза белковых соединений.

— Изучаем возможность воспроизведения универсальной биомассы с комплексно-энно-белковым наполнением согласно коменклатуры ВАН № 134/22,— пояснил Олег.

— Покорми их, старуха,— сказал дед.— Ишь, головастенькие, оголодали, должно: заговариваются! Нинка сказывала, у их там, в ниверситете, такие водятся.

— И то,— согласилась баба.— Айда в горницу,— пригласила она.— Счас молочка с погребу достану, ишо чего сварганю...

Мы плохо понимали, о чем говорят дед и баба, но общий смысл уловили. Хозяева приняли нас за сотрудников какого-то научного подразделения — Ниверситета, где, по всей вероятности, работает их родственница или знакомая. Что ж, возражать мы не стали.

Нас усадили на деревянные сидения без всяких амортизаторов, так что не знаю, как Олег, а я скоро начал ощущать негибкость собственного позвоночника. Баба поставила перед нами по большому непрозрачному сосуду без ручек, наполненному белой жидкостью с желтовато-коричневой пленкой. Дед принес на чистой салфетке темную ароматную массу с ячеистой структурой, наформованную толстыми пластинами.

Мы с Олегом переглянулись: справятся ли наши нетренированные желудки с этой адской

пищей? Я вытащил таблетку нейтрализатора... Теперь все вредное, что попадет в организм, будет выведено в течение суток. Олег свою проглотить не успел: заметила баба.

— Животом, сердешный, маешься?— пожалела она.— Ить молоденький, а микстурки ешь. Пей топленку лучше! А то — яйца. Сырые-то очень пользительно при больных кишках. Дед, притащи-ка, там в лукошке, утрешние, прямо с-под курицы!

Бедный Олег, он страдал за науку... Дед и баба жалостливо смотрели на нас и качали головами: до чего ученье-то доводит!

— Нинка сказывала, будто в вашем ниверситете из солярки икру рыбиную делают?— занимал нас разговорами дед.— Сделать, будто, сделали, а запаху нет. Хошь тресни! Так что удумали? Рыбу ловят, икру вынают, а заместо настоящей в брюхо рыбе, значит, из солярки напихивают. Чтоб она, значит, рыбьим духом пропиталась!— Дед захихикал и поскреб за ухом.— А в другом ниверситете, седня в газетке прочитал, собираются кур извести. Всех! А яйца нести машине поручить. Э-Ве-Ме,— старательно выговорил он.

Что имеет в виду дед? ЭВМ — самая древняя электронно-вычислительная машина...

— Не слушайте старого брехуна!— посоветовала баба.— Нешто машина заменит куру? А заместо Петьки каку ВеМе подрядишь?— хитро прищурилась она.

— В газетке написано, ведутся работы,— обиделся дед и потряс бумажным свертком.— От!.. Ну, Нинка придет, спросим.

Он встал и, шаркая примитивными ступами, пошел из комнаты.

— Газетку надо заполучить,— шепнул я Олегу. Он понимающе кивнул и вышел вслед за

дедом.— А что, бабуся,— обратился я к хозяйке,— не покажете ли нам ваших Ряб?

— Курей, что ли? Ежели интересуетесь, смотрите — не жалко,— разрешила она.— Только Петьку опасайся: зело он у меня лютый. Поклевать может.

Во дворе ни Олега, ни деда не оказалось. Куда они могли уйти? Я направился вокруг дома и под пышными цветущими кустами нашел Виртуозова. В первую минуту я испугался! Он лежал на спине, ноги в коленях были согнуты, руки раскинута, рот полуоткрыт. Грудь Олега вздымалась, и с каждой очередной порцией воздуха из ее глубин взвивался фонтан свистяще-шипящих, весьма не мелодичных звуков.

Рядом сидел дед и сосредоточенно обмахивал Олега той самой газетой.

— Сомлел паря,— сочувственно причмокнул он.— Пушшай в тенечке похрапит. Я тоже завсегда — как намнусь, так и на бок!

Эх, Олечка, не вовремя ты «сомлел»! Придется операцию по отлову Рябы проводить одному...

— Мостись рядком,— пригласил дед.— Я посторожу.

Надо было под каким-то благовидным предлогом исчезнуть.

— Где тут у вас...— я затруднялся сформулировать мысль.

— Сортир?— быстро сориентировался дед.— А на задах, в огороде. Иди, не смущайся...

Я пошел по адресу, указанному дедом. «Огородом» оказалась огороженная переплетенными прутьями площадка, на которой неширокими полосами росли невысокие растения. Среди них бродили две-три Рябы. Это было весьма кстати, ибо охотиться в той многочисленной группе, что координировалась около «Петьки», со слов бабы, было небезопасно...

Рябы неторопливо бродили среди растений, останавливаясь и разгребая конечностями землю. Изредка энергично наклонялись к самой земле, затем двигались дальше. Самое вероятное (и невероятное!), что можно предположить, наблюдая за их действиями,— это... поиски пищи! Да-да! Великолепная машина пополняла свои энергетические ресурсы! Очевидно, энергию органических соединений она преобразовывала в какой-то другой вид, возможно, в электрохимическую...

Биокиберы двигались в моем направлении, и надо было набраться терпения, подождать, пока они окажутся возле моего укрытия. Я уже понял, что поспешность в этом предприятии успеха не гарантирует.

Невысокое кривоствольное деревце, под которым я устроил засаду, давало негустую тень. Над головой шелестели листья, перед глазами

качались неизвестные цветы: желтолицые, в белых лучистых ожерельях, на гибких голенастых стеблях. Их было много, и все они кивали, заговорщицки подмигивали мне, словно давая понять, что тайна моя им известна и они обещают молчать... Я не удержался от искушения, прилегу, закрыл глаза. И тотчас тело, вопреки разуму, вспомнило нечто призрачно-давнее: ему было знакомо и уютно среди этой жесткой травы, качающихся цветов, дурмящих запахов; оно чувствовало землю, и земля принимала его тяжесть. Солнце набросилось на меня жарко, жадно, прижимаясь, приликая к каждой клетке тела. И вдруг поплыло, заволокло сознание, и я перестал ощущать себя...

— Сгорите!— донеслось откуда-то издали.— На солнце вредно спать. Голова будет квелая!

Я вскочил. Передо мной стояла девушка. Темные волосы собраны в пучок на затылке, темные же глаза под разлетными бровями. Ярко-синее платье тесно облегло остроплечую фигурку, тонкие в запястьях руки с резко выпирающими косточками цепко держали руль громоздкого, неуклюжего двухколесного чудовища — прадеда нашего самогона.

— Вы турист?— спросила она и заразительно рассмеялась.— Ну и видок у вас! Пойдите к речке, освежитесь.

Я по-прежнему стоял молча. Эта новая встреча... Если деду и бабе можно было не объяснять, кто мы и зачем, то живая, быстрая незнакомка обязательно начнет расспросы.

Тень тревоги скользнула по лицу девушки.

— Пойдемте, я провожу вас.— Она прислонила «самогон» к дереву и решительно взяла меня за руку. Девушка вела, а я послушно переставлял ноги и лихорадочно придумывал «легенду».

Сразу за огородом поднимался лес. Едва заметная тропинка бежала впереди, ныряя в буйно заросшие низинки, проворно взбираясь на замшелые взгорки и гривки, усыпанные золотистой хвоей. Очень скоро я понял, как мало приспособлен к подобным прогулкам. Спина взмокла, лоб и нос покрылись испариной. Моя спутница шла рядом легко, невесомо, украдкой меня разглядывая.

— Меня зовут Слава,— не выдержал я.

— Очухались немного?— обрадовалась девушка.— Сейчас выкупаетесь, совсем придете в себя.

— А вы — Нина. Работаете в Ниверситете,— последнее слово я произнес особенно тщательно.

— С дедулей общались,— поняла девушка.— Приставал?

— Рассказывал о вашей работе. Что-то насчет искусственной икры,— я весьма неловко подбрасывал девушке тему, которая больше все-

го меня сейчас занимала. К счастью, Нина этого не заметила.

— Дедуля все просит меня принести попробовать.

— И что, ее действительно можно есть?

— Можно,— несколько вызывающе ответила девушка.— Не понимаю вашей иронии. Вы тоже противник этого направления?

— Какого направления?.. Нина, я полный профан в этих вопросах. Просветите, хоть на уровне детского сада!

Не знаю, поверила ли она мне... Смысл того, что она говорила, сводился к следующему.

Пища, которую потребляет человек, дает клеткам необходимую энергию и «строительный материал» для воспроизведения себе подобных. Но в натуральном виде она им «не по зубам». С помощью ферментов пища предварительно размалывается на биохимической «мясорубке» на белки, жиры и углеводы. Не рациональнее ли сразу вводить в организм эти составляющие, которые можно синтезировать промышленным способом? Польза колоссальная. Отпадет нужда засеивать огромные площади хлебными культурами, затем их убирать, обрабатывать, хранить. Не будет необходимости в пастбищах для скота, в заготовке кормов для его содержания, так как не будет и самого скота. Наконец, исчезнет зависимость человека от погоды. Все технологические процессы будут автоматизированы, резко повысится производительность труда. А в качестве сырья можно использовать все, что под рукой: траву, лес, уголь, нефть, отходы других промышленных производств...

Нина употребила несколько непонятных терминов: «хлебные культуры», «пастбища», «скот»,— но уточнять я не посмел.

— Проблема уже решена, раз дело дошло до дегустации?

— Если бы,— Нина вздохнула.— Белковые молекулы очень сложны. Мы научились синтезировать белок в лабораториях, на эту операцию уходит много месяцев упорного труда. А в естественных условиях белок образуется за несколько минут, причем не требуется никаких особых условий: ни повышенной температуры, ни давления. Отстаем от природы, одним словом. Вам скучно?

— Нет, нет! Напротив!— я разволновался. Вот они, истоки наших успехов и... ошибок!— А как все-таки получают эти самые белки? Очевидно, есть разные способы?

— Конечно,— откликнулась девушка.— Мы, например, используем микробиологический. Модель «корова»,— Нина снова употребила непонятный термин.— Роль «коровок» выполняют особые бактерии. Мы их кормим специальными «травками» и «злаками» — углеводородами нефти. Они растут, а мы их потом «доим» — выделяем из них белки и жиры.

А Ребе?..— вертелось у меня на языке. Иметь такую универсальную машину и биться над какими-то «коровками»?! Тут что-то не так...

— Ну вот, прибыли,— Нина широко повела рукой.

Река открылась неожиданно. Пологий, застланный зеленым ковром берег неторопливо сбежал к воде. Противоположный, крутой, склонился над нею плакучими ивами, почти касаясь узкими длинными листьями. Казалось, река замерла в полуденной дреме, и только солнечные блики скользили по переливам, выдавая глубинное течение.

— Что же вы?.. Или раздумали купаться?

Странно было слышать такое предложение. Купаться можно в бассейне, в специально оборудованном канале, но — в реке?.. У нас это никому не пришло бы в голову! Наши реки давно превратились в неотъемлемую часть технологических производственных комплексов... Видимо, мое лицо было достаточно красноречиво, потому что Нина снова рассмеялась.

Я обреченно дернул рубашку, забыв, что эту, бывшую сейчас на мне, следовало предварительно **растянуть**. Белые кружочки прыснули в траву.

— А пуговицы здесь ни при чем,— сказала Нина, собирая их в ладонь.— Какие странные... Вы все-таки кто?

— В некотором роде... турист,— вспомнил я гипотезу самой девушки.— А вообще...— я окончательно запутался в пряжках, пуговках, застежках, ремешках и в замешательстве уставился на мою провожатую.

Она, очевидно, истолковала мой взгляд как-то иначе, потому что неожиданно залилась румянцем.

— Я пройду выше,— она отвела глаза.— Тоже испугнусь, коли пришла. Речка тихая, омутов нет...— донеслось уже из-за кустов.

Тихая... Охотно верю, но рисковать в моем положении — глупо,— подумал я и, оголив по-выше ноги, шагнул! Прохладная влага обволокла ступни, щиколотки, голени и легким ознобом прокатилась по телу. Вода под рукой была упруга и податлива, щекотливо струилась между пальцами, настойчиво увлекая за собой. Я нагнулся, и словно огромная вздрагивающая линза приблизилась к самым глазам. Вместе с нею придвинулся увеличенный диковинный мир. Он дрожал, колебался, ползал, носился, вспыхивал, мерцал,— жил!

— Вы что затихли?— крикнула Нина.— Крокодилов нет,— добавила она насмешливо.— Смелей!

Видимо, это была какая-то местная шутка, потому что откуда бы взяться крокодилам в средних широтах северного полушария?

— Ух! Хор-рош!..— гулкие ритмичные всплески неслись над рекой — девушка плыла.

— Крокодилов нет, а кто есть?—вернулся я к шутке, когда Нина, свежая, сияющая, появилась передо мной.

— Спрашиваете, кто?—откликнулась она.— Окуньки, щурята попадаются. Стерлядка, но это — ниже... Вам лучше с дедулей потолковать. Он у меня большой специалист по части рыбы — завзятой рыбак. Весь наш ученый люд к нему на уху ездит.

Словно сигнал тревоги прозвучал для меня при слове «рыба»! Рыба — что это? Разновидность РеБе? Его гидромодификация?.. А рыбак? Так, вероятно, называется человек, который занимается этой проблемой?.. Конечно! Нина сказала: «Большой специалист... К нему ездят ученые...» Стоп! Рыбак — дед? И мгновенно, как разматывается клубок, если дернешь нужный конец, выстроилась логическая цепочка. Дед — рыбак, крупный специалист по биокиберам, обитающим в водной среде. Отсюда вполне понятны его интерес и скептическое отношение к искусственной пище: «Рыбу ловят, икру вынают, а заместо настоящей в брюхо из солярки напихивают...» Объяснима теперь и вспышка Нины: она и дед — представители разных направлений!.. Как я раньше не обратил внимание — ведь он упоминал об этой проблеме! Объяснение только одно: мы с Олегом слишком заикнулись на «курочке» и приняли деда как некое приложение, некий обязательный антураж легендарной Рябы...

— И они тоже — самовоспроизводящиеся? Рыбы?— почти машинально спросил я. Нина встревоженно посмотрела на меня.

— Разумеется,— ответила она.— Нерестятся, мечут икру. Все, как положено: воспроизводят себе подобных... Я вижу, вам купание не пошло. Пойдемте к дому, и я на станцию споняю на велосипеде — вызову неотложку.

— Неотложку?

— Да. Врача, понимаете? Вам сделают укол — и все будет хорошо.

— Не надо неотложку! Я прекрасно себя чувствую,— я стиснул ее плечи и пристально взглянул в переполненные негодованием глаза.

— Пустите,— слабо дернулась Нина.

— Кричать тоже не надо. Тихо, тихо.

— Вы... шпион... все заграничное...— прошептала она, обмякая у меня в руках.— Как я сразу...

Я бережно положил девушку на траву и склонился над нею. Теперь ты будешь спать. Спать. Спать. Проснешься через два часа. Все забудешь, что произошло сейчас с тобой. Все забудешь. Спать!

Прости, Нина, что напугал тебя. Иначе я не мог. Мы не имеем права оставлять следы...»

Записи обрывались в самом неподходящем месте. Остальные листы в тетради отсутствовали.

— Мне кажется,— сказала Света Синичкина,— он их просто уничтожил. Смотрите! Вот, у корешка следы вырванных листов.

— А смысл?— задумчиво произнес Олег.

— Ванин что-то скрывал от нас!— убежденно потрянула челкой Света.— И тут,— она ткнула в тетрадь,— было как раз то самое!

— Возможно,— согласился Виртуозов.— Если бы он хотел исчезнуть бесследно, то уничтожил бы весь дневник. А раз изъясил только последнюю часть, значит... Значит, там были какие-то выводы. Его собственные выводы. Он почему-то не захотел нам их сообщить. Не был уверен? Считал ошибочными? Или...

— Он хотел, чтобы мы сами их сделали!— выпалила Синичкина.

— Похоже на правду. Джон, ты что молчишь?

— Ребята,— предложил Метелкин,— давайте по порядку. Разложим, а потом... снова соберем... Олег, как вы возвращались?

— Да я много раз уже рассказывал!.. Ладно, повторю. Тогда я уснул. Неожиданно. То ли отравился, то ли объелся... Очнулся в машине. Славка сказал, что все в полном порядке. Функциограммы Рябы сняты, статика и динамика основных узлов зафиксированы, хозяевам приказано под гипнозом «все забыть». Кстати, о девушке я не знал.

— Вот видишь?!— распахнула глаза Света.— Я чувствовала!

— Погоди со своими предчувствиями,— остановил ее Джон.— Что было в газете, Олег?

— Газету заполучить не удалось: дед изорвал ее на самокрутки, пока я спал. Это вроде древних сигарет, которыми они себя травили... Про газету я сказал Славке, он отмахнулся: не нужна. Тогда я удивился, а теперь ясно: всю информацию он получил у девушки. Вообще Слава был предельно измотан. Подвел я его крепко...

— Ванина словно подменили! Стал неразговорчивый, мрачный, все думает, думает. О чем — неизвестно. Я один раз его спросила, не влюбился ли он там в бабулю. А он,— Света понизила голос,— подмигнул мне и говорит: «Была такая опасность». Соображаете, надеюсь, какая опасность?.. Ванин — там! Ребята, точно — там!

— Света, не спеши,— попросил Олег.— Славка действительно потерял интерес к опытам. Словно отчаялся. Особенно после неудачи с Рябой. Помните? Когда мы собрали первую модель по нашим записям, а она вместо того, чтобы производить белки, сотворила какую-то каменную болванку. Славка тогда пошутил: «И снесла курочка яичко, не простое — золотое»...

— А где вы обнаружили Рябу?— неожиданно спросил Джон.— В самый первый раз?

— В первый раз мы увидели ее в музее Природы! Помню, так хохотал...

— А Гетьку?.. Он упоминается в записях... Виртуозов прошелся пятерней по своему «девственному лесу».

— Эх! Теперь уж все едино... Ребята, мы ведь еще раз были там. За ним летали.

— Это когда ты с забинтованными руками ходил?— уточнила Света.— Еще сочинял: обжег!..

— Сознаюсь. Дождались ночи, изловили. Он, проклятый, все руки мне поклевал. Славка думал тогда, что генетическая память сосредоточена в этой модели. Ну, все сделали, как положено, а потом Славка ленты изорвал и сказал: «Кажется, мы не поняли главного».

— Р-ребята, а что, если...— Джон заикался в минуты особого душевного волнения.— Если Ряба... не кибер?

В навалившейся тишине смятенно бухали три исследовательских сердца. Первой не выдержала Света Синичкина.

— Живая?!

— Вот что понял Славка... И хотел, чтобы это поняли мы. Гениально просто! Ряба производит полибелок, а из него возникает Ряба...

— Но мы по-прежнему не знаем, куда исчез Ванин,— напомнил Джон.

— Подождите меня здесь!— Света сорвалась с места.

...Вернулась она не одна. С трудом вытянула из-за двери упирающегося Сережку и приказала:

— Говори.

— А что?— мальчишка сопел, пытаясь высвободиться, но мама Света была начеку.

— Про дяду Славу. О чем вы говорили по видеофону?

— Да-а...— гнусаво затянул Сережка.— Скажу, а он тогда не даст!

— Сергей,— выступил на сцену Виртуозов.— Дядя Слава исчез. Никто не знает, куда. Возможно, он болен, ранен. Возможно, ему угрожает смертельная опасность. Он ждет помощи, а мы не можем ее оказать.

Сережка шмыгнул носом: ситуация складывалась безвыходная. Выдать тайну — дядя Слава не даст, что обещал. Промолчать — он может вообще не вернуться: вдруг и вправду раненый? И уж тогда обещанное уплывет насовсем...

— Дядя Слава велел показать по видеку книгокарту про курочку Рябу. Я показал. Он прочитал и сказал: «Ну, Сережка, принесу тебе яичко — не золотое, а простое! Жди! Но смотри — никому!..»

— Ну что?— Синичкина торжествовала.— Ванин — там!

— Ой, Света,— придержал ее Олег,— дай подумать... Если я правильно понял, Славка отправился в прошлое за яйцом, из которого надеется получить курочку Рябу. Но ведь перемещения возможны, если не нарушается причинно-следственная связь. Что здесь причина и что следствие? Яйцо или курица?..

— Ты помнишь сказку наизусть?— спросил Метелкин мальчика.

— Конечно! У него такая память!— в Светлане заговорила материнская гордость.

— Прочти ее нам, пожалуйста,— попросил Джон.

Сережка сглотнул, облизнул губы и завел речитативом:

— Жили-были дед да баба. И была у них курочка Ряба. Это животное такое доисторическое... Мам, я не буду про золотое, хорошо?— он сделал паузу и продолжал:— Плачет дед, плачет баба. Утешает их курочка Ряба: «Не плачь, дед, не плачь, баба! Снесу я вам яичко не золотое, а простое». Все.— Сережка помолчал и спросил, адресуясь к матери:— Повторить?

Разведчик трассы — Иван Ефремов

Евгений
БРАНДИС

Жизнь Ивана Антоновича Ефремова (1907—1972), доктора биологических наук, палеонтолога, геолога, писателя, сложилась так удивительно, что сама по себе может стать сюжетом полного захватывающих событий романа.

22 апреля 1982 года И. А. Ефремову исполнилось бы 75 лет.

За отпущенный ему жизненный срок он достиг в разных областях своей деятельности таких впечатляющих результатов, что смело можно сказать — прожил не одну, а несколько жизней. Достаточно только упомянуть, что за четверть века, с 1926 года, он участвовал в общей сложности в 17 палеонтологических и 14 геологических экспедициях Академии наук СССР, из которых руководил 26-ю; что им опубликовано свыше ста научных трудов, из них 18 монографий; что художественные произведения Ефремова выходили отдельными книгами не менее 350 раз на 45 языках, а роман «Туманность Андромеды», принесший ему мировое признание, выдержал 80 изданий на 39 языках народов СССР и зарубежных стран¹.

Обе сферы его деятельности настолько взаимосвязаны, что нельзя отделить писателя от ученого. В наши дни, когда дифференциация знаний делает специальности все более узкими, исключительная широта интересов и огромная эрудиция Ефремова подтверждают на живом примере возможность грядущего синтеза научного и художественного мышления, о чем он так страстно мечтал, изображая всесторонне одаренных людей Эры Великого Кольца. Ефремов был

убежден, что редко-единичное когда-нибудь станет массовым: на высших ступенях социального развития люди вновь обретут универсальность гениев античной Греции или мудрецов древней Индии, владевших с одинаковым совершенством и духовными и телесными силами.

Не отсюда ли его стремление проникнуть в загадки древнейших цивилизаций и включить их, как звенья, в бесконечную цепь времен, уводящую в необозримые дали еще не свершившейся, но как бы уже запечатленной истории? Не потому ли исторические романы и повести столь же для него органичны, как и научно-фантастические?

Герои Ефремова, подобно ему самому, опережают свое время. Но личность писателя неизмеримо богаче созданных им героев вместе взятых. Сопоставляя впечатления о Ефремове с его книгами, невольно делаешь вывод, что он вложил в них лишь малую долю своего могучего интеллекта и душевного опыта. Обаяние этого человека, не-объятность его знаний и гигантская память восхищали каждого, кому приходилось общаться с ним. Обсуждая любую из предложенных тем, он говорил так веско и так доказательно, что сразу настраивал на свою волну. Ты явственно ощущал работу мысли, которая облекалась в слова — самые нужные и самые точные. Он говорил, как писал — тот же аналитический стиль изложения, та же несокрушимая логика и всегда свои, незаемные мысли. Сказанное Ефремовым можно было печатать и печаталось почти без поправок. Говорил он медленно, отделяя «абзацы» паузами, подчеркивая интонацией главное. Записывать за ним было легко. Любая фраза казалась материализованной мыслью, влитой в отобранные слова.

И. А. Ефремов. 1934—1935 гг.

Готовясь с моим другом и соавтором писателем Владимиром Дмитревским к работе над книгой «Через горы времени. Очерк творчества И. Ефремова»², мы старались узнать у Ивана Антоновича его отношение ко многим вопросам, которых предстояло коснуться в монографии. Жалею, что записал при нем только одну беседу, правда, продолжалась она шесть часов, — ту самую, что спустя почти двадцать лет опубликовал в «Вопросах литературы» (1978, № 2). Записанное по памяти даже через несколько часов не передает точных формулировок.

Беседуя с ним, вернее, выслушивая его монологи, всегда поразительно интересно, ты чувствовал, как он творит, ибо высказывания Ефремова сами по себе были актом творчества. Именно актом, процессом, который происходил в твоём присутствии и, должно быть, не отличался по методу от работы наедине, когда он переносил свои размышления на бумагу, то ли в форме статьи, то ли влагая их в уста персонажей. Конечно, в описаниях и в прямом действии Ефремова — прежде всего художник. Но он не боялся перегружать повествование идеями, не облеченными в образы. Покоряет он не только сюжетами, но и логикой развития мысли, поздней идеей, раскованным голосом самого автора. О чем бы ни говорил и ни писал Ефремов, все подчинялось хорошо продуманной единой концепции: природа — человек — общество.

¹ См. Андрей Багаев. Материалы к биографии И. А. Ефремова. — В кн.: Понск-80. Свердловск, 1980.

² Книга «Через горы времени» была издана «Советским писателем» в 1963 году.

Он обратился к писательству в начале 40-х годов, обогащенный огромным опытом палеонтологических исследований и практической работы в области геологии. Все, чего он достиг, все, что познал, преломлялось в его произведениях.

Остановлюсь в этом очерке на мало известных эпизодах биографии Ефремова, оставивший заметный след в его творчестве. Речь идет о трех геологических экспедициях, имеющих прямое отношение к великой стройке нашего времени — БАМУ.

В январе текущего года в «Ленинградской правде» появился репортаж В. Чичина «Шаги магистрали». Вот что там сказано:

«Ленгипротранс — генеральный проектировщик ленинградского участка магистрали, протянувшегося от Чары до Тынды на 631 километр. Уникальная по своим масштабам работа, суровые природные условия стали серьезным испытанием на мастерство не только для строителей, но и для проектировщиков. Тем весомее успех, достигнутый здесь в ноябре прошлого года: с опережением более чем на месяц от Тынды до Усть-Нюкжи (а это больше половины участка) пошли пассажирские поезда».

До Чары еще около трехсот трудных километров — сквозь горы, через реки, тайгу. Пока передовые отряды путейцев, дорожников, взрывников, механизаторов, наращивая темп работ, продвигаются дальше, специалисты Ленгипротранса составляют рабочие чертежи железнодорожных станций, служебно-технических и жилых зданий... (См.: «Ленинградская правда», 1982, 10 января).

Оглянемся в прошлое.

Все, кто читал «Туманность Андромеды», помнят одну из героинь романа Чару Нанди. «Однако лишь немногие знают, — пишут академики В. Меннер и А. Яншин в газетной заметке «Фантаст прокладывает тропу», — что имя этой необыкновенной девушки произошло от знаменитой теперь сибирской реки Чары, которая в 30-е годы очаровала самого Ивана Антоновича...» («Советская Россия», 1980, 28 декабря).

А вот небольшой отрывок из интервью, взятого у писателя журналистом Н. Болотниковым: «В начале 30-х годов Иван Антонович работал в районах, о которых в наши дни говорит чуть ли не вся мировая печать. В беседе со мной он вскользь, как бы между прочим назвал эти районы: Амуро-Амгунский водораздел, Алданский хребет, река Токко — приток Чары в Витимско-Олекминском национальном округе, трасса Лена — Бодайбо — Тында... Я записал эти названия, но лишь теперь взглянул на карту... Вот здорово! Оказывается, Иван Антонович был одним из первопроход-

цев и исследователей великой стройки — Байкало-Амурской магистрали!» («Вопросы литературы», 1978, № 2, с. 213).

Народный комиссариат путей сообщения совместно с Советом по изучению производительных сил Академии наук СССР направлял лучших специалистов-геологов на разведку будущей трассы. Изыскания велись интенсивно в течение нескольких лет в труднодоступных, иногда совершенно неисследованных краях.

Передо мной документы из архива писателя, любезно предоставленные его женой Т. И. Ефремовой.

Удостоверение, выданное (в Хабаровске) Дальневосточным крайисполкомом 27 июня 1931 года «начальнику отряда Нижне-Амурской геологической экспедиции Академии наук СССР тов. Ефремову Ивану Антоновичу в том, что он командирован в Эворон-Лимурийский район во главе отряда Экспедиции для производства геологических работ... Предлагается всем организациям оказывать всяческое содействие отряду Экспедиции в его работе...»

И в следующем, 1932 году, — удостоверение, подписанное зам. председателя Восточно-Сибирского крайисполкома (в Иркутске): «Выдан начальнику отряда геологу Ефремову по изысканиям железнодорожной линии Лена — Бодайбо — Тында в том, что он командирован для производства изысканий от р. Олекмы до г. Тында. Предлагается всем советским организациям оказывать полное содействие в выполнении возложенного на начальника партии исключительно важного задания».

Так что же скрывается за скудными словами этих удостоверений?

В 1931 году 24-летний Ефремов во главе небольшого отряда вместе с другой партией под началом геолога Е. В. Павловского спустился пароходом до села Пермского и оттуда — до Нижне-Тамбовского, чтобы идти далее своим маршрутом. Отряд Ефремова исследовал район озера Эворон и долину реки Горин, попутно найдя и строительный материал (цемент).

Ныне трасса железной дороги проходит по этим самым местам, поворачивая в Комсомольск-на-Амуре. Комсомольцы-строители дальневосточного города развернули строительство в 1932 году. Потому и трасса изогнулась к городу, а не прошла вдоль всей реки Горин, прямую к порту Советская Гавань, как предполагал Ефремов.

Позднее он рассказал о результатах экспедиции в книге, написанной вместе с Е. В. Павловским, — «Геологический очерк западной половины Озерного района Приамурья». И, как верно заметил инженер-изыскатель Ю. Федин в статье, напечатанной в молодежной газете Хабаровска, «за специальным,

сугубо деловым описанием впервые пройденного района останутся ночи у костра, переправы через горные реки, все то, что связано с походом и таежным бытом».

Вторая экспедиция, выполнявшая задание «Сибстройпути» наркомата путей сообщения, проходила в несравненно более трудных условиях. Геологи из-за всяких неполадок выехали из Иркутска с опозданием и попали на место поздней осенью. Не хватало снаряжения и теплой одежды, а предстояло пройти несколько сот километров по нехоженом таежном чащам — вдоль реки Нюкжи и ее боковых притоков Ларба и Геткан, до самой Тынды.

Вот выдержка из книги И. А. Ефремова «Геологический очерк Олекмо-Тындинского района»: «Последняя треть пути была пройдена по глубокому снегу и при морозах, доходивших до -28° . Общее протяжение рабочего пути с боковыми ходами около 600 км. Весь маршрут был проделан исключительно пешим. Несмотря на тяжелые условия работы в холодное время года, при недостатке снаряжения и пешем пути, весь небольшой состав партии проявил исключительную преданность делу». Ефремов особо отмечает коллектора Г. А. Прошкурата, рабочих А. И. Яковлева, М. С. Карякина и звенка-проводника Н. С. Непсердинова, которому приносит «главную благодарность».

Академик В. А. Обручев в предисловии к очерку Ефремова подчеркнул особые трудности, которые были преодолены всеми членами отрядов, исследовавшими вместе с путейцами наименее известные пространства между Леной и Амурским бассейном. «В настоящее время, — писал Обручев, — в связи с быстро развивающимся социалистическим строительством Сибири и освоением обширных пространств ее северной половины, требующим улучшения всех путей сообщения, вопрос о северном варианте [трассы] снова делался актуальным». И далее — такие примечательные строки: «Весьма обстоятельный отчет И. А. Ефремова... содержит характеристику участка Нюкжа — Тында... где трасса пролегает вверх по долине р. Нюкжа и переваливает по очень пологому и низкому водоразделу в долину р. Геткан. В заключительной главе отчета сделаны указания на предстоящие при постройке железной дороги затруднения в виде подвижных каменных рек (осыпей) на склонах, заболоченности и развития вечной мерзлоты. Но эти затруднения неизбежны во всех гористых районах Восточной Сибири...»

Нужно добавить, что Ефремов впервые указал на возможность проведения участка трассы вдоль

Нюкжи. Когда работы в послевоенные годы возобновились, проектанты из Ленгипротранса воспользовались этими рекомендациями. Теперь железнодорожная колея на исследованном Ефремовым участке от Олекмы до Тынды проходит по выбранному им наиболее короткому и удобному направлению.

...Верхне-Чарская партия Прибайкальской экспедиции 1934—1935 годов, которой также руководил Ефремов, без преувеличения работала героически. Именно так об этом писал С. Шмулович, автор газетного очерка «Их имена должны знать весь коллектив Академии наук», помещенного в академической многотиражке «За социалистическую науку» в номере от 9 апреля 1935 года: «Верхне-Чарская партия сделала свое дело скромно и хорошо. Но дело это героическое... Собранный материал, впервые освещающий «белое пятно» на геологической карте Сибири. Намечались выводы, имеющие огромное научное значение».

Отряд геологов направлен был для разведки нефтесодержащих структур и рудных месторождений в котловине верхнего течения Чары на Олекминском нагорье. Считалось, что в короткий летний сезон партия справится со своей задачей, но произошли непредвиденные задержки, и работу удалось начать лишь в момент ледостава, в том году особенно раннего. Не получив на исходном пункте оленей, Ефремов вместе с персоналом партии — всего семь человек (среди них петрограф А. А. Арсеньев и студент ЛГУ Н. И. Новожилов, известные ныне ученые) — отправился на сплаве в судне — карбасе по порогам Олекмы. Мороз и колючий ветер не давали выстоять на руле больше полутора-двух часов. Благодаря усилиям всех участников партии, к середине октября карбас добрался до места назначения — якутского поселка Куду-Кюель, в 120 км от устья Олекмы. Отсюда перевалили пешком в долину реки Токко, крупного правого притока Чары, и в якутском поселке Тяня разделились на три отряда. Основной, в составе начальника партии Ефремова, петрографа Арсеньева и промывальщика А. И. Яковлева, выехал из Тяни на оленьих нартах и, преодолев много препятствий, достиг устья речки Ульгулук, а затем перевалил в долину Чары. Работы по исследованию геологических структур Чарской котловины были закончены к 12 января 1935 года. В конце месяца все три отряда встретились на станции Могоча Забайкальской железной дороги.

При свирепом морозе, ниже 40°, партия Ефремова исследовала кроме Чарской котловины порожистый район Олекмы, две новых, ранее неизвестных котловины, из ко-

торых одна — Верхне-Токкинская — не меньше Чарской. Съёмкой были захвачены реки Хаки, Токко и часть Алданской плиты. Всего пройдено маршрутами 2750 километров, из них с работой не менее 1600 километров!

«Обшивали кожей все металлические приборы и инструменты, чтобы к ним можно было прикасаться, не рискуя отморозить пальцы. Сконструировали упрощенную планшетку, прикрепленную на груди для топографической съемки. В запас заготавливались рукоятки на геологические молотки. При таких морозах на кристаллических архейских породах ручки у молотков выдерживали очень короткий срок, а часто и сам молоток обламывался по кусочкам» (из отчета экспедиции).

Несмотря на лютую стужу, недостаток продовольствия и теплой одежды, Ефремов прошел со своими товарищами по неизведанным местам втрое больше задания! И при этом он пронизательно указал на признаки знаменитой ныне удоканской меди, а также угля и железной руды, открытых позже другими геологами. К отчету была приложена карта Олекмо-Чарского района и прилегающей части Ленско-Алданской плиты. Карту составили по маршрутным исследованиям, устраняя «белые пятна», И. А. Ефремов и А. А. Арсеньев. Эта карта впоследствии была использована при подготовке советского Большого атласа мира.

Казалось бы, Верхне-Чарская экспедиция непосредственного отношения к БАМу не имеет. Но это не так. Добытые сведения пригодились! Амуро-Амгунский водораздел, Алданский хребет, река Токко, как и пройденные прежде Ефремовым участки, знакомы всем, кто следит за сообщениями о строительстве Байкало-Амурской магистрали. А что пришлось пережить отряду в верховьях реки Токко, Ефремов потом поведал в рассказе «Голец Подлунный».

Сопоставляя рассказ с машинописной копией «Краткого предварительного отчета Верхне-Чарской партии Прибайкальской комплексной геолого-петрографической экспедиции», убеждаешься, что это действительно, как сказал о своем произведении автор, «хроникальное и точное описание одного из моих сибирских путешествий». Кроме фантастического ядра сюжета — находки пещеры с рисунками африканских животных и складом бивней слонов, — все совпадает с реальными фактами. Только действие сдвинуто на год вперед — завершается в январе 1936 года, а отчет И. А. Ефремова и А. А. Арсеньева, находящийся в фондах Геологического института Академии наук, датирован 14 февраля 1935 года. Сама же

обстановка — «хаос острейших зубцов, ребер и пирамид» в долине Токко, «каменный, застывший, скованный морозом мир», где в стужу ниже 45° слышится «тихий шелест, называемый якутами «шепотом звезд», трехзубцовая отвесная круча гольца Подлунного — все это при некоторой доле воображения угадывается в сухом отчете геологов. Совпадают и драматические эпизоды похода по неизведанным горным урочищам, куда забредали только местные жители — якуты и эвенки (тунгусы).

В письме от 23 октября 1960 года Иван Антонович прояснил мне реальную основу своих «геологических» рассказов.

«Голец Подлунный» — это совершенно точно воспроизведенное мое путешествие в указанных местах в 1934—35 гг. Также точны встреча с Кильчегасовым и его рассказ. Фантазия — поход на голец Подлунный и находка пещеры, хотя в основе похода лежат: а) мой одиночный поход по страшному ущелью и б) совместно с геологом Арсеньевым — в глубь хребта Кодар в Чарской котловине».

По личным впечатлениям написаны также «Белый Рог» и «Тень Минувшего» («В основе, — сообщил Ефремов в том же письме, — лежат мои исследования динозавровых местонахождений Средней Азии, и все пейзажи, встречи и т. п. — фактические...»). В «Алмазной Трубе» — «все, что относится к тайге, походам, голодовке и т. п. — все фактически бывшее со мной, только в другом районе тайги».

На современных картах сохранились названия разных геологических точек южного края Ленской платформы, которые были даны Ефремовым в зимние месяцы 1934 года. Среди них — Верхне-Токкинская котловина и гольцы Кильчегасовские, по имени якута-охотника, поведавшего предание о пещере со слоновыми бивнями.

Евгений Трофименко, один из членов Комиссии по наследию И. А. Ефремова, в августе 1980 года побывал в этих местах — летел до Тынды, оттуда самолетом местного рейса до Усть-Нюкжи, а дальше вертолетом геологов до реки Итчиляк (в переводе с эвенкийского — Чертовое место). В шести километрах к северу — от линии БАМа в 30—35 километрах — над горным хребтом резко возвышаются два высочайших пика — Усолцева и Подлунный — в 3000—3200 метров абсолютной высоты. Все, что увидел Трофименко, полностью подтвердило документальную основу рассказа. И более того, согласившийся быть проводником старый эвенок Прокопий Кузьмин воспроизвел ту же легенду о складе бивней, правда, не слонов, а мамонтов, находящемся

где-то в округе, быть может, неподалеку от гольца Подлунного...

В заключение приведу выписки еще из двух документов.

«БАМ. Всесоюзная ударная комсомольская стройка. 1 ноября 1979 года. Мы, члены бригады монтажников, строящих станцию Усть-Нюкжа... принимаем почетным членом бригады первооткрывателя трассы БАМ, писателя-фантаста Ивана Антоновича Ефремова (подписи бригадира, комсорга и членов бригады)».

Из протокола № 24 заседания постоянной Междуведомственной комиссии по географическим названиям. 21 сентября 1978 г.

«Решено:

2. Согласиться с предложением Тындинского райисполкома Амурской области, Амурского облисполкома, дирекции строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и Государственного проектно-изыскательского института Ленгипротранс, поддержанным Госпланом РСФСР, о переименовании на участке Чара — Тында станции с проектным названием Усть-Нюкжа в станцию Иван Ефремов (в память об Иване Антоновиче Ефреме, ученом-палеонтологе и писателе-фантасте)».

...Много лет назад вместе с В. И. Дмитриевским мы впервые встретились с Иваном Антоновичем в Москве, в его тесной, сплошь уставленной книжными стеллажами квартире в Спасоглинищевском переулке. В первой же, затянувшейся за полночь беседе раскрылась многогранная личность Ефремова, покорил его глубокий ищущий ум, свободно преодолевающий барьеры пространства и времени. Рассказав под конец, уступая просьбам, о некоторых необычных случаях в экспедициях, когда жизнь висела буквально на волоске, он указал на английское издание одной из книг замечательного русского художника, путешественника и писателя Рериха и по памяти изложил отрывок.

— На самом трудном перевале Тибета путник находит древние письмена, неведомо кем и когда нарезанные на скале, у тропы, усеянной на большом расстоянии останками замерзших людей и выючных животных. «Научился ли ты радоваться препятствиям?» — гласит эта надпись, обращенная к тем, кто достиг перевала... И я так думаю, — добавил Ефремов. — Тот, кто избегает препятствий, ищет легких путей, останется пустоцветом. Ничего не откроет, не сделает ничего доброго...

«Будьте всегда любопытными...»

Публикуем несколько писем И. А. Ефремова, адресованных им в 1962—1965 годах уральским читателям и любезно предоставленных в наше распоряжение Т. И. Ефремовой.

Нетрудно, как нам кажется, заметить в них сквозную мысль, пронизывающую и все творчество выдающегося советского писателя-фантаста. Смотрите на мир с интересом, не упускайте малейшей возможности открыть новое в человеке, в окружающем вас мире; а интересного вокруг — так много!..

Музей революционной, трудовой и боевой славы школы имени К. Маркса Александровского района Оренбургской области, А. З. Зенову.

Москва, 30 августа 1964.

Уважаемый Александр!

Ваше письмо доставило мне большое удовольствие — вспомнились все мои путешествия по Оренбургским местам в 1929—30 гг.

И дом в хуторе тот самый, где я жил, но, кажется, не сохранился глинобитный сарай-амбар — в своих путешествиях я обычно не останавливался в избах, а занимал отдельное помещение в виде амбарушки — и хозяев не стеснишь, и себе удобнее. Мои хозяева — Самодуровы — были очень хорошие люди и заботились обо мне, как о родном, впрочем, тогда в Горном было довольно много населения и много хороших людей.

Вы верно разыскали и разгадали. Действительно, в рассказе «Пути старых горняков» я передал собственные приключения и впечатления, а также часть того, что мне успели рассказать два штейгера Каргалинских рудников, отец и сын Хреновы, причем Корнил Корнилович хорошо помнил крепостное время.

И вот теперь вы, любопытные ребята, живо напомнили мне происходящее 35 лет тому назад. Большое вам всем спасибо, спасибо и тем, кто меня вспомнил.

Несколько дней назад я послал вам бандеролью те из своих книг, какие оказались у меня в наличии. (...)

Биографию мою писать было бы сложно, но, к счастью, есть книга о моих писаниях, и там много биографических данных. Эту книгу, «Через горы времени», я тоже послал вам вместе со своими.

Это очень хорошо, ребята, любить родной край и узнавать его, так, как вы это делаете, в туристических походах. В Оренбургской области очень много интересного, так же как и в соседних районах Башкирии и Актюбинской области, и любопытные всегда сумеют отыскать это интересное — из прошлого или настоящего.

Желаю вам всяческого успеха в будущих походах.

С искренним
уважением и приветом
И. А. ЕФРЕМОВ.

(Ему же).

Москва, 18 сентября 1964.

Уважаемый
Александр Захарович!

Я очень доволен, что посланные мною книги доставили Вам удовольствие. Разумеется, я pošлю Вам и другие, когда выйдут, но это будет не раньше декабря. С палеонтологией дело хуже — нет хороших популярных книг, но, может быть, что-нибудь найдется из старых изданий.

За приглашение приехать — большое спасибо. Передайте, пожалуйста, мою благодарность Вашему педагогическому коллективу. К сожалению, я не сумею воспользоваться приглашением по двум причинам. Во-первых, завтра я выезжаю на два месяца, а во-вторых, сейчас я выезжаю куда-нибудь, кроме дома отдыха, очень редко по состоянию здоровья — болезнь сердца.

Не знаю, удастся ли мне побывать когда-нибудь в милой сердцу Оренбургской степи, но если сердце поправится, то, может быть, и приеду года через два, проехать от Оренбурга через Горный и Шарлык в Башкирию, на старые медные рудники, которые там еще древнее, чем в Оренбургской области.

Когда зимой будете обсуждать планы будущих туристских походов, то напишите мне о своих планах — может быть, что-нибудь и посоветую дельное.

Сердечный привет ребятам-туристам, учителям Вашей школы и, разумеется, Вам самому.

С искренним уважением
И. А. ЕФРЕМОВ.

(Ему же).

Москва, 3 мая 1965.

Уважаемый товарищ Зенов!

Сердечное спасибо за поздравления с праздником и добрые пожелания. Примите и от меня тоже добрые пожелания и передайте их Вашим ученикам, а также и при случае Владимиру Леонидовичу. Может быть, соберусь написать ему сам, но пока никак не выбрать время — очень занят.

«Лезвие Бритвы» пошлю Вам, когда выйдет второй выпуск тиража — первый растащили в мгновение ока.

Теперь обратимся к вопросу о Вашем походе. Он должен пройти как раз по интересующим меня местам распространения рудников б. Уфимской губернии.

Эти рудники работали раньше Каргалинских, в 1760—1790 годах, часть позже, в период 1820—1850. В них были найдены интереснейшие находки древнейших зверообразных пресмыкающихся и земноводных, огромные скопления древесных стволов и раковины моллюсков.

Я был на этих рудниках в 1930 году, когда брал пробы с отвалов рудников и руководил их нанесением на карту. Исследовать их было очень трудно, так как рудники (вернее то, что от них осталось) заросли густейшим дубовым лесом. Мне удалось найти только несколько открытых шахт и карьеров. Я спускался в них — они

стоят очень прочно, совершенно сухие.

Мне думается, что Вы с ребятами могли бы пройти по отвалам этих рудников и посмотреть, в каком виде они сейчас находятся. Если лес, росший на них 35 лет назад, вырублен, то теперь они гораздо более доступны для изучения, и мои ученики смогут посетить их. Напишите мне, что Вы увидите — сделаете полезное дело, а если на отвалах найдете какие-либо окаменелости, стволы окаменелых деревьев, стяжения медных минералов — пришлите в Палеонтологический институт Академии наук СССР (Москва, В-71, Ленинский проспект, 16) Чудинову Петру Константиновичу. Определения будут Вам сделаны.

Главное поле этих рудников находится между городками Стерлибашево и Киргиз-Мияки, на сыртах около деревень Казанка, Старая Родионовка, Дмитриевское-Болгарино — в среднем по 400 отвалов у каждой. Дальше идут штольни и отвалы у деревни Кочегановой и большой рудный карьер у деревни Семашево.

Огромные отвалы есть у деревни Яшляр и у Каркалинского завода в деревне Камышлы, там же были открыты шахты на глубине 10 метров.

Где-то около Камышлов есть (вернее, был) Ужов хутор, там тоже есть рудный карьер, как у дер. Семашево. На Каркалинском заводе осталась большая куча рассыпавшейся в песок руды и такая же куча серного колчедана — пирита, почти тоже рассыпавшегося. У дер. Ново-Генераловка — опять большое поле отвалов и открытая штольня на верхе сырта. Оттуда близко дер. Ключевка с одним из самых древних рудников — Ключевским, первые сведения о котором восходят к 1745 г. Там есть открытые шахты. Дальше по сырту идут отвалы у деревень Ново-Николаевка, Турган, Дурасова (тоже самый старый рудник — Дурасовский), Теняева и Федоровка — самая южная группа маленьких отвалов. (...)

Желаю успеха и интересного путешествия.

С искренним уважением
И. А. ЕФРЕМОВ.

Оренбург, строительное училище № 14, директору — для учащихся Б. Пархоменко, В. Ребенковой, Т. Коноусова, В. Черникова, Н. Нионовой и др.

Дорогие ребята — молодые строители!

Сердечное вам всем спасибо за поздравление и добрые пожелания.

Меня очень тронули ваши хорошие слова и намерения. Тем более приятно, что вы пишете мне из Оренбурга — города, около которого я много работал в молодости (изучая старые медные рудники) и с которым у меня связаны хорошие воспоминания. Один из моих рассказов «Пути старых горняков» прямо описывает мои впечатления на оренбургских рудниках...

Вы хотите знать, пишу ли я продолжение «Туманности Андромеды»? Пока нет. Сейчас я занят романом (заканчиваю его и в будущем году он должен печататься в журнале «Нева», а потом отдельной книгой в «Молодой гвардии»), в котором я пытаюсь от космоса обратиться к человеку — сыну Земли, обладающему огромными возможностями и совсем еще не знающему их. Мне кажется, что в последнее время у нас появилось много рассказов и повестей о дальних планетах и звездах, и в них есть скрытое стремление уйти от Земли в дали космоса, убежать от неурядиц и трудов повседневной земной жизни, найти сказочные страны, более прекрасные и удобные, чем наша планета. Вопреки всему этому мне хочется, чтобы стремление в космос было бы не бегством с неустроенной планеты и (от) неудавшейся жизни, а естественным зовом избытка сил, и желания освоить и устроить другие миры так же хорошо, как и собственную планету. Конечно, пока «для веселья» наша планета мало оборудована, а потому и надо не упускать малейшей возможности поиска прекрасного, нового в человеке и его жизни, понимания собственных возможностей и сил, которым вооружает нас современная наука.

Вот почему я обратился к вопросам устройства человеческой психики и организма и простекающих отсюда сложных, но очень важных и интересных законов эстетики — понимания красоты, морали и поведения. Главный герой романа — врач, психофизиолог, действие происходит в СССР, Италии, Южной Африке, Индии. Чтобы большой и трудный научный фундамент романа не превратился в научную проповедь, пришлось облечь его в приключенческую форму. Кроме этого романа, я напишу в ближайшее время маленькую, вроде «Сердце Змеи», повесть о будущем и о космосе, под названием «Долгая Заря», где попытаюсь представить себе олигархическое деспотическое всепланетное государство на некой планете, с которым столкнутся посланцы коммунистического общества Земли эпохи немного более поздней, чем время (действия) романа «Туманность Андромеды». После того мне придется сделать

перерыв в литературной деятельности для занятия наукой — надо писать книгу об истории жизни и лишь потом взяться за давно задуманный исторический роман «Дети Росы» — о нашествии монголов на Русь в XIII веке.

Вот и все мои планы на три года вперед, буду стараться их выполнить. От души желаю вам выполнить свои планы. Будьте всегда любознательными и смотрите на мир с интересом — и жизнь вам оплатит сторицей, потому что в мире есть бездна интереснейших вещей во всех областях, которые только могут интересовать человека.

Труд строителя — едва ли не самый древний, начавшийся с камней, которыми наши предки заграждали входы в пещеры, обороняясь от страшных хищников, потом стали строить жилища из костей мамонтов, подобно недавно раскопанному на Украине, доказав свою власть над исполинами животного мира. И ваш труд, подобно труду земледельца, — самый благодарный, ибо вся культура, семья, общество тоже начались с устроенного жилья. Желаю вам всем овладеть этим трудом в совершенстве и построить много прекрасных зданий.

С искренним уважением и приветствием коллективу строительного училища № 14
писатель И. ЕФРЕМОВ.

ВПЕРВЫЕ В СТРАНЕ

«Фантастика за мир и прогресс человечества» — под таким девизом 29—31 октября минувшего года прошел в Перми семинар клубов любителей фантастики.

Организаторы семинара — обком ВЛКСМ, общество книголюбов, областной КЛФ «Рифей» и редакция газеты «Молодая гвардия» — задумывали его как областной. Планировалось собрать представителей «дочерних» клубов из Чусового, Кудымкара, Березников, поговорить вместе о жгучих проблемах фантастики, о не менее жгучих проблемах, встающих перед объединениями ее поклонников. Однако реальность, как нередко бывает, превзошла ожидания организаторов. В гости к пермякам приехали руководители и активисты клубов из Ставрополя и Вильнюса, Ростов-на-Дону и Калининграда, Москвы, Свердловска, Ленинграда, Нефтеюганска и даже далекого Хабаровска. Семинар явно перерос рамки областного, став первой у нас в стране встречей клубов.

О чем же шла речь на этой встрече?

Открывая семинар, секретарь обкома комсомола В. Ленковский отметил, что фантастика играет сейчас немаловажную роль в деле коммунистического воспитания молодежи. Ведь основным читателем НФ является именно молодежь. «Нам совсем не безразлично, на что будет направлен ее творческий потенциал — на пустое фантазерство или на конкретные, но фантастические, по своей сути, дела». Понятно поэтому, что основная задача КЛФ — пропагандировать лучшие достижения советской и зарубежной фантастики, развертывать культурно-воспитательную работу среди молодежи, способствуя тем самым активизации ее участия в коммунистическом строительстве.

В последние годы и сами читатели все чаще пробуют свои силы в фантастике — молодые рабочие, студенты, школьники. Много начинающих фантастов и в Перми — и на семинаре шел требовательный, серьезный разговор об их творчестве. Ведь именно КЛФ могут и должны вести работу с молодыми, именно КЛФ должны стать, по словам одного из выступавших, «школами мастерства для тех, кто посвятил себя этому трудному, но прекрасному делу».

Интересен был доклад доктора философских наук З. Файнбурга. Фантастику зачастую трактуют бук-

вально, ищут реальный прототип, ждут от нее чуть ли не готовых рецептов. Но фантастика — не оракул, она не выдает готовых решений. Ее дело — ставить проблемы, решать их — ее читателям. Оттого не случайно тяга любителей НФ друг к другу: серьезная фантастика неизбежно наводит на размышления, рождает споры; КЛФ выступают в данном случае в качестве центров такого общения.

Программа семинара была весьма насыщенной. На нем выступали критик Вл. Гаков, молодые писатели-фантасты В. Бабенко, С. Другал, Ф. Дымов, представители клубов. Об опыте пермяков, о возможном и необходимом разнообразии форм работы КЛФ обстоятельно рассказывали А. Лукашин и Ю. Симонов, руководители пермского «Рифея». Клубы не должны замыкаться в себе, они обязаны поддерживать тесную связь с комсомолом, с обществом книголюбов, с редакциями, библиотеками. Выездные заседания, лекционная работа, подготовка тематических страничек для газет неизбежно расширяют кругозор, придают активный общественный характер деятельности КЛФ.

В зале обкома ВЛКСМ, где проходил семинар, была развернута выставка пермских художников-фантастов. Приз за первое место в конкурсе семинара был единодушно присужден В. Ковалеву: мало кто не поддавался очарованию его картин-аллегорий «Дерево», «Магелланы Вселенной», полотен на сюжеты Гофмана.

Необходимость семинаров, подобных пермскому, очевидна. В стране уже свыше тридцати КЛФ — только тех, чьи адреса известны редакции «Уральского слепопыта». Нужна координация их работы, нужен регулярный обмен опытом, нужна разработка специальных методических пособий, а возможно — и учрежденные общесоюзного читательского приза за лучшее произведение советской НФ...

Хочется надеяться, что семинар в Перми — только первая ласточка, что такие встречи станут ежегодными.

О. МАЛЮТИН,
председатель Свердловского
городского КЛФ

Раскрылась книга горная

Юрий
ЛИПАТНИКОВ

● Краеводам открываются все новые и новые факты, свидетельствующие о том, как уже в восемнадцатом веке могущество России прирастало Уралом и Сибирью. Старинные изделия из камня работы уральских мастеров украшают музеи Ленинграда и Москвы. Да и уральское железо во всех видах — или кровельное, или кованое, или литое — составило долговечную красоту главных городов России. Однако не только внешние черты Петербурга облагородил в прошлом мастер Урал. Его влияние издавна ощущалось и на умственной жизни града Петра Великого. Об этом и наш маленький рассказ.

Летом 1774 года в России открылось новое учебное заведение — горное училище (ставшее через полвека горным институтом). Поначалу в училище принимали по преимуществу молодых людей, окончивших курс в Московском университете...

Не раз думалось, что, по-видимому, среди первых студентов горного училища были и уральцы, что вообще без Урала — основного тогда места в стране добычи руд — не создать было бы того учебного заведения...

Итак, горное училище открылось в столице, где было достаточно высокообразованных людей, и, значит, преподавание можно было поставить отменное. А учебники? Их берг-коллегия выписала с далекого Урала. Горное ведомство приказывало выслать книги «нынешним зимним путем с золотом или как случится оказия, если же нынешние обстоятельства за чем не позволят, то хотя по просухе, в случае неимения оказии с парочным, как поскорее...»

И часть уральских книг отправилась быстро, к открытию, а еще 300 книг лишь в 1775 году. Ведь учебники тоже были нужны уральцам, в Екатеринбурге действовала школа. Справедливо заметил один крупный чин, увидев экзамены в горном училище, что в Петербурге дают теорию и нет у студентов настоящей практики, лишь в Екатеринбурге теорию можно было бы соединить с практикой. Уральский опыт обучения, без сомнения, пере-

давался столичному училищу, кстати, и созданному по инициативе уральских заводчиков.

Однако какие же там были требования к первым студентам? На Урал весной 1774 г. пришла бумага, все это объясняющая. Сообщалось, что сенатор Соймонов представил доклад об открытии горного училища из «двадцати четырех человек на казенном содержании и из заводчиковых и других российских и иностранных свободных людей из тридцати человек на собственном их иждивении для обучения науке». Значит, в училище сразу определяли не только «из Московского университета дворян и офицерских детей», а и «заводчиковых детей».

Интересна программа горного училища. «Обучать арифметике и алгебре... необходимо счисление твердо знать и для исследования корпусов воды и вычисления при разных заводских и горных машинах». Второе: учить «геометрии и маркшейдерскому искусству... для снятия на поверхности земли ситуации и высоты гор для отводу и разделению лесов... для познания, в какой глубине работа производится». Третье: обучать «минералогии и металлургии, чтоб по верным основаниям узнавать породы руд и содержание в них металлов». Четвертое: учить «рисовать... искусство столь же нужно для горного офицера». Пятое: изучать «химию для опыту плавки и разделения металлов». Шестое: давать физику «для генерального понятия и ясного рассуждения о всем том, яко связанном с веществом».

И — любопытное добавление: «...а как при сем училище горные студенты будут обучаться и действительно в печках плавить металл, почему уже о присылке сюда со всех партикулярных заводов по ступе медных руд». Книжки — с Урала. И руды для учебных плавков — тоже с Урала. Были также среди первых студентов горного училища в столице и уральцы: на учебу были «представлены бергауеры Санагини и Аксентьев, промывальщики Шартин и Некрасов»...

Куриозное путешествие Делиля

**Анатолий
ОМЕЛЬЧУК**

● Знакомясь с историями экспедиций русских исследователей на Север, непременно отметишь одно обстоятельство: путешественникам приходилось переносить большие тяготы. Они мерзли, голодали, страдали от цинги... Средством передвижения у них были лошадки, лодки, олени упряжки. Пища, естественно, особой изысканностью не отличалась, одежда и кров — тоже.

Экспедиция академика Николая Делиля в Березов выглядела на этом фоне роскошно и помпезно. Ученых, включая четырех практикантов, воспитанников Морской академии, было всего восемь человек, а экспедиционный эскорт был в несколько раз больше — в начале путешествия он составлял свыше тридцати человек. У экспедиции был свой хозяйственный распорядитель-учитель Академии наук майор Семен Салтанов. Был даже метрдотель путешествия. На эту роль академик выбрал своего бывшего лакея Михайло Гренинга, который по официальным бумагам числился переводчиком и третьим помощником. В штат экспедиции был зачислен и делиловский слуга Шарль. Капрал императорской гвардии Венедикт Ширчев с подмастерьем Алексеем Кришовым занимался заготовкой лошадей и разведкой дороги. Капрал Сучкарев с тремя бравыми солдатами исполнял охранные функции. Переводчик Палгеров помогал общаться академику, который был весьма слаб в русском языке, с другими членами экспедиции. В Тобольске для столь большого отряда выделили священника отца Антония, фельдшера Шахова и 19 солдат.

С 10 марта 1740 года, как только за городской заставой скрылись дома императорской столицы, академик старался не покидать свой роскошный экипаж. Именной указ, или «отверстой лист» императрицы Анны Иоанновны, позволял Делилю пользоваться на станциях теми привилегиями, которые оказывались только высшим сановникам. И почести ему оказывали весьма вельможные. В сибирской столице Тобольске губернатор Петр Иванович Бутурлин выслал навстречу ученому каравану почетный караул. В Березове воевода Федор Иванович Шульгин преподнес астроному... зуб мамонта.

На обратном пути из Сибири, по дороге из Тобольска в Соликамск, экспедиционный обоз представлял из себя 25 экипажей, запряженных четверками. Когда Делиль плыл по Каме, то знаки внимания ему оказывали бароны Строгановы — владыки этих мест. Делилю был предоставлен барк с отдельными каютами. Академик настаивал на том, чтобы на барке подняли государственный флаг — голу-

бой, Андреевский. Сам академик спешил обрадовать оставшуюся в Петербурге жену: «У нас изобилие пива, меда, водки разных сортов из винных погребов барона».

Доброжелательно настроенный к Делилю историк Пекарский все же заметил впоследствии:

— Вообще нельзя было требовать почестей более тех, которые оказывались нашему ученому.

Чем же объяснялось такое внимание к экспедиции? 3 мая в северной Сибири ожидалось затмение солнца, и только здесь можно было наблюдать прохождение планеты Меркурий через круг солнца. Особое внимание к экспедиции следует объяснить и персоной руководителя — академика Делиля. В ту пору ему было уже 52 года. 14 из них он прожил в России.

...Иосиф Николай Делиль родился во Франции, и уже в 26 лет завоевал блистательную известность в научных кругах парижских астрономов. Это оказало решающее значение для его дальнейшей судьбы. Петр Первый, «собиратель умов», обратил на него внимание. Российский посланник во Франции князь Куракин заключил с Делилем контракт об организации обсерватории на четыре года. Сразу следует отметить, что этот контракт продлялся неоднократно — Делиль проработал в России 21 год.

Делиль был выдающимся специалистом. Он ввел в России математическую географию. Недаром основатель Пулковской обсерватории академик В. Я. Струве называл его «наш первый астроном». Однако француз не был бескорыстным подвижником науки. Если уж он трудился во славу ее, то не позавывал и о своей...

Императрица Анна Иоанновна, женщина малообразованная и умом не блестящая, любила поглазеть на звездное небо и при случае беседовала о предметах астрологии. Академик парижской выучки был галантным собеседником. Фаворит императрицы, небезызвестный Густав Бирон, платил Делилю специальную пенсию за эти астрологические собеседования.

...Как же протекала северосибирская экспедиция? Через 41 день, 20 апреля, делилевский обоз уже

был в Березово. Солдаты принялись за сооружение в пустующей избе временной обсерватории. На север, к Обскому устью, был послан капрал Ширчев. Он достиг Обдорска, его донесение вряд ли обрадовало руководителя экспедиции: капрал сообщал, что «лошадей нет, ездят только на оленях, нет никакого жилья».

Когда Делиль намечал план путешествия, он четко обозначил конечный пункт — «Обдорский, при устье Оби-реки». В документе, подписанном могущественными членами императорского кабинета Артемием Волынским, князем Черкасским и Остерманом, тоже стояло определенно: «В Обдорск, к Оби-реке отправить». Академия наук считала, что оное путешествие для астрономии и географии весьма куриозно и потребно.

Однако рассказ Ширчева привел Делиля в содрогание: он поспешил поставить в известность президента Академии Корфа: «Мне было невозможно ехать далее, как по причине дурных дорог, так и по недостатку лошадей».

В Березове все было готово к наблюдению прохождения Меркурия через круг солнца в момент его затмения. Однако день 3 мая, которого так ждали и ради которого была затеяна эта поездка, оказался облачным. Долгожданный Меркурий не показался в семифутовом «ньютоновском» телескопе академика.

Столь незадачливый исход дела мог значительно поколебать авторитет Делиля. Тем более, что инструкция гласила иметь в качестве основного пункта наблюдения не Березов, а Обдорск. Но вот что писал Делиль своему влиятельному петербургскому коллеге Гросу:

«Желая знать, остались ли мы в потере, отложив поездку в Обдорск, мы попросили уведомить нас, благоприятствовала ли там погода наблюдению прохождения Меркурия, но нам сообщили, что и там небо было также облачно, как и в Березове. Несколько дней и во всю ночь там, как и в Березове, продолжался сильный ветер со снегом, и он стих уже по прошествии времени для наблюдения.

«Прочь»

Павел
КОВЕРДА

● В марте этого года исполнилось 75 лет широко известному на Урале событию — забастовке рабочих Ирбитского (ныне Красногвардейского) завода.

Любопытный случай произошел в те дни: рабочие усадили на дровни управителя А. И. Сафонова и вывезли его прочь с завода.

Это событие описано во многих исследованиях краеведов и историков. Одним из первых, если не первым, рассказал о забастовке на Ирбитском заводе П. П. Бажов в книге «Формирование на ходу». Автор, ссылаясь на воспоминания старожилы завода И. М. Бороздина и И. И. Чебакова, подчеркивает, что забастовка рабочих Ирбитского завода показала, «что доведенные крайними формами эксплуатации, рабочие завода готовы были к открытому революционному выступлению, но сколько-нибудь организованного действия партии в заводе тогда еще не было».

О том, что это выступление было стихийным, утверждают также авторы недавно вышедшей в Свердловске книги «Ирбит». А стихийность, неорганизованность забастовки как бы логично должны привести к такому финалу: «Увидев бегущих пристава и стражников, рабочие разбежались...»

...Среди макулатуры, приготовленной для растопки печки во дворе одного из старых домов поселка Красногвардейского лежало письмо жительницы Ирбитского завода Екатерины Андреевны Думновой к сыну народному учителю П. Ф. Думнову. Оно было написано 14 марта 1907 года. И в нем подробно описывались события, происшедшие на заводе.

Старожилы завода, воспоминаниями которых пользовались авторы публикаций, допустили неточность. Прежде всего ошибка в дате забастовки. Она была не 7 марта, а пятью днями позже. Приведу строки из письма Е. А. Думновой.

«Завод остановили. Рабочие просили прибавки платы, но управитель им не прибавил. Они не пошли работать. 12 марта около двухсот человек рабочих собрались в заводе и позвали управителя. Спросили у него: «Можете вы прибавить нам платы?» Он говорит: «Не могу». «А убавить можете?» «Это могу». Тогда рабочие подвезли дровни и приказали садиться на

Это доказывает, что впредь не должно довольствоваться одними астрономическими наблюдениями, но что нужно советоваться и с астрологиею, когда предпринимешь столь дальнее странствие, в надежде на ясное небо».

Кажется, последняя фраза была предназначена для императрицы, которая всегда полагалась только на расположение звезд и поэтому могла простить «значительные издержки» Сибирской экспедиции.

Майор Салтанов в письме канцлеру Волынского безыскусно излагал научные итоги путешествия: «Сочинили несколько обсерваций разных, как для лангитуды, так латитуды чрез разные светила, а Меркуриевой видеть счастья не имели».

Пробыв в Березове шесть недель, экспедиция, несолоно хлебавши, вынуждена была отбыть назад. Обсерваторию не стали разбирать, потому что в том году в Березове ждали приезда еще двух академических профессоров — Гмелина и Миллера.

3 июня экспедиционный дощик с 35 березовскими казаками, которые должны были грести против течения при недостатке попутного ветра, отошел от крутого сосвинского берега. На обратном пути астрономы на два дня задержались в Самаровском яме, один день провели в Демьянских юртах, а в Тобольске остановились на месяц. Делиль рылся в уникальных сибирских архивах и поручил снять копии с некоторых особо интересных географических карт, составленных сибиряками. (Позднее эти карты неизвестно каким путем попадут за границу и будут изданы там раньше, чем в России).

Возвращение назад проходило с такой же помпой. Но в своих письмах жене brave француз хотел представить свое путешествие как особо опасное. Его петербургские корреспонденты наверняка ужасались, получая делильские описания мест, населенных разбойниками, негодьями простыми и негодьями величайшими. Но ничего с академиком не приключалось, и он начинал пылко выдумывать смертельные ситуации.

«Михайло, гослюдин Кенигсфельд и Грегорьев будут каждый по очереди с одним солдатом стоять на страже по ночам, для большей безопасности на случай внезапного нападения, — запугивал он бедную женушку, но тут же утешал: — И тогда разбойникам придется плохо, если они вздумают напасть на нас, потому что мы имеем достаточно пороха и пуль. Михайло, Грегорьев, г. Кенигсфельд, Матис и Шарль, не считая трех солдат, имеют каждый по 30 или 40 приготовленных зарядов...»

Жена Делиля понимала, откуда могла прийти настоящая опасность для ее мужа: ведь во время, когда астроном путешествовал по окраинам, его царственная покровительница Анна Иоанновна, приказала долго жить. Мадам Делиль спешила указать мужу на новые влиятельные фигуры, покровительство которых могло обеспечить дальнейшую спокойную жизнь. И Делиль писал длинные послания канцлеру Бестужеву, Миниху, новому президенту Академии наук Бреверну, адмиралу Головину, французскому посланнику де ла Шетарди, Остерману — всем, кто только мог оказать поддержку и не поставит в укоризну значительные экспедиционные расходы. Делиль расшаркивался направо и налево, чтобы «совершенно оправдать благосклонное расположение и виды великих покровителей». Он-де радел о чести русской нации, желая «показать иностранцам, что способна свершить эта нация для успехов наук». В экспедиционном отчете он выдвигал новые проекты, главным образом для того, чтобы получить звание первого географа и космографа империи. Однако при новом дворе академик уже не пользовался таким влиянием.

Самым известным участником экспедиции, естественно, после Делиля, был сотрудник Академии наук, адъютант-астроном обсерватории Товий Кенигсфельд, который в штатном расписании числился «рисовальщиком, помощником по части наблюдений и вычислений, переводчиком, натуралистом и этнологом». Кенигсфельд вел дневник путешествия, в котором оставил достоверные наблюдения не только об экспедиции, но и о жизни народностей севера Сибири. Рисунки Кенигсфельда стали предметом особого внимания, ибо были редким и практически единственным документом по этнографии хантов, манси, ненцев тобольского Севера. Адъютант-астроном стоит и у истоков финноугроведения: он, пожалуй, первым подметил сходство черемисского (марийского) языка с финским. Топографически точно изображены в кенигсфельдовском «Дневнике» населенные пункты Нижней Оби. Позднее, в 1772 году, в родном кенигсфельдовском городе Ревеле вышла небольшая книга экспедиционного рисовальщика и этнолога. Из ее текста можно сделать вывод, что Кенигсфельд вместе с капралом Ширчевым совершил путешествие до устья Оби. «Дневник» лифляндского уроженца и сегодня служит этнографам, занимающимся историей народов Сибири.

с завода!..»

них управителю. Рабочие донесли его до проходной сторожки. Он встал и сказал: «Спасибо, братцы». Потом пошел в контору. Служащие затворили двери в конторе, не пустили управителя. Должно быть, боялись народа. Он пошел домой и в тот же час уехал в Алапаевск. В продолжении всего этого времени были тут пристав и немного стражников — 13 марта в завод приехал исправник Липский и несколько полицейских...»

Факты, изложенные в письме, совпадают с описанием этого события в других источниках. Но наблюдательная женщина, кроме точной даты, указала еще на одну деталь. Выходит, рабочие, выдворив таким необычным способом управителя, не испугались находившихся здесь представителей власти. Наоборот, служащие закрыли двери перед управителем (в присутствии исправника и стражников!), не пустили его в контору. Значит, забастовка проходила не стихийно, а чувствовалась твердая направляющая рука организаторов рабочего выступления...

В Свердловском областном государственном архиве я нашел документы, которые подтверждают наблюдения автора письма.

Освободившийся из-под ареста за революционные события в Алапаевске, приведшие к организации Советов, в Ирбитский завод приехал Григорий Герасимович Ветлугин. Выбор нового места жительства не мог вызвать особых подозрений у полицейских чинов, так как Ирбитский завод входил в Алапаевский горный округ и рабочие нередко по различным причинам переходили в пределах округа из одного завода на другой. Ветлугин сразу принялся за организацию социал-демократической группы. Первыми в группу вступили Ф. С. Журавлев, Г. И. Кропотухин, В. Н. Кропотухин, И. М. Бороздин, А. С. Бороздин, Г. И. Ширкунов, П. Г. Ширкунов, С. С. Казанцев, С. И. Пепелев, А. В. Панов, П. С. Плишкин, В. С. Плишкин. Позже в группу Ветлугина вошли бывший волостной старшина Афанасий Самсонович Шаньгин с сыновьями Матвеем, Иваном и Александром.

Революционную литературу в группу Ветлугина среди других агентов партии доставлял приезжавший из села Покровского народный учитель А. И. Фадеев, отец

писателя А. А. Фадеева. Александр Иванович не ограничивался только ролью доставщика литературы. Он подолгу беседовал с рабочими, подробно рассказывал о кровавых событиях в Петербурге.

Г. И. Ветлугин достал гектограф для печатания листовок и прокламаций. В боевую пятерку по распространению листовок вошли Ф. С. Журавлев, П. С. Плишкин, Н. А. Шаньгин, С. И. Пепелев, молодой паренек Петр Ширкунов.

Рабочие, недовольные действиями дрижимистого управителя, который за счет жестокой эксплуатации добивался рентабельности завода, за что к 20-летию своей работы на заводе получил от управляющего округом премию в сумме 5000 рублей, с большим интересом читали и обсуждали прокламации.

Вот один из полицейских документов:

«Секретно. 1906 г. 31 июля. № 40.

Его Высокородию, господину товарищу прокурору Ирбитского уезда Пристава 2 стана

РАПОРТ

27 сего июля около 7 часов вечера плотинный мастер Ирбитского завода крестьянин этого же завода Василий Константинов Панов заявил проживающим в Ирбитском заводе полицейским урядникам Коновалову и Зубареву, что на выходных дверях листопрокатного цеха в заводе сего числа неизвестно кем оказалась прибитой печатная прокламация от РСДРП, призывающая к вооруженной борьбе с правительством. Тотчас прибывшие в прокатный цех урядники Коновалов и Зубарев узнали, что прокламация с двери цеха кем-то сорвана и тут же на косяке дверей Высочайший манифест 9 июля сего года о роспуске Государственной думы. Кем-то сделана надпись мелом: «Кто с этим манифестом согласен — тот подпишись». Сверху написано: «Я не согласен» и на дверях написано: «94 не согласен». Надписи эти тотчас же смыли. Кто прибил прокламацию, кто сорвал ее и кто сделал на косяке надпись у двери «не согласен» — дознанием не установлено.

На другой день утром неизвестно кто сорвал с косяка и Высочайший манифест 9 июля.

По имеющимся признакам можно предполагать, что между рабочи-

ми Ирбитского завода таких прокламаций распространено несколько экземпляров...»

Полицейский документ признает, что боевая пятерка и вся группа Г. Г. Ветлугина была очень активной.

Незадолго перед забастовкой в доме Афанасия Самсоновича Шаньгина собралась в полном составе группа РСДРП. Заседанием руководил Г. Г. Ветлугин. Обсуждали вопрос, как реагировать на поднимающиеся волны недовольства среди рабочих и крестьян.

Забастовку решили начать утром, после нерабочих дней.

В это время на завод из 13 деревень съехались новобранцы. Группа РСДРП решила использовать это обстоятельство: каждому члену боевого ядра было вручено по 100 прокламаций.

12 марта, в понедельник, сменила пришла на завод. Но вместо паровых двигателей рабочие включили пожарные гудки. На завод прибежали рабочие других смен. Появился управитель.

А дальше события описаны в письме Е. А. Думновой. Надо только добавить, что в дровни в качестве «коренника» впрягся 60-летний старик саженного роста Руф Степанович Панов. Рабочие кричали «ура», подростки били в печные заслонки...

По наказу группы РСДРП ямские извозчики отказались увозить Сафонова с завода, но ему все-таки удалось уговорить одного и угнать из поселка...

Вскоре из Ирбита приехал исправник Липский с отрядом стражников. Арестовали Федора Журавлева, Сергея Казанцева, Ивана Сердюка, Григория Ширкунова. По дороге в Ирбит Григорию удалось сбежать. Были арестованы подозреваемые в связи с группой РСДРП доктор Г. А. Удинцев, акушерка А. П. Яркина, учителя В. Е. Беззубов и Р. Ф. Попова.

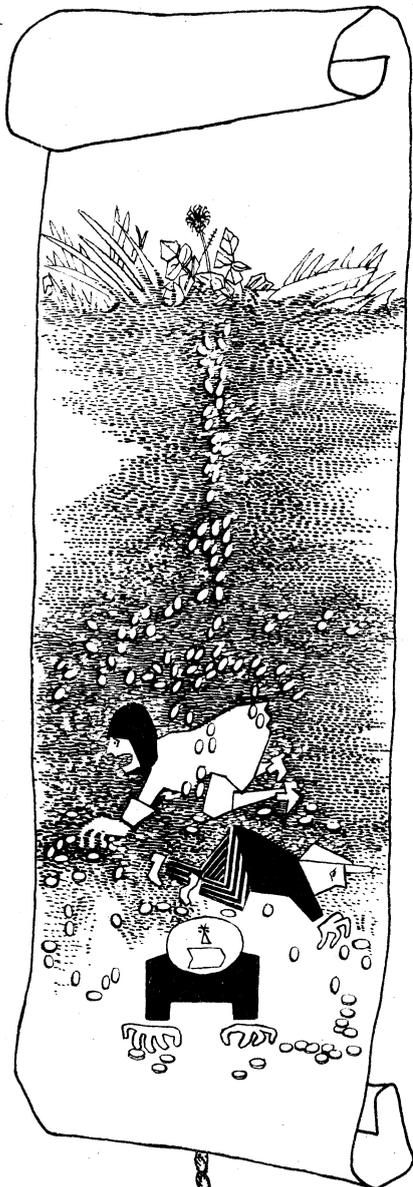
Несмотря на расправу, забастовка рабочих Ирбитского завода оказала революционизирующее влияние на народные массы близлежащих населенных пунктов. Дознательством этого явилось известное восстание осенью 1907 года крестьян деревни Першино, с участниками которого заводская группа РСДРП имела тесную связь.

Преданность делу революции рабочие Ирбитского завода вновь подтвердили в грозные дни гражданской войны: почти весь мужской состав, более 700 человек, вошли в сформировавшийся в поселке Камышловский полк.

Скрыто золото

**Всеволод
СЛУКИН**

*Рисунки
З. Баженовой*

Всеякими способами прячут люди сокровища. Засунут горстку бриллиантов в секретный ящик стола или шкафа, а потом, через десятки, а то и через сотни лет, кто-то вдруг случайно находит клад, не выходя из дома.

Но бывает и по-другому. В городе Булонь-Сюр-Мэр на берегу Ла-Манша стоял памятник Наполеону. Его решили реставрировать и сняли с пьедестала. Памятник оказался полым, внутри нашли неизвестные рукописи Виктора Гюго. А вот с другой статуей связана такая история. В старом полуразрушенном храме Бангкока, столицы Таиланда, стояло изваяние Будды высотой пять метров. Постепенно оно приобрело неказистый вид; покрытая известковым слоем, потрескавшимся от времени, фигура уже не внушала религиозного трепета, и ее решили вывезти из столицы в дальний монастырь. Статую подняли краном, но она сорвалась и упала. От удара отлетел кусок облицовки, и изумленные свидетели увидели... чистое золото.

Древние египтяне буквально начиняли драгоценностями мумии фараонов и сановников. Используя рентген, ученые обнаружили эти сокровища, упрятанные в мумии. Индийские магараджи не утруждали себя выдумкой, как спрятать ценности: они просто набивали ими комнаты своих дворцов одну за другой и опечатывали двери. Инки придумали, пожалуй, самый интересный способ сохранения сокровищ, обеспечив полную их недоступность для конкистадоров. Легенда гласит, что десять тысяч носильщиков поднялись на вулкан Сангай и оставили свой груз на его дымящейся вершине. Первое же извержение навсегда укрыло клад пеплом и лавой. Так это или нет, но на Сангае в слежавшемся пепле иногда находят предметы из золота.

Одно оригинально спрятанное сокровище где-то до сих пор ходит по рукам. Спрятали его по распоряжению Наполеона. Чтобы вновь введенные пятифранковые монеты хорошо расходились, Наполеон приказал внутрь одной из них вложить чек на пять миллионов франков.

Вот уже 180 лет эту монету разыскивают, чтобы получить по чеку назначенную сумму.

Много сокровищ таят моря, озера и реки. Правда, спрятав ценности на дне, люди вряд ли рассчитывали за ними вернуться. Пожалуй, самый распространенный с древнейших времен способ хоронить сокровища — закопать их в землю. Способ имеет много вариаций. Скажем, знаменитый полководец Атилла закопал награбленные в походах ценности в землю, а потом по этому месту прогнал свои конные армии — местность стала неузнаваемой. Очень надежным считалось прятать сокровища в пещеры. На всех континентах, во всех странах и просто в любой местности стойко держатся легенды о спрятанных в какой-нибудь пещере сокровищах. В Америке — это дощине не найденная пещера отца Филиппа, миссионера-католика, который якобы нашел сокровища индейского племени апачей на склонах горы Виктория в штате Нью-Мексико. В Европе — это пещеры по берегам Рейна, где прятали золото легендарные Нибелунги. В России — это многочисленные пещеры якобы с сокровищами разбойника Кудеяра, пещеры камских и чувских разбойников...

Подземелья, сделанные руками человека, тоже надежное место для драгоценностей. Кое-где специально рыли лабиринты, чтобы в каком-нибудь дальнем углу устроить тайник. Классический пример такого, как сейчас выразились бы строители, спецсооружения — те камеры египетских пирамид, в которых хранилось богатство фараонов, будто бы необходимое ему в загробном мире. Конечно, изобретая необыкновенные препятствия для тех, кто отважился бы проникнуть в усыпальницу земного бога, строители пирамид прежде всего хотели оградить бранные останки от осквернения. Но, безусловно, имелась в виду и сохранность всех сокровищ, их неприкосновенность в тысячелетиях.

Опыт египтян широко использовался в древности и средневековье. Плита с медным кольцом, отверстие, лестница, разветвление

ВОСВОЯСИ...

комнат — вот общее представление о сокровищнице, на долгое время утвердившееся в сказках и былях, по образцу подземных лабиринтов пирамид. И описание гробницы Тутанхамона, сделанное открывшим ее археологом Картером, почти в точности соответствует тому, что видели Аладин и Зейн аль-Аснам из «Тысячи и одной ночи».

В середине первого тысячелетия до нашей эры в Малой Азии существовало сильное Лидийское государство. В результате каких-то дворцовых интриг во главе его оказался Гиг, простой копыенсец из охраны царя. Копыенсец был умным и предприимчивым, он расширил свое царство, собрал сказочные богатства, обеспечив многовековое процветание Лидии и ее столицы — города Сарды. О богатствах этого государства еще в древности ходили легенды, одним из царей там был знаменитый Крез, имя которого, как владельца неисчислимых сокровищ, стало нарицательным.

Став властелином, Гиг повелел устроить свою будущую гробницу в виде огромного холма диаметром 230 метров, внутри которого скрыли сложный подземный комплекс ходов и помещений. На холм пошло куда больше материала, чем на пирамиду Хеопса. Уже в наше время холм Гига разбуривали скважинами, неизменно натываясь на массивные каменные плиты, буквально вгрызались штельнями, сталкиваясь со стенами и полужасыпанными ходами. Но древние галереи неожиданно заканчивались туниками, а обвалы не позволяли археологам работать. К тому же план древних ходов и помещений оказался настолько неточным, что местоположение усыпальницы Гига и его сокровищ так и осталось ненайденным. Где он, тот ход, «в конце которого сокровища несметные, несчитанные»?

Считается, что солдаты Кортеса, захватившие столицу государства ацтеков Теночтитлан, несмотря на огромную добычу, все же не нашли основные сокровища. Ученые имеют основания предполагать, что драгоценности и золото ацтекских правителей, а также

богатства храмов скрыты в подземных кладовых, которые располагались под главным храмом. Этот храм, кстати, почти сразу же после завоевания Теночтитлана был разрушен до основания. Предположение косвенно подтверждается целым рядом выдающихся археологических находок вблизи этого места. Так, совсем недавно обнаружены храмовая плита с изображением богини Луны, сделаны ценные находки при прокладке метро в городе Мехико.

П. Фоссет в своих скитаниях по Южной Америке часто встречался с таинственными подземельями, которым молва приписывала роль хранилища золота инков. Например, в захудалом местечке Саманпату ему показали развалины здания, напоминавшего дворец. От этого дворца в скалу шел наклонный тоннель, и где-то в глубине горизонтальное ответвление вело, как указывали местные жители, к подземной сокровищнице. В окрестностях этой деревушки постоянно находят золотые фигурки инкских богов и священных животных.

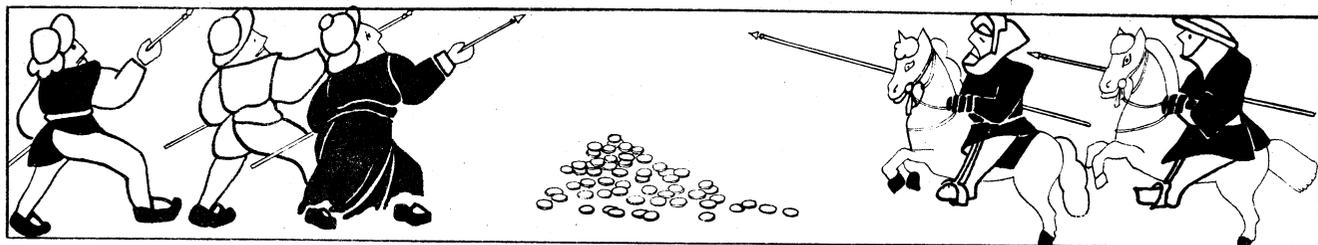
В конце двадцатых годов нашего века мир облетело известие: под городом Панама обнаружена целая сеть катакомб, частично залитых водой. Катакомбы вырыли испанские конкистадоры, а продолжали дело карибские пираты. До сих пор о них ничего не знали. Не знали и о сокровищах. Историки и кладоискатели кипулись в архивы. Удалось пайти кое-какие свидетельства о сокрытых в панамских катакомбах пиратских кладах. Но здесь вмешались панамские власти и, запретив частное кладоискательство, организовали расчистку катакомб. Судьба сокровищ неизвестна — больше никто и словом не обмолвился об успехе или провале дела. Такое бывает часто: о найденных сокровищах стараются не сообщать — ни государство, ни счастливые одиночки. А вдруг найдется хозяин или его потомки? Или вокруг ценностей начнется борьба, в которой обычно все средства хороши? Но так или иначе панамские катакомбы вызвали всеобщие поиски сокровищ в этом городе. Повезло лишь одной кладо-

искательской группе из двоих англичан и одного американца: под руинами церкви Сан-Хосе в подземном коридоре концессионеры нашли целое хранилище золотых предметов, бриллианты, рубины, жемчуг...

В Японии феодалы скопили за многие столетия колоссальные богатства и, опасаясь за их сохранность после буржуазной революции 1868 года, стали искать способы понадежнее их упрятать. Феодалный род Токугава выбрал склоны небольшой горы Акаги. Полторы тысячи землекопов день и ночь копали множество вертикальных шахт глубиной до 70 метров с горизонтальными галереями. Потом на глубине спрятали сокровища, которые сейчас оцениваются в 50 миллиардов долларов. Все шахты и тоннели были засыпаны вновь, скрыв целую систему настоящих тайников, а также ложных, которых было значительно больше. После окончания работ всех землекопов убили. Говорят, только двоим удалось бежать. И вот уже более ста лет склоны Акаги роют нетерпеливые кладоискатели. По-видимому, сокровища там действительно были, так как в годы второй мировой войны японское правительство, нуждаясь в средствах, отправило на поиски ценностей Токугава целый батальон солдат. Батальон несколько лет копался в «золотой горе», но, как говорят официальные свидетельства, безрезультатно.

Известный полководец Тамерлан (хромой Тимур) завоевал огромные территории, под его власть попали богатейшие государства Азии: Сирия, Ирак, Хорезм, Индия, Персия. Много ценностей было свезено в Самарканд. По преданию, свои сокровища Тимур хранил в подземельях близ мечети Биби-Ханым. Археологи неоднократно пытались найти входы в таинственное подземелье Тимура, но пока никому это не удалось.

К северо-востоку от Самарканда, за песками Кызылкумов, там, где Арьсь впадает в Сыр-Дарью, землю поднимают сотни курганов — больших и малых. Если оглядеть эту местность с вертолета,

то на огромном пространстве вырываются контуры древнего городища. Это остатки города Отрара, столицы некогда могущественного кипчакского государства, стертого с лица земли ордами Чингисхана. Через этот город проходил знаменитый Великий шелковый путь, Сыр-Дарья омывала его стены, а искусная ирригационная система давала вдоволь воды полям и садам.

Много страниц хвалебных слов, посвященных Отрару, оставили поэты и историки. Но историки древности сообщали и другое: под Отраром есть подземелье, длинные тоннели и галереи, некоторые походы на подземные дороги. В глубину холмов ведут лестницы, скрытые каменными плитами, а в теснины оврагов выходят узкие щели тайных вентиляционных каналов. И сегодня люди, попавшие на курганы Отрара, могут увидеть ольпывшие воронки и прикрытые пластинами земли темные отверстия лазов.

Такие же лазы видел в этом мертвом городе и русский археолог А. Черкасов. Он провел здесь разведку в 1903 году, а потом много месяцев исследовал холмы Отрара. Но не само подземелье было целью ученого. Он искал поистине бесценное сокровище, укрытое там. Почему бесценное? Золото, драгоценные камни, ювелирные изделия — все имеет цену, пусть даже баснословную. Но есть предметы, цену которым не установишь. Отрарское подземное сокровище, если оно отыщется, цены, действительно, не имеет. Это библиотека — собрание древних книг, свитков, табличек. По предположениям, их количество превышает тридцать тысяч единиц. Библиотеку основал ученик Авиценны кипчакский философ и поэт аль-Фараби. Старинные хроники (пусть даже с некоторыми преувеличениями, характерными для Древнего Востока) сравнивают Отрарскую библиотеку с безвозвратно потерянной Александрийской, которая, кстати, тоже была скрыта в подземных галереях. По преданию, Ярослав Мудрый хранил свою библиотеку в глубоком подвале под алтарем Софийского собора. Люди прятали ценное под землю. А книги всегда были дороже дорогого.

Один из курганов называется

Кокмордан. Однажды около него пастушья собака, преследуя барсук, юркнула в нору и вынесла в зубах... старинную арабскую книгу. Казахские ученые начали планомерные работы в древнем Отраре и, возможно, близок тот день, когда из тьмы полуобвалившихся подземных ходов будет извлечено величайшее сокровище древности.

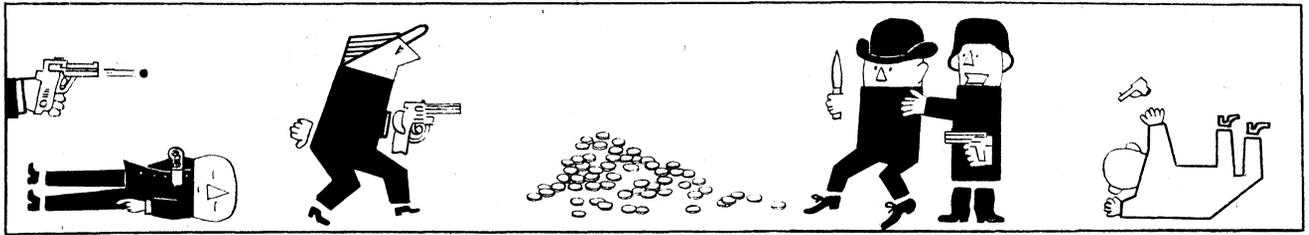
Средневековый монастырь Белалайе на Кипре был основан крестоносцами, которые на этом острове утвердились основательно. Сюда текли ценности со всех захваченных на Востоке земель. Но монахи не очень доверяли своим воинственным собратьям, поэтому глубоко под землей устроили хранилище. Вообще монастырь Белалайе — сооружение интересное, с тайнами и загадками. В стенах его много скрытых переходов и лестниц. Рядом с одной из потайных лестниц, выходящих за стены монастыря, существует еще одна — винтовая, в вертикальном колодце, по которой туристов приглашают спуститься в монастырскую сокровищницу. Это, пожалуй, один из редких случаев, когда своими глазами можно увидеть подземное хранилище в целостности и сохранности. Правда, уже без сокровищ. Сокровищница Белалайе — сводчатое помещение, в стенах которого устроены глубокие ниши с дверцами. В этих нишах и лежали монастырские богатства.

Подобным образом была сооружена и сокровищница ордена тамплиеров в их парижской резиденции замке Тамплъ. Их знаменитые богатства разыскиваются уже не одну сотню лет. А искать было что. Орден крестоносцев-тамплиеров известен не столько своими победами по вызволению гроба господня из рук мусульман, сколько откровенным разбоем, грабежом, ростовщичеством. Кроме обширных земель и замков, братья-крестоносцы владели такой солидной наличностью в виде золота и других драгоценностей, что, наверное, трудно сейчас определить ее цифровое выражение.

Из всех замков Франции Тамплъ считался самым совершенным в оборонительном отношении. В центре замка высилась главная башня — донжон. Высота ее дости-

гала сорока метров, а толщина стен — восьми метров. В стенах были тайные ходы и лестницы, а вход в башню располагался на высоте третьего-четвертого этажа. К нему вел подъемный мост с крыши другого здания. Внутри башни скрытая лестница спускалась в подземелье, где и хранилась казна ордена. Подземелье было многоярусное, разделенное тяжелыми сводами и массивными стенами в пределах одного яруса. Но и этих предосторожностей казалось мало. Там же, в подземельях, некоторые колонны, поддерживающие своды, были полыми внутри и раскрывались при помощи хитроумных устройств. Часть сокровищ хранилась в подземной церкви — крипте. И здесь тамплиеры, не надеясь на полную недоступность подземелья, устроили тайники. Под толстыми каменными плитами пола крипты, где хоронили Великих Магистров ордена, были и пустые могилы, — видимо, туда прятали самое ценное.

Эти мощные стены, башни из огромных тесаных глыб камня, многочисленные кованые решетки в тоннелях можно было одолеть только с помощью хитрости, если бы нашелся человек хитрее тамплиеров. И такой человек нашлся... Обхитрил тамплиеров французский король Филипп Красивый. Алчный и коварный, он устроил пышную встречу крестоносцам, когда те в 1306 году перенесли резиденцию в Тамплъ. Но богатства ордена не давали ему покоя, и через год во все концы королевства тайно были посланы гонцы с приказом: схватить всех тамплиеров и отправить в тюрьму. Замок Тамплъ не успел закрыть ворота — ворвавшийся туда королевский отряд арестовал Великого Магистра Жака де Молэ и весь капитул — совет ордена. Им предъявили много обвинений, в основном несправедливых, но это уже ничего не значило, так как королю нужно было золото крестоносцев. Великого Магистра и 60 членов капитула сожгли живою, но в казне тамплиеров наши какие-то крохи. Переворотив весь замок, подземные его помещения, открыв все тайники, обнаружили только часть сокровищ. Богатство тамплиеров,

неведомыми путями ускользнувшее из подземелий замка Тампл, рассеялось, видимо, по другим тайникам.

И вот уже пятью лет их упорно ищут. В архивах много раз обнаруживали документы, содержащие вроде бы прямые указания, где скрыты ценности. Один из замков, принадлежавших предпоследнему Великому Магистру — графу де Боже, разобрали до основания, но ничего не обнаружили. В конце прошлого века при реконструкции Парижа была снесена церковь тамплиеров и перекопаны все ее подвалы — пусто.

В наших газетах нет-нет да и появляются сведения о поисках наполеоновской «поклажи» в Семлевском озере. В 1812 году, стремительно отступая, французы будто бы бросили в это озеро награбленные в Москве ценности, в числе которых, как говорят, был многопудовый золотой крест с колокольни Ивана Великого. Когда дела наполеоновской армии стали особенно плохи после Березины, то где-то в Вильнюсе она рассталась с последними своими богатствами — несколькими миллионами франков в золотых и серебряных монетах. Русская армия настолько быстро преследовала отступающих, что в Вильнюсе им закрепиться не удалось, и французы спешно упрятали свою казну. Куда? В своем письме А. М. Римскому-Корсакову, одному из деятелей войны 1812 года, великий полководец М. И. Кутузов, видимо, имея какие-то убедительные свидетельства, писал: «...знатная казна короля Неаполитанского спрятана и зарыта в каком-то из монастырей виленских».

После изгнания французов из Вильнюса власти стали искать сокровища. Последний раз бочки с золотом случайные свидетели видели в здании университета. Все подземные помещения университетских зданий были обысканы, стены простуканы. Но другим свидетельствам, казну спрятали в колодце на окраине города. Словом, следы потерялись.

Если продолжить рассказ о подземных сокровищницах, то получится бесконечная цепь легенд, преданий, эпизодов, случаев. Все они обладают разной степенью до-

стоверности в смысле наличия самих сокровищ, но всегда связаны с реально существующими подземельями.

А эта история связана с современностью, хотя способы хранения ценностей и методы секретности были те же, что в средневековые или до нашей эры.

Итак, в хранилищах итальянского банка в сентябре 1943 года лежало 120 тонн золота. Слитки и монеты занимали 626 ящиков и 543 мешка. В середине сентября фашисты, боясь скорого падения своего режима в Италии, реквизируют золотой запас. В начале 1944 года, разделив его на три партии, стали лихорадочно прятать. Одну партию в 30 тонн фашисты скрыли в горах южного Тироля. После войны это золото было довольно скоро найдено союзниками. Остальные 90 тонн вместе с большим количеством ценностей, награбленных в итальянских городах, пропали бесследно. Так, во всяком случае, казалось.

Но однажды, много лет спустя, итальянская секретная служба получила пакет из национального банка. В пакете находилось анонимное письмо, которое пришло в адрес банка, с предложением указать местонахождение тайника с итальянским золотым запасом за определенную долю стоимости спрятанных сокровищ. Секретная служба забросила свои повседневные дела о шпионах и мафиозо и занялась сокровищем. Анонимные авторы были установлены. Ими оказались итальянская гражданка и бывший эсэсовец, живущий в Западной Германии. Клубок стал разматываться, и выяснилось, что в 1944 году гитлеровцы увезли золото из Рима и спрятали его в недрах горы Монте-Соррате. В этой горе еще перед войной был вырыт подземный лабиринт для командного пункта итальянской армии, потом здесь располагался немецкий штаб. Эсэсовец Фогт оказался в той команде, которая прятала золотой запас в подземные норы Монте-Соррате. Тогда, заподозрив что-то неладное по поведению офицеров, он благоразумно спрятался. После того, как все золото было скрыто в подземных галереях, солдат расстреляли, а Фогт скрылся...

Бывший эсэсовец подтвердил свое намерение показать тайник в горе, но сделать это не успел. Длинные руки подпольной эсэсовской организации, какими по сей день буквально кишит Западная Германия, достали его и заставили замолчать навсегда. Секретная служба не успела воспользоваться и показаниями итальянки — ее тоже убрали.

Но итальянское правительство решило добыть из горы сокровища. Более пяти лет подземный лабиринт безрезультатно расчищали и исследовали. Сдавшись, правительство передало право на поиски золотого запаса частным лицам — и вновь неудачи, даже загадочные убийства. Видимо, кто-то внимательно следил за работами, не допуская раскрытия тайны. Опять все раскопки прекращены. Правительство приняло решение о запрете дальнейших поисков, но дело о спрятанных ценностях окончательно не закрыто.

О подземных тайниках гитлеровцев написаны десятки книг и серьезных статей. Было много попыток найти сокровища, принадлежащие народам, ограбленным фашизмом. Как тут не вспомнить самоотверженный поиск советскими солдатами знаменитых полотен Дрезденской галереи, скрытых в лабиринтах соляных шахт. Эти картины, отреставрированные и приведенные в порядок, были возвращены немецкому народу. Что-то из гитлеровских тайников было найдено за годы, прошедшие с окончания войны, но многое еще не раскрыто. И до сих пор остается недостижимым самый главный подземный тайник эсэсовцев — подвалы швейцарских банков, где на зашифрованных счетах лежат фантастические суммы. А ведь там та же разбойничья добыча.

Подземелья безмолвствуют. В темноте галерей и ходов, тайников, камер и колодцев лежат сокровища. Тонкой струйкой над ними выются легенды и предания, рождаются сказочные вымыслы, с годами все глубже погребая крупницы сведений достоверных.

Лес для города

Леонид
БОГОЯВЛЕНСКИЙ

Рисунки
Т. Анпиловой

Однажды ранним весенним утром я оказался в лесу. Впереди раскинулась заболоченная низина, поросшая молодым березняком, сосною и черемухой. Тянуло сладковатым ароматом распускающихся почек берез и горьковатым духом мокрой коры черемухи. Струился прозрачный туман, сквозь который виднелись только верхушки деревьев, отчего казалось, что там, внизу, вовсе не лес, а широкое поле, нива. И, помню, подумалось: мы ведь так и зовем лес — зеленая нива. Усердно снимаем с нее урожай древесины и забываем порою, что лес дарит нам еще и отдых, здоровье, радость...

В нашей стране пригородные леса, которые отнесены к зеленой зоне городов, уже не рубят на хозяйственные нужды. Они служат только для отдыха населения. Число отдыхающих в лесу возрастает. Люди наносят вред лесной почве, травам, деревьям. Чтобы сохранить пригородный лес и уберечь от гибели, вести лесное хозяйство в нем надо особым образом. Как — ответ дает новая, еще только формирующаяся отрасль лесоведения — урбанизированное лесоведство. О нем наш рассказ. И нынешним школьникам развивать дальше новую науку, искать новые пути сохранения пригородных лесов.

Лет тридцать тому назад в таежной глухомани за Шарташом — горным озером на северо-восточной окраине Свердловска — можно было еще заблудиться: покрытые густыми сосняками, черничниками и многоотравниками, каменистые гряды возвышенностей, причудливо разбросанные по территории, перемежались заболоченными понижениями, сквозь дебри которых и не проредьешься. Чуть ослабил внимание, шагнул в сторону — и уже потерял ориентировку. Обступит тебя вдруг со всех сторон однообразная пестрота стволов или едкая зелень болотных мхов и будто смеется над тобой недобро, поддразнивает: выберись-ка теперь отсюда! А болота

мокрые, местами зыбкие, почва колыхнется под ногами. Ткнешь заостренный шест в трясины — на три метра вглубь проваливается.

От лесного кордона «Пески», что притаился в сосновой роще на пригорке у берега, я ходил в глубь леса по косенькой дорожке — мало заметной травянистой тропинке, петлявшей меж стволов. Во все былые времена всякая дорожка в лесу прокладывалась человеком для дела. Вела в грибные места или к ягодникам, на токовище или к лесосеке, — для праздного шатания в тайгу не забирались. И моя заветная тропка, по лежням одолев мокрое место, круто забирала в гору, к северу, упиралась в лесной полог — сосновые кроны, загадочно манила туда: глянь-ка, что там, за перевалом! — потом сбегала в низинку и пряталась в частом березняке, где красовались на кочках моховики, боровики, подберезовики.

В степи — простор, в лесу — угодье, — говаривал русский крестьянин в старину и ходил в лес на добычу зверя, на промысел орехов, грибов, ягод, целебного корня. Но не одним только богатством угодий, то есть материальной стороной дела, а еще и диким местом, нехоженными тропами привлекал к себе лес человека. Романтикой поиска, даже опасностью. В каждом из нас еще сохраняется дух первобытного охотника, следопыта.

Долгое время — так уж получилось — не был я в шарташском лесу, а когда как-то по осени вновь попал сюда, то вместо своей заветной тропинки увидел довольно широкую, покрытую утрамбованной щбенкой дорожку и старушку на ней в сером рабочем халате с метлою в руках. Она расчищала дорожное полотно от сухих опавших листьев и хвои.

Непривично было мне, выросшему у леса, видеть эту картину: зачем подметать тайгу? Да и вообще зачем тянуть в глухомани прогулочную дорожку? Пусть лес останется лесом — диким, непролазным, безлюдным. Тем он и хорош, тем

и жив он. Дорога, как ворота, открывает человеку свободный доступ в глухомань. Масса людей просто-напросто перетопчет ягодники, переломает кусты и подрост, распугает птиц и зверей. А без зайца и лес не лес, без кулика и болото не болото. Лес будет просвечивать насквозь, как городской сад. И в душе я никак не мог согласиться с тем, что проглочных дорожек в пригородных лесах Свердловска становится все больше и больше. Мне представлялось: дорожки погубят лес. Но я ошибался. И еще много-много дней и недель прошло, много дорог исходил я в шарташском лесу и в других лесах, примыкающих к Свердловску, много-много раз встречался с лесниками и лесничими, наблюдал их работу в лесу, наблюдал за горожанами, уже не десятками, сотнями, а тысячами устремлявшихся в ближний лес со всех конечных остановок городского транспорта, прежде чем понял свою ошибку и глянул на щебеночную дорожку в лесу уже иными глазами.

В самом конце апреля на северных склонах шарташских кражей последний снег еще сбегаёт в болота ручейками, а на южных, под горячим солнцем, уже пробиваются из земли и раскрывают бутоны наши подснежники: загадочный бледно-желтый, опушенный ворсинками прострел, таинственная ало-синяя медуница, веселые и беззаботные солнечные цветки мать-и-мачехи. Попозже расцветают оранжевые калужницы, жарки-купавки, белые пахучие грушанки — уральский ландыш. И тут-то охотники за лесной красотой наводняют лес и с корнем выдирают ее из земли.

Летом вокруг Шарташа чуть ли не под каждой сосной — пикник, на каждом пенёчке — закуска. Еще хуже зимую. Лыжники идут напролом, везде и всюду. Давят и губят всю поросль, все черничники и брусничники. Снежный покров приподнимает человека над землей, и тянется он за еловой и сосновой лапой с зелеными шишками. Лес стонет. Стонет не от ветра, а от горожанина, от урагана людского.

Я беседовал с учеными-лесоводами, с экологами, с ландшафтными архитекторами и градостроителями, спрашивал, как уберечь пригородный лес от гибели. Они уже думали над этим.

Издавна Свердловск славился своими окрестными лесами. Потому что в июле 1966 года именно здесь и созвали первое Всероссийское совещание лесоводов, на котором шел разговор о зеленых зонах городов, о благоустройстве пригородных лесов, об организации лесопарков.

23 июля в лесном массиве бывшего учебного хозяйства Уральского лесотехнического института, переданном теперь Шарташскому лесничеству

Свердловского горлесхоза, участники совещания посадили памятную аллею лиственниц и этим положили начало превращению леса в лесопарк, который тут же назвали «имени Лесоводов России». Установили монумент — глыбу серого уральского гранита — и высекли на ней эти слова.

Мне довелось быть свидетелем этой торжественной церемонии. Я слышал о тех работах, которые и превратят лесной массив в лесопарк. Тогда попытался, вникнув в суть понятий, уяснить, чем лесопарк будет отличаться от естественного, дикого леса и от городского парка культуры и отдыха. Порывшись в книгах, нашел: в 20-е годы в нашей стране лесопарками именовали леса, расположенные около городов. В предвоенные и первые послевоенные годы ленинградские и московские лесоводы сформулировали более точное определение понятия лесопарк: благоустроенный на основе технического проекта лес, предназначенный для массового кратковременного отдыха населения.

Первую лесопарковую зону в стране создали под Ленинградом в 1933 году. В 1936 году в ней сформировался первый лесопарк «Невский». Один на всю страну.

Сама по себе эта сухая научная формулировка мало что объясняла несведущему человеку. Но я уловил главное: лесопарк — путь спасения пригородного леса. Лес останется лесом, не превратится в городской сад или парк, но будет иным, особым. Не тем, что дает нам дрова или, скажем, корабельные мачты, а тем, что даст нам здоровье, отдых, наслаждение его красотой. Ученые назвали такой лес рекреационным. Значит, и лесное хозяйство в нем надо вести по-иному. Но как? На этот вопрос и попытались ответить впервые на совещании 1966 года. Вернее сказать, лишь наметили ответ. Ученые еще только исследовали проблему, изучали влияние отдыхающих на лес, делали первые выводы.

А лесники-практики не могли сидеть сложа руки и ждать, когда ж ученые скажут, как им вести хозяйство в лесопарках. Им надо было работать сегодня, и они работали.

В 1967—1968 годах составили проект лесоустройства 15 лесопарков Свердловска. Тогда впервые был применен метод ландшафтной таксации лесов, который еще только рождался. При ландшафтной таксации описываются не только запасы древесины, а ландшафты, или пейзажи, то есть участки леса, лесные комплексы. Например, водоем и его окрестности, склон холма с его травами, поляна с окружающими ее деревьями.

Итак, Свердловский горлесхоз начал энергичное, планомерное пре-

образование лесов в лесопарки. А делалось вот что. По-прежнему строились щебеночные пешеходные дорожки, продолжали оборудовать поляны отдыха: устанавливали сиденья, столы, укрытия от непогоды, сооружения для детских игр, украшения в виде деревянных скульптур сказочных персонажей. Новым же было строительство прудов, например, в лесопарке имени Лесоводов России, устройство на Шарташе пляжей, а также декоративное оформление родников, ключиков и прудков в бывших карьерах. Кроме того, ежегодно проводились большие декоративные посадки у дорог, водоемов, на опушках, в прогалах, на полянах.

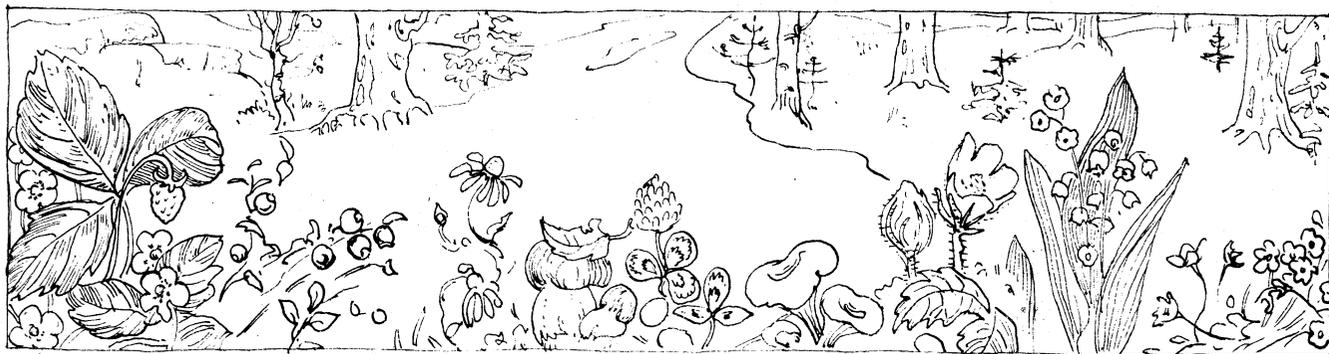
Свердловские лесопарки хвалили, их называли зеленым ожерельем города. В 1975 году решением облисполкома они были объявлены ботаническими памятниками природы. Дважды Свердловский горлесхоз занимал первое место и получал награды в республиканском конкурсе на лучшее содержание и благоустройство лесов, используемых для отдыха трудящихся. На ВДНХ лесники получили медали...

Но время шло, лесоустроительный проект устарел, а новых научных рекомендаций горлесхоз не получал и какую поляну как обустроить, как сделать декоративные посадки или рубки, куда и какой протяженности проложить дорожки, решали сами лесники по наитию, по догадке, по подсказке таланта своего.

Между тем в лесоведении — науке о лесах — так энергично велись исследования по рекреационным лесам, столько накопилось новых знаний, что появилась в нем новая отрасль, направление — урбанизированное лесоводство. Это система знаний о пригородных, антропогенных лесах. Их именуют еще лесами социального назначения.

Внутри нового направления уже сформировались самостоятельные учения: учение о влиянии различных типов леса на психологическое состояние и эмоции человека; учение о теоретических основах благоустройства рекреационных лесов; учение о динамике (развитии) лесонасаждений, находящихся под антропогенным воздействием; учение о пригородных объектах ландшафтного лесоустройства, в частности лесопарков.

Ландшафтное лесоустройство направлено на сохранение леса, на улучшение его рекреационных свойств. Это, в частности, и организация лесопарков. С чего начинается преобразование леса в лесопарк? Оцениваются эстетические свойства пейзажей, их эмоциональное воздействие на отдыхающих, определяют и описывают их форму, объем, цвет. И затем разрабатывают ландшафт-

но-архитектурный план и проект детальной планировки лесопарка. Составляют рабочие чертежи, и лесники приступают к практическим работам по формированию лесопарка: пейзажным рубкам и посадкам, благоустройству (дорожно-тропиночная сеть, мебель, малые архитектурные формы) и зооустройству (создание: зон покоя, развешивание гнездований, кормушек, устройство вольеров).

Все это должно выполняться только при условии сохранения окружающей среды. Поэтому в проекте предусматривают мероприятия по уменьшению ущерба лесу от рекреационной нагрузки и хозяйственной деятельности человека. Для этого определяют потребности города (или его района) в пригородных лесах, подсчитывают посещаемость, то есть рекреационную нагрузку и устанавливают возможность леса выдерживать эту нагрузку без ущерба для лесного биогеоценоза, экосистемы.

Один из эффективных методов предотвращения рекреационных перегрузок — это рассредоточение отдыхающих на территории лесопарка, создание хорошо продуманной сети лесных дорожек и троп. Дорожка, словно магнит, притягивает к себе пешехода. Она спасает лес, а не губит, как представлялось мне раньше...

То, что я рассказал об урбанизированном лесоводстве, не найти ни в учебнике, ни в научных монографиях, ибо ни того, ни другого еще нет. Есть книжки по отдельным проблемам, статьи в журналах, диссертации.

Ручейки сбегают в реки, реки — в моря. Когда-то сольются в единый поток и труды отдельных ученых-лесоводов, появятся монографии, учебники. Для этого исследователи время от времени встречаются, рассказывают о том, что сделали, договариваются, что делать дальше. Такой встречей и была научно-техническая конференция по проблемам лесопаркового хозяйства в пригородных зонах, которая проходила в Свердловске в сентябре 1981 года, через пятна-

дцать лет после первого Всероссийского совещания лесоводов. Проводилась она по решению Министерства высшего и среднего специального образования и Министерства Федерации. А инициатором ее выступил Уральский лесотехнический институт.

Это был представительный и авторитетный форум. В актовом зале института собрались ученые-лесоводы из 11 вузов, 11 научных и проектных институтов, лесоводы-практики из 8 территориальных подразделений лесного хозяйства РСФСР, Украины, Белоруссии и других республик — от Камчатки до Прикарпатья, от Белого моря до Помира. 132 автора представили на конференцию 90 докладов о научных исследованиях и опыте урбанизированного лесоводства.

На благоустройство рекреационных лесов (устройство лесопарков) требуются большие капитальные затраты. Исследования, о которых докладывалось на конференции, показали, что они окупаются повышением производительности труда благодаря отдыху и укреплению здоровья трудящихся в пригородных лесах. Были подсчитаны «цена свободного времени» трудящихся и «рекреационная ценность» среднего гектара благоустройства леса. Эту величину называют еще «эффектом хозяйствования» в лесопарке. Затем определили расходы на благоустройство, то есть «стоимость хозяйствования» в лесопарке. Сопоставление результатов показало, что эффект хозяйствования выше стоимости хозяйствования. То есть получают больше, чем затрачивают. Доходы от благоустройства выше расходов на него. Урбанизированное лесоводство — дело эффективное. Таков вывод науки.

Конференция выработала рекомендации по использованию исследований в урбанизированном лесоводстве.

Все участники конференции единодушно высказались за то, чтобы организовать в лесных вузах подготовку специалистов по лесопарковому хозяйству, составить про-

грамму и учебные пособия для студентов.

...15 сентября погода хмурилась, но это не помешало участникам конференции собраться у монумента Лесоводам России, там, где 15 лет назад была высажена аллея лиственниц.

Слабые тогда деревца окрепли и превратились в могучие деревья. В память о конференции и в поддержку доброй традиции каждая делегация высаживает по деревцу — сибирскому кедру.

Посадки окончены. Все идут к дороге, садятся в автобусы. Мы вдвоем с лесником еще остаемся на месте. Он думает о чем-то, потом, словно очнувшись, деловито оглядывает поляну. Праздник кончился, продолжают будни, Иван Яковлевич дает команду заровнять у посаженных кедров почву граблями, полить их хорошо, убрать инструмент. А завтра — новые думы, прикидки, подсчеты: на плечах у него еще три лесопарка. Когда-то еще эти ученые вернуться к нему с готовыми рекомендациями: правилами, таблицами, наставлениями. А пока все надо решать самому: мебель, скульптуры, дорожки, посадки, рубки...

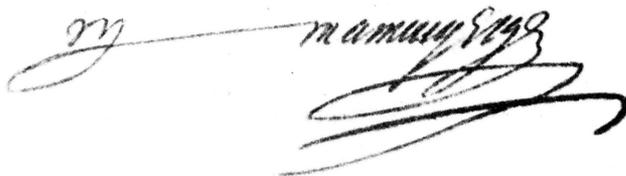

Портрет
основателя
Екатеринбурга

В одном из томов старинных ученых записок императорской Академии наук, посвященном собранию 19 апреля 1886 г. в память 200-летней годовщины со дня рождения В. Н. Татищева, свердловский книголюб В. Третьяков обнаружил фоторепродукцию малоизвестного портрета первого российского историка. Этот портрет основателя Екатеринбурга (Свердловска), как сообщается в комментарии, был доставлен на торжества в Петербург из имения правнучки Василия Никитича и будто бы «передавался в потомстве Татищева от поколения к поколению». И самое ценное: в книге есть указание на то, что «старинный портрет этот, исполненный масляными красками, написан с натуры».

Из книги в книгу переходит уже много десятилетий другой портрет Василия Никитича Татищева — рисованный. Найденная же фоторепродукция гораздо интереснее, выразительнее.

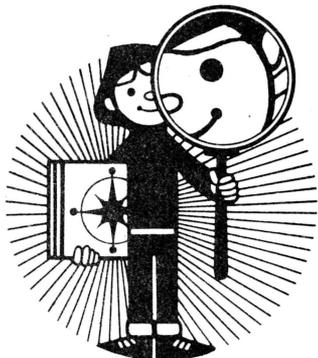
На снимке портрет ос-

нователя Екатеринбурга Василия Никитича Татищева, который был репродуцирован впервые почти сто лет назад и до сих пор не вос-

производился в изданиях краеведческого характера.

Г. ЛЮСИНОВ
Фоторепродукция
Л. Баранова

МИР

НА ЛАДОНИ

Подзорные трубы

В 1903 году на одном из островов Малого Антилского архипелага выпустили в обращение почтовую марку, на которой изображен первооткрыватель Америки Христофор Колумб, рассматривающий горизонт через подзорную трубу. Из Европы сразу пришел протест с указанием на явную неточность. Такой прибор впервые сделан голландскими оптика-

ми лишь в 1608 году, то есть 103 года спустя после смерти великого мореплавателя.

Однако и сам протест оказался не точным. Еще в 1580 году телескоп, или что-то вроде него, попытался сделать итальянский физик Порта. Он экспериментировал с линзами от очков и добился некоторого успеха. В 1590 году не ученые, а простые итальянские ремесленники изготовили первые подзорные трубы хорошего качества. Голландские же мастера лишь повторили их конструкцию.

Памятник метеориту

На одной из сопок в глухой енисейской тайге на гранитной плите стоит двухметровый чугунный диск. На нем выбиты слова: «Место находки метеорита «Палласово железо».

Обнаружен был небесный камень весом в 700 килограммов в 1749 году в районе рек Сесим и Убей. В 1779 году метеорит по инициативе академика П. Палласа был доставлен в Петербургскую Академию наук. С этого «Палласова железа» и началось в России изучение небесного вещества. В память об этом событии и установлен мемориальный знак. А сопка, на которой он установлен, названа Метеоритной.

Б. СОСЕДОВ

Мастодонт мастодонтов

Одна из возвышенностей в горной части американского штата Колорадо оказалась настоящей гробницей окаменелых останков доисторических животных. В этом месте в 1979 году палеонтолог Джеймс Джонсон обнаружил кость невероятных размеров: длиной почти три метра! По мнению ученого, эта кость является лопаткой брахиозавра — ящера из рода ди-

нозавров. Если судить по размерам находки, то эта лопатка принадлежала существу, имевшему рекордные размеры среди всех когда-либо существовавших на земле сухопутных животных. Подсчитали, что вес его превышал 80 тонн, а шея у этого великана была длиной в 20 метров!

В. РОЦАХОВСКИЙ

Искатели счастья

Страницы австралийских газет обошло сообщение о дикивинной находке — золотом самородке весом 13,3 килограмма. Такая удача выпала на долю супругов, отказавшихся опубликовать свою фамилию. Выйдя в прошлом году на пенсию, они отправились искать счастья в пустынные районы Западной Австралии и близ Калгурли нашли редкий самородок.

Любительское золотоискательство в последние годы приняло в Австралии массовый характер. Тысячи людей уезжают в выходные дни из городов и целыми семьями бродят по горам, полям и лесам с попискивающими в руках металлоискателями, которые теперь, кстати, продаются на каждом углу. Если даже ничего и не удастся найти, что случается чаще всего, все равно люди остаются довольны хорошей прогулкой на свежем воздухе.

Родник уральской дробы

Дроболитейных заводов в стране не так уж и много — по пальцам можно перечислить. Челябинский завод среди них — один из крупных. На нем выпускается ежегодно три тысячи тонн дробы и 250 тонн картечи.

Дробь лют так. На высоте 56 метров в литейной башне расплавляется свинец, который проходит через своеобразное сито, отверстия которого соответствуют диаметру дробы. Свинец сверху капает в чан с водой, чтобы дробинки не бились друг о друга.

Самая крупная дробь — пять миллиметров в диаметре, картечь — еще крупнее. Картечь делается иначе — из проволоки, которую рубят на короткие отрезки и катают из них шарики.

Продукция Челябинского дроболитейного завода идет в промысловые охотничьи хозяйства Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера.

Челябинский родник дробы существует с 1911 года.

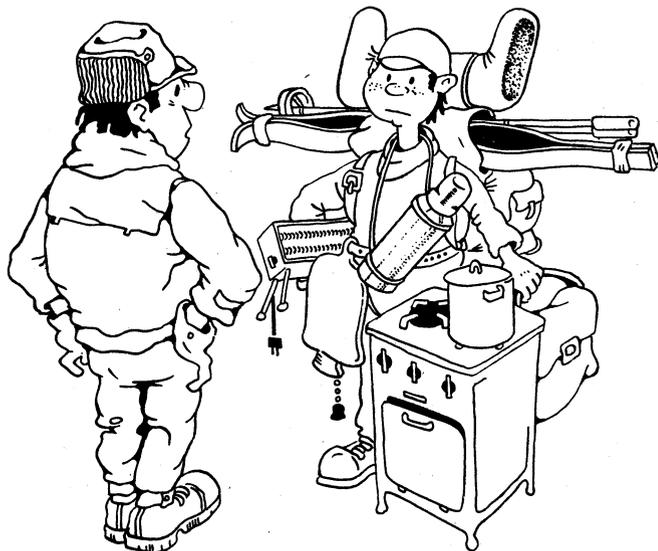
С. БЕЛКОВСКИЙ

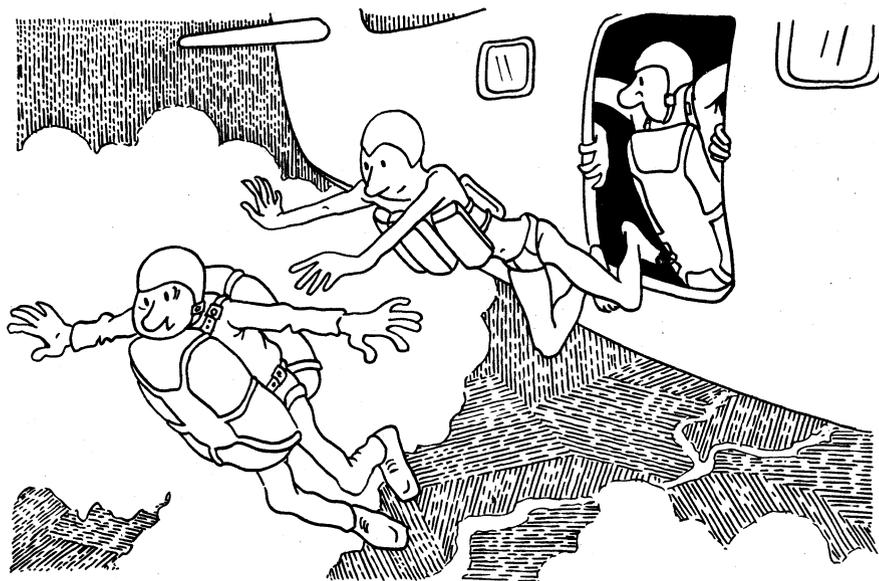
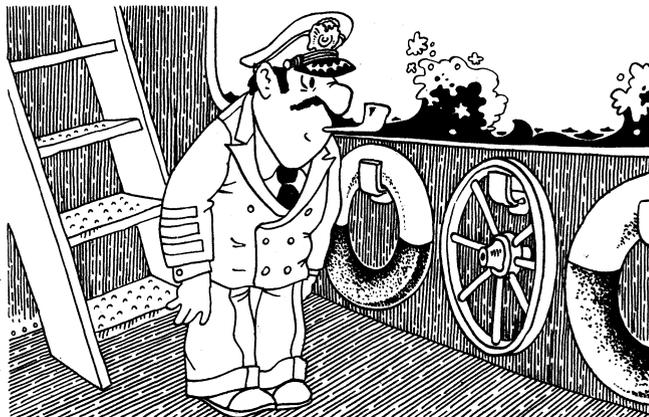
Плывущая ферма

Островок из пластмассовых бидонов, напоминающий гигантскую паутину, появился недавно вблизи мыса Калиакра, недалеко от Варны. Бидоны выстроены в 15 радиальных линий, каждая из которых длиной 80 метров. Это первый устричный питомник в Болгарии. Устрицы гроздьями

прикрепляются к наполовину погруженным в воду бидонам. Опыты, проводимые на протяжении двух лет, показали, что оригинальная конструкция переносит самые сильные ветры и волны. Каждый урожай дает около 4000 килограммов устриц.

— В следующий раз собирайся в поход без мамы!

Рисунки
С. Ашмарина
г. Свердловск

Река Чусовая. Камень Гребни.

Много на реке Чусовой береговых утесов — более, двухсот, и каждый — наотличку, у каждого — свое лицо, свой рост, своя история, свое имя каждому люди дали.

Вот, например, Гребни... От камня Пещерного река спрянула вправо. Посмотришь издали — впереди за мысом будто гребешок у воды зубчиками кверху поставлен. А подплывешь вплотную — не гребешок, но гигантский каменный гребень взметнулся вертикальными складками на десятки метров вдоль левобережья. Густая изгородь леса наверху делит небо пополам. Шумят на ветру, позванивают гирляндами загорелых на солнце смолевых шишек вековые ели, а у подножья скал играет без устатки, серебрится широким бродом река.

Иные камни обветрели, потемнели от времени, согнулись от старости, черные трещины-морщины изуродовали

их лик. А Гребни, похоже, ничто не берет. Века стоят, высятся своей несгибаемой грудью над водой.

По крутому откосу взбирается осыпями извилистая узкая тропинка и теряется в сумрачной зелени лохматых ветвей. На одно поколение мальчишек бегало сюда бродом встречать первые лучи солнца, глянуть с высоты птичьего полета на родную деревню напротив Гребней, помечтать о дальних странах. Давно нет той деревни. Да только летними днями частенько наведываются сюда уже немолодые люди, чтобы встретиться с рекой своего детства...

Здесь, на сто третьем километре от Коуровской турбазы, и участники водного путешествия часто привалы делают. Зачарованные красотой геологического и ботанического памятника природы, сушат весла, замирают перед каменным чудом....

Фото и текст В. Ветлугина